

Том 13. № 2
2016

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

ISSN 1813-8918

Учредитель

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Главный редактор

В.А. Петровский (НИУ ВШЭ)

Редакционная коллегия

Дж. Берри (Университет Куинс, Канада)
Г.М. Бреслав (Балтийская международная академия, Латвия)
Е.Л. Григоренко (МГУ им. М.В. Ломоносова и Центр ребенка Йельского университета, США)
В.А. Ключарев (НИУ ВШЭ)
Д.А. Леонтьев (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)
М. Линч (Рочестерский университет, США)
Д.В. Люсин (НИУ ВШЭ и ИП РАН)
Е.Н. Осин (НИУ ВШЭ)
А.Н. Подьяков (НИУ ВШЭ)
Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.) (ИП РАН)
А.В. Хархурин (Американский университет Шарджи, ОАЭ)
В.Д. Шадриков (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)
С.Р. Язловский (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)

Экспертный совет

К.А. Абулханова-Славская (НИУ ВШЭ и ИП РАН)
Н.А. Алмаев (ИП РАН)
В.А. Барабанищikov (ИП РАН и МГППУ)
Т.Ю. Базаров (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)
А.К. Болотова (НИУ ВШЭ)
А.Н. Гусев (МГУ им. М.В. Ломоносова)
А.Л. Журавлев (ИП РАН)
А.В. Карпов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)
Е.А. Климов (МГУ им. М.В. Ломоносова)
А. Лэнгле (НИУ ВШЭ)
А.Б. Орлов (НИУ ВШЭ)
В.Ф. Петренко (МГУ им. М.В. Ломоносова)
В.М. Розин (ИФ РАН)
И.Н. Семенов (НИУ ВШЭ)
Е.А. Сергиенко (ИП РАН)
Е.Б. Старовойтенко (НИУ ВШЭ)
Т.Н. Ушакова (ИП РАН)
А.М. Черноризов (МГУ им. М.В. Ломоносова)
А.Г. Шмелев (МГУ им. М.В. Ломоносова)
П. Шмидт (НИУ ВШЭ и Гиссенский университет, Германия)

«Психология. Журнал Высшей школы экономики» издается с 2004 г. Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и поддерживается департаментом психологии НИУ ВШЭ. Миссия журнала — это

- повышение статуса психологии как фундаментальной и практико-ориентированной науки;
- формирование новых предметов и программ развития психологии как междисциплинарной сферы исследований;
- интеграция основных достижений российской и мировой психологической мысли;
- формирование новых дискурсов и направлений исследований;
- предоставление площадки для обмена идеями, результатами исследований, а также дискуссий по основным проблемам современной психологии.

В журнале публикуются научные статьи по следующим основным темам:

- достижения и стратегии развития когнитивной, социальной и организационной психологии, психологии личности, персонологии, нейронаук;
- методология, история и теория психологии;
- методы и методики исследования в психологии;
- междисциплинарные исследования;
- дискуссии по актуальным проблемам фундаментальных и прикладных исследований в области психологии и смежных наук.

Целевая аудитория журнала включает профессиональных психологов, работников образования, представителей органов государственного управления, бизнеса, экспертных сообществ, студентов, а также всех тех, кто интересуется проблемами и достижениями психологической науки.

Журнал выходит 1 раз в квартал и распространяется в России и за рубежом.

Выпускающий редактор *Ю.В. Брицева*
Редакторы *О.В. Шапошникова*, *О.В. Петровская*,
Д. Вонсбро. Корректурa *Н.С. Самбу*
Переводы на английский *К.А. Чистопольская*,
Е.Н. Гаевская
Компьютерная верстка *Е.А. Валуевой*

Адрес редакции:
109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 46Б
E-mail: psychology.hse@gmail.com
Сайт: <http://psy-journal.hse.ru/>

Перепечатка материалов только по согласованию с редакцией.

© НИУ ВШЭ, 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Специальная тема выпуска. Ценности: трансмиссия и влияние на установки людей в разных культурах

- Н.М. Лебедева.** Вступительное слово 221
- З.Х. Лепшокова, В.Н. Галяпина, Н.М. Лебедева.** Влияние религиозной идентичности и воспринимаемой психологической близости на сходство ценностей родителей и детей в разных религиозных контекстах (на английском языке) 223
- П. Шмидт, А.Н. Татарко.** Предпринимательское намерение и ценности личности: результаты опроса российского населения (на английском языке) 240
- В.А. Понизовский.** Ценности и установки по отношению к иммигрантам: кросс-культурные различия в 25 странах(на английском языке) 256
- Д.С. Григорьев.** Ценности, социальная дистанция и установки по отношению к миграции: кросс-культурное исследование в Бельгии, Германии, Франции и Нидерландах 273
- Д.И. Дубров, А.Н. Татарко.** Межпоколенная трансмиссия ценностей в городской и сельской среде 299
- Г. Цой, Н.А. Лебедева, А.Н. Татарко.** Взаимосвязь ценностей и социально-экономических представлений у корейских и российских студентов 310

Статьи

- Т.Ю. Иванова, Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова.** Функции личностных ресурсов в ситуации экономического кризиса 323
- А.А. Котов, В.А. Беляева, Т.Н. Котова.** Усиление категориального эффекта восприятия с помощью понятийных комбинаций 347
- В.М. Розин.** От взглядов Л.С. Выготского к современной концепции развития 367
- О.А. Сычев.** Русскоязычная версия Шкалы оценки отношений 386

Короткие сообщения

- С.А. Языков, М.В. Фаликман.** Движения глаз в ходе спонтанного и контролируемого обнаружения слов в больших буквенных массивах 410

Обзоры и рецензии

- В.Ю. Костенко.** Возможное Я: Подход Хейзел Маркус 421

Vol. 13. No 2
2016

PSYCHOLOGY

Journal of the Higher School of Economics

Publisher

National Research University
Higher School of Economics

ISSN 1813-8918

Editor-in-Chief

Vadim Petrovsky, HSE, Russian Federation

Editorial board

John Berry, Queen's University, Canada
Gershons Breslavs, Baltic International Academy, Latvia
Elena Grigorenko, Lomonosov MSU, Russian Federation, and Yale Child Study Center, USA
Vasily Klucharev, HSE, Russian Federation
Anatoly Kharkhurin, American University of Sharjah, UAE
Dmitry Leontiev, HSE and Lomonosov MSU, Russian Federation
Martin Lynch, University of Rochester, USA
Dmitry Lyusin, HSE and Institute of Psychology of RAS, Russian Federation
Evgeny Osin, HSE, Russian Federation
Alexander Poddiakov, HSE, Russian Federation
Vladimir Shadrikov, Deputy Editor-in-Chief, HSE, Russian Federation
Dmitry Ushakov, Deputy Editor-in-Chief, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation
Sergey Yagolkovskiy, Deputy Editor-in-Chief, HSE, Russian Federation

Editorial council

Ksenia Abulkhanova-Slavskaja, HSE and Institute of Psychology of RAS, Russian Federation
Nikolai Almaev, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation
Vladimir Barabanshikov, Institute of Psychology of RAS and Moscow University of Psychology and Education, Russian Federation
Takhir Bazarov, HSE and Lomonosov MSU, Russian Federation
Alla Bolotova, HSE, Russian Federation
Alexander Chemorixov, Lomonosov MSU, Russian Federation
Alexey Gusev, Lomonosov MSU, Russian Federation
Anatoly Karpov, Demidov Yaroslavl State University, Russian Federation
Evgeny Klimov, Lomonosov MSU, Russian Federation
Alfried Längle, HSE, Russian Federation
Alexander Orlov, HSE, Russian Federation
Victor Petrenko, Lomonosov MSU, Russian Federation
Vadim Rozin, Institute of Philosophy of RAS, Russian Federation
Igor Semenov, HSE, Russian Federation
Elena Sergienko, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation
Alexander Shmelev, Lomonosov MSU, Russian Federation
Peter Schmidt, HSE, Russian Federation, and Giessen University, Germany
Elena Starovoytenko, HSE, Russian Federation
Tatiana Ushakova, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation
Anatoly Zhuravlev, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

«Psychology. Journal of the Higher School of Economics» was established by the National Research University «Higher School of Economics» (HSE) in 2004 and is administered by the School of Psychology of HSE.

Our mission is to promote psychology both as a fundamental and applied science within and outside Russia. We provide a platform for development of new research topics and agenda for psychological science, integrating Russian and international achievements in the field, and opening a space for psychological discussions of current issues that concern individuals and society as a whole.

Principal themes of the journal include:

- methodology, history, and theory of psychology
- new tools for psychological assessment;
- interdisciplinary studies connecting psychology with economics, sociology, cultural anthropology, and other sciences;
- new achievements and trends in various fields of psychology;
- models and methods for practice in organizations and individual work;
- bridging the gap between science and practice, psychological problems associated with innovations;
- discussions on pressing issues in fundamental and applied research within psychology and related sciences.

Primary audience of the journal includes researchers and practitioners specializing in psychology, sociology, cultural studies, education, neuroscience, and management, as well as teachers and students of higher education institutions. The journal publishes 4 issues per year. It is distributed around Russia and worldwide.

Managing editor *Yu.V. Briseva*

Copy editing *O.V. Shaposhnikova, O.V. Petrovskaya,*

N.S. Sambu, D. Wansbrough

Translation into English *K.A. Chistopolskaya,*

E.N. Gaevskaya

Page settings *E.A. Valueva*

Editorial office's address:

Volgogradsky pr., 46B, 109316, Moscow, Russia.

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Website: <http://psy-journal.hse.ru/>

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

© HSE, 2016 r.

CONTENTS

Special Theme of the Issue. Transmission of Values and Their Impact on Attitudes of People in Different Cultures

N.M. Lebedeva. Editorial (<i>in Russian</i>)	221
Z.H. Lepshokova, V.N. Galyapina, N.M. Lebedeva. The Impact of Religious Identity and Perceived Psychological Closeness on Parent-Child Value Similarity in Different Religious Contextss	223
P. Schmidt, A.N. Tatarko. Entrepreneurial Intention and Values: Results from a Russian Population Survey	240
V.A. Ponizovskiy. Values and Attitudes towards Immigrants: Cross-Cultural Differences across 25 Countries	256
D.S. Grigoryev. Values, Social Distance and Attitudes toward Immigration: A Cross-Cultural Study of Belgium, Germany, France and the Netherlands (<i>in Russian</i>)	273
D.I. Dubrov, A.N. Tatarko. Intergenerational Value Transmission in Urban and Rural Area (<i>in Russian</i>)	299
K. Choi, N.A. Lebedeva, A.N. Tatarko. The Relationship between Values and Socio-Economic Attitudes among Korean and Russian Students (<i>in Russian</i>)	310

Articles

T.Yu. Ivanova, D.A. Leontiev, E.I. Rasskazova. Functions of Personality Resources in a Situation of Economic Crisis (<i>in Russian</i>)	323
A.A. Kotov, V.A. Belyaeva, T.N. Kotova. Enhancing the Effect of Categorical Perception by Means of Conceptual Combinations (<i>in Russian</i>)	347
V.M. Rozin. From L.S. Vygotsky's Views to the Contemporary Conception of Development (<i>in Russian</i>)	367
O.A. Sychev. Russian Version of Relationship Assessment Scale (<i>in Russian</i>)	386

Work in Progress

S.A. Yazykov, M.V. Falikman. Eye Movements in Spontaneous and Controlled Word Detection in Letter Arrays (<i>in Russian</i>)	410
---	-----

Reviews

V.Yu. Kostenko. Possible Self: Theory by Hazel Markus (<i>in Russian</i>)	421
--	-----

---

*Специальная тема выпуска:
Ценности: трансмиссия и влияние
на установки людей в разных культурах*

Приглашенный редактор — Н.М. Лебедева

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые читатели журнала
«Психология»!

Вашему вниманию предлагается подборка статей научных сотрудников и аспирантов Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований НИУ ВШЭ (МНУЛ СКИ) на тему «Ценности: трансмиссия и влияние на установки людей в разных культурах».

Спектр изучения ценностей в лаборатории довольно широк, и в данном выпуске отражены лишь некоторые направления наших исследований. В частности, мы исследуем влияние ценностей на предпринимательские намерения (П. Шмит и А.Н. Татарко), на социально-экономические установки и представления (Г. Цой, Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко), на установки по отношению к мигрантам (В.А. Понизовский и Д.С. Григорьев). Особое внимание уделяется исследованию предикторов межпоколенных сходств и различий в ценностях, в частности, рели-

гиозной идентичности, восприятию детско-родительской психологической близости и особенностям социокультурной среды (З.Х. Лепшкова, В.Н. Галяпина, Н.М. Лебедева и Д.И. Дубров).

Почти все наши исследования являются кросс-культурными и выполнены в двух и более культурах. В выпуске пять из шести статей основаны на сравнении результатов исследований в ряде культур и регионов. Два исследования (В.А. Понизовского и Д.С. Григорьева) выполнены с использованием базы данных Европейского социального исследования, остальные работы построены на базе полевых исследований сотрудников МНУЛ СКИ в областях Центральной России, Южного федерального округа, в республиках Северного Кавказа (Кабардино-Балкария и Северная Осетия–Алания). Кросс-культурный подход является инструментом выявления универсалий и культурной специфики в психологии человека, и все

современные направления психологической науки в той или иной мере используют кросс-культурные сопоставления.

Надеемся, что данные статьи пробудят интерес к изучению ценностей

как ядра культуры, их природы и механизма влияния на установки и поведение человека.

Н.М. Лебедева

THE IMPACT OF RELIGIOUS IDENTITY AND PERCEIVED PSYCHOLOGICAL CLOSENESS ON PARENT-CHILD VALUE SIMILARITY IN DIFFERENT RELIGIOUS CONTEXTS

Z.H. LEPSHOKOVA^a, V.N. GALYAPINA^a, N.M. LEBEDEVA^a

^a National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

---

Abstract

This paper describes the impact of religious identity and perceived parent-child psychological closeness on their value similarity in different religious contexts (contexts of religious minority and majority). The total sample includes 454 respondents. Parents and adolescent children of 118 Russian Orthodox Christian families from the Kabardino-Balkarian Republic (with 72% Muslim population) and 109 Russian Orthodox families from the Republic of North Ossetia-Alania (with 91% Orthodox population) were surveyed using a questionnaire measuring values (Portrait Values Questionnaire-Revised – PVQ-R of Schwartz), religious identity and scales of perceived parent-child closeness assessed by parents and adolescents developed by the authors. The results of path analysis showed that religious identity of Russian Orthodox adolescents in the Kabardino-Balkarian Republic predicted parent-child value similarity, while the perceived psychological closeness of adolescents with their parents negatively related to their value similarity. In the Republic of North Ossetia-Alania parental religious identity and psychological closeness assessed by children predict the parent-child value similarity. In these two North Caucasus republics we also found that psychological closeness assessed by parents negatively related to parent-child value similarity. The discussion of the results is devoted to the role of religious context in the impact of religious identity and perceived psychological closeness on parent-child value similarity.

Keywords: values, religious identity, perceived psychological closeness, parent-child value similarity, religious context, Russian Orthodox Christians, the Kabardino-Balkarian Republic, the Republic of North Ossetia-Alania.

Introduction

Over the past few decades the field of psychosocial research has seen growing interest in value transmission across generations because of the relevance of

this process for individual development and societal functioning. As intergenerational similarity is an important source of continuity, a high parent-child value similarity (PCVS) has often been assumed to be an indicator

of a successful transmission of values within the family (Trommsdorff, 2009). At the present time in studies of intergenerational continuity much attention is paid to the mechanism of transmission of values, to the age and gender specifics of this process, and to the impact of social and cultural context (Boehnke, 2001; Boehnke, Hadjar, & Baier, 2007; Vedder, Berry, Sabatier, & Sam, 2009).

Family is the first and the main context for value socialization of children and an important source of intergenerational continuity (Grusec & Davidov, 2007). Although intra-familial processes do not take place in an isolated family-only environment, there is very little research considering the role of the socio-cultural context in the transmission of values. Some recent studies (Boehnke, 2001; Boehnke et al., 2007; Vedder et al., 2009) have focused on this neglected issue and have concluded that PCVS may depend not only on the family, but also on the modal value climate of a society. Moreover, within the same society people belong to a variety of groups, such as generation, gender, ethnicity, and friendship groups. All of these groups provide contexts that operate in conjunction with the family on the development of youth values (Goodnow, 1997).

The current study focuses on the role of family (parental and adolescent religious identity and their mutual perceived psychological closeness) and social context (religious minority or majority status) in PCVS.

S. Schwartz and S. Huismans (1995) first studied the relation between religiosity and individual values. They found that religion was positively associated with Tradition and Conformity

values. In this regard we suggest that in families with higher religiosity PCVS will be also higher due to higher level of Conformity values, which contribute to higher values and attitude congruence in such families.

Studies with majority populations have shown that parents are the main source of religious (Myers, 1996) and value socialization (Gecas, 1981). Is it true for minority populations or are there other influential sources of socialization outside of the family? Are parents belonging to religious minorities also successful in transmitting their identity and values when their religion differs from religion of a dominant group?

Does the religious identity of adolescents from families of religious minorities play a significant role in PCVS? We should remember that adolescents are most susceptible to influence from larger society being in an alien cultural and language environment (Maliepaard & Lubbers, 2013). This influence especially affects the development of ethnic and religious identity (Phinney & Alipuria, 1990) that can be an important factor of cultural continuity contributing to the PCVS. These questions are relatively new for the field of research on intergenerational transmission of values and deserve special attention.

When studying factors influencing PCVS, it is important to take into account family relations, for example, the family climate, perceived psychological closeness between parents and children, and emotional ties.

Although in studies in majority populations many authors have underlined the importance of the emotions of parents and their children toward each

other in the context of socialization (e.g., Grusec & Goodnow, 1994; Hofman, 2000), few studies have directly addressed the role of emotions in the value transmission process (see also Schönpflug, 2009). A. Roest, J. Dubas, J. Gerris and R. Engels (2009) focused more explicitly on family climate variables, namely, family adaptability and cohesion, as a transmission belt for two kinds of values, "work as duty" and "hedonism." They reported higher PCVS in more connected than separate families, and concluded that family cohesion and emotional bonding provide a receptive atmosphere which facilitates value transmission between parents and children. Others have concentrated on the dyadic relationship as a transmission belt reporting that intimacy or self-disclosure of adolescents toward their mothers and adolescent perception of maternal appreciation increased mother-child similarity in individualistic and in group-oriented values (e.g., Friedlmeier, 2006; Trommsdorff, 2009). However, does the perceived psychological closeness between parents and children from minority group families play an equally effective role in value transmission when minorities have the same or different religion with dominant society? For example, in the case of family migration intergenerational transmission from parents to children should be less effective because the transmission of the culture of origin may be dysfunctional in the host society. Not only will the younger generation be reluctant to accept transmission but parents may also hesitate to transmit their own value orientations, which might be non-adoptive in a society with a different religious background. Cultural traditions usually lag

behind environmental variability (Schönpflug, 2001).

Empirical research shows that parental support and the dynamics of parent-child relationships are more important for the emerging religiosity of the child than simply parental religiosity (Leonard, Cook, Boyatzis, Kimball, & Flanagan, 2013).

We studied parent-child dyads of Russian Orthodox Christians from two North Caucasian republics: the Kabardino-Balkarian Republic (KBR) with a Muslim majority population (where Orthodox Christianity is the religious minority), and the Republic of North Ossetia-Alania (RNO-A) with an Orthodox Christian majority population (where Russians and Ossetians both belong to the same religious denomination).

Russians in the Kabardino-Balkarian Republic and the Republic of North Ossetia-Alania: ethnic and religious contexts

The dynamics of the ethnic composition of the population of the North Caucasus demonstrated an intensive outflow of ethnic Russians from the region (Belozerov, 2001). In addition, the identity of Russians living in the North Caucasus is being transformed as they become aware of themselves as an ethnic minority (Soldatova, 1998; Vorobyov, 2001), although they are still the dominant majority in the Russian Federation as a whole.

The number of Russians in the North Caucasus began to decline at the end of the 1970s (Belozerov, 2001). According to official sources, the Russian population in this region decreased by approximately one-fifth

in the period between 1979 and 1989. In the 90s, the process increased dramatically. Today, the rate of reduction of the Russian population has declined significantly, but the overall trend has not changed: Russians are leaving the region (Vsesoyuznaya perepis' naseleniya... 2015; Itogi... 2004; Itogi... 2010).

This article presents the results of empirical research in KBR and RNO-A. Several factors determined the choice of these republics. These republics have similarities: both are multicultural and with the share of the titular ethnic groups of more than 50–70%, and the share of the Russian population about 20%. In addition, the share of Russians has declined by 10–20% in these republics between 2002 and 2010, these republics also have differences in religious context. In KBR 72.0% of the population are Muslims, while 27.8% of the population are Orthodox Christians. In RNO-A 8.7% of the population are Muslims, while 91.2% are Orthodox Christians (Demograficheskiye i etnicheskiye problem... 2012).

These different religious contexts that place Russian adolescents in a position of being a religious majority or minority may influence PCVS. The adolescents who belong to a religious minority are influenced by a wider set of values and social norms provided by their two different social environments. Religious identity is especially actualized among members of a religious minority (Ebaugh & Chafetz, 2000). This process proceeds most intensely in adolescence, the period of the search for identity. Therefore, adolescents' own religious identity affects PCVS more than the parental religious identity does. In contrast, adolescents belonging to a religious majority

undergo less variety of social norms due to their common religion with the ethnic majority group. This means that parental religious identity may affect PCVS more than the child's own identity, because the family intergenerational transmission of values and identities is still useful for the child's adaptation. Comparing the influence of these different contexts is especially interesting because of the impacts of the conflicting religious norms of the home environment and wider society during adolescence, a period very sensitive to outside influences. Based on these conceptualizations and taking into account social context of KBR and RNO-A, we develop the research question: what are the similarities and differences in the relationships between religious identity, perceived psychological closeness and PCVS among Orthodox Christians in different religious contexts?

We can suggest that children from a religious minority group are more independent in their value preferences and less psychologically dependent on their parents that decreases the effectiveness of intergenerational value transmission. Moreover, perceived parental closeness with their children has a negative impact on PCVS in both groups because of typically critical attitudes of adolescents towards parental influence.

Method

Participants

We have gathered data in North Caucasian republics: KBR (N = 118 parent-child dyads from ethnic Russian families) and RNO-A (N = 109 parent-child dyads from ethnic Russian families)

during 2014. The total sample’s size is 454 respondents. Table 1 provides the basic characteristics of the samples.

Measures

Values were measured using the Russian version of the Portrait Values Questionnaire Revised (PVQ-RR) (Schwartz, Butenko, Sedova, & Lipatova, 2012). The PVQ-RR contains 57 short verbal portraits that describe a person’s goals, aspirations, or wishes. The questionnaire is based on the refined theory of values and uses 19 values. In order to measure values, respondents choose an answer indicating, “How much is this person like you?” An example of an item is “He/she thinks it is important to do things the way he/she learned from his/her family.” The PVQ uses Likert-scale from 1 = not like me at all to 6 = very much like me. 19 values of Schwartz’s refined theory of basic individual values can be combined into four higher order values: Self-Transcendence (all $\alpha > .81$), Openness to Change (all $\alpha > .82$), Self-Enhancement (all $\alpha > .76$), and Conservation (all $\alpha > .86$).

Religious identity was measured using five items (5-point scales), such

as: “My religious identity is an important part of me” “I am proud of my religious background”. This scale assesses strength and positivity of religious identity (Verkuyten, 2007; Verkuyten & Yildiz, 2007) (all $\alpha > .92$).

Perceived psychological closeness was evaluated by: ‘Please rate your level of psychological closeness with the people listed below, on a 5-point scale from 1 (not close) to 5 (very close): my father, my mother, my son, my daughter ... other family members. For further analysis mutual parent-child closeness estimations were used.

Socio-demographic data were self reported (gender, age, education, ethnicity).

The intergroup analysis of the variables included in the study allowed us to determine the index of proportionality (proportionality index or Tucker’s phi) (Lorenzo-Seva & Ten Berge, 2006; Tucker, 1951). All indexes are above 0.9. Therefore, we have the opportunity to compare two models in the discussion.

Data processing was done using the following methods: in the statistical package SPSS 22.0: descriptive statistics, the rate of reliability coefficient – Cronbach, path analyses in AMOS 22.0.

Table 1

Gender and age characteristics of the sample

	N	Male (%)	Female (%)	Min.	Max.	Mean	Std.dev.
<i>Russian Orthodox Christians from KBR</i>							
Adolescents	118	54 (51.9%)	50 (48.1%)	14	25	17.8	2.35
Parents	118	34 (30.1%)	78 (69.9%)	34	59	42.7	6.97
<i>Russian Orthodox Christians from RNO-A</i>							
Adolescents	109	34 (32%)	74 (68%)	14	25	18.5	2.80
Parents	109	29 (27%)	79 (73%)	36	61	44.6	6.31

Procedure

The adolescents were recruited from schools and universities in KBR and RNO-A. Parents of the adolescents filled out the questionnaires at parental meetings at the schools. We asked university students to distribute questionnaires among their parents. Completed questionnaires were returned to the researcher who administrated the survey. Respondents were not remunerated.

Results

Gender, age and education had no effects in the analyses and we do discuss them further.

We calculated our outcome variable PCVS according to the formula (Manhattan distance):

$$PCVS = (O_c - O_p + SE_c - SE_p + C_c - C_p + ST_c - ST_p)/4$$

Note. PCVS = parent-child value similarity; O_c = child's index "Openness to Change"; O_p = parent's index "Openness to Change"; SE_c = child's index "Self-Enhancement"; SE_p = parent's index "Self-Enhancement"; C_c = child's index "Conservation"; C_p = parent's index "Conservation"; ST_c = child's index "Self-Transcendence"; ST_p = parent's index "Self-Transcendence".

We did not find significant differences in the levels of religious identification between adolescents and parents within both groups or between adolescents and parents from different groups. PCVS does not significantly differ in the groups of religious minority and religious majority.

Adolescents from the religious minority group prefer values of Open-

ness to Change, Self-Enhancement and Conservation more than their parents. Adolescents from the religious majority group prefer values of Openness to Change more and values of Conservation less than their parents.

Adolescents from the religious majority group prefer values of Openness to Change more and values of Self-Enhancement less than adolescents from the religious minority group. Parents from the religious majority group prefer Conservation values more than parents from the religious minority group.

At the next stage of our analysis we computed a correlation matrix presented in Table 3.

Based on the data in Table 3, we conclude that almost all the independent variables of the theoretical model are significantly associated to the dependent variable, allowing us to test the model by applying path analysis without any meaningful adjustments.

The relationships between religious identity, perceived psychological closeness and parent-child value similarity were tested for each group. Goodness-of-fit indicators of two path models are presented in Table 4.

Assessments of the model's fit indicate that all of the goodness-of-fit indices are exceptionally good (Hu & Bentler, 1999).

The path model of predictors of PCVS in KBR is presented in Figure 1.

The path model of predictors of PCVS in RNO-A is presented in Figure 2.

The results for the religious minority group showed that adolescent religious identity significantly and positively predicts PCVS ($\beta = .29, p < .001$). The parental religious identity does not significantly predict PCVS ($\beta = .09, p < .05$).

Table 2

Means, standard deviations and paired t-tests for all Measures of the Study

Independent variables	Adolescents (religious minority)		Parents (religious minority)		Adolescents (religious majority)		Parents (religious majority)		Adolescents (religious minority)		Parents (religious minority)		Adolescents (religious majority)		Parents (religious majority)		
	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD	t	d	t	d	t	d	t	d	
Religious identity	3.79	0.96	4.02	0.88	3.8	1.02	3.79	0.98	-1.23	0.25	0.54	0.01	-0.03	0.01	-1.7	0.25	
Perceived psychological closeness	4.75	0.55	4.78	0.53	4.63	0.77	4.67	0.76	-0.57	0.06	-0.61	0.05	-0.95	0.18	-1.02	0.17	
Openness to Change	4.02	0.3	3.89	0.33	4.15	0.46	3.84	0.42	3.46***	0.41	5.0***	0.7	2.56*	0.33	-0.8	0.13	
Self-Enhancement	3.8	0.6	3.63	0.61	3.62	0.62	3.5	0.58	2.2	0.28	-1.37	0.2	-2.11*	0.3	-1.56	0.22	
Conservation	4.22	0.59	4.17	0.63	4.02	0.41	4.26	0.38	-2.47*	0.08	-5.27***	0.61	-0.67	0.39	2.35*	0.17	
Self-Transcendence	3.82	0.69	3.98	0.57	3.9	0.82	4.13	0.71	-1.74*	0.25	-1.37	0.3	0.87	0.11	0.86	0.23	
Dependent variables	Religious minority		Religious majority		Cohen's d												
	M	SD	M	SD													
	5.17	0.52	5.11	0.45	-0.92												0.12

Table 3

Pearson's correlations of the variables

		1	2	3	4	5
1	Religious identity of child	-	.26*	.32**	.57**	.23*
2	Religious identity of parent	.38**	-	.07	.22*	.13
3	Child's perceived psychological closeness with a parent	.23*	.06	-	.30*	-.24*
4	Parent's perceived psychological closeness with a child	.23*	.14	.48**	-	-.17*
5	Parent-child value similarity	-.04	.24*	.30**	-.12	-

Note. *** $p < .001$, ** $p < .01$; * $p < .05$ (two-tailed); correlations obtained from a sample of Russian Orthodox Christians from KBR are presented in the upper part of the matrix, correlations obtained from a sample of Russian Orthodox Christians from RNO-A are presented in the lower part of the matrix.

Table 4

Goodness-of-fit Indicators of Models

Model for the group of	χ^2/df	CFI	RMSEA	SRMR	PCLOSE
The group of religious minority (Russian Orthodox Christians in KBR)	1.03	.99	.02	.03	.53
The group of religious majority (Russian Orthodox Christians in RNO-A)	1.66	.97	.07	.05	.30

The results for the religious majority group showed that adolescent religious identity does not significantly predict PCVS ($\beta = -.13$, $p < .05$). The parental religious identity significantly and positively predicts PCVS ($\beta = .32$, $p < .001$). Overall, the results demonstrated that the impact of adolescent and parental religious identity on PCVS differs in the religious majority or minority: in the minority adolescent religious identity predicts PCVS while in the majority this predictor is the parental religious identity.

For both groups we found that the parent's perceived psychological closeness with an adolescent significantly

negatively predicts PCVS ($\beta = -.42$, $p < .001$ for the religious minority group and $\beta = -.34$, $p < .001$ for the religious majority group).

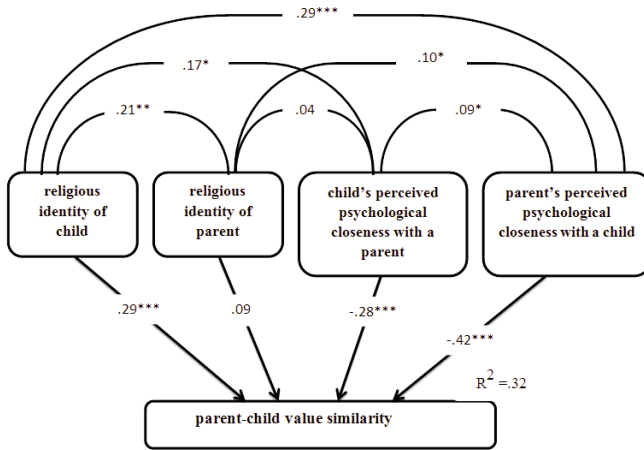
The results for the religious minority group showed that the adolescent's perceived psychological closeness with a parent is a significant negative predictor of PCVS ($\beta = -.28$, $p < .001$).

The results for the religious majority group showed that the adolescent's perceived psychological closeness with a parent was a significant positive predictor of PCVS ($\beta = .46$, $p < .001$).

We also found for both groups that the adolescent and parental religious identity and their perceived psychological

Figure 1

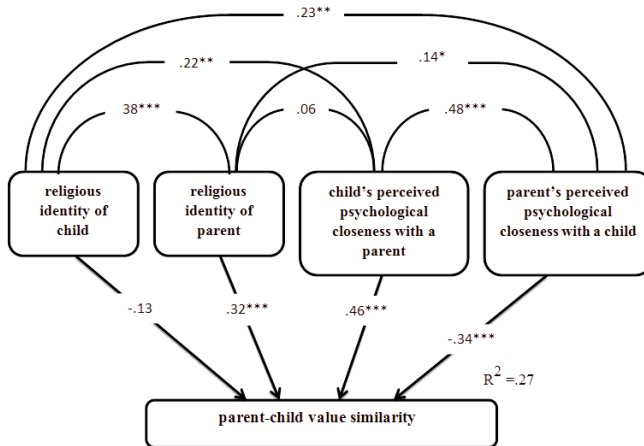
Path model of predictors of PCVS in the group of religious minority (Russian Orthodox Christians in KBR)

* $p < 0.05$, *** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Figure 2

Path model of predictors parent-child value similarity in the group of religious majority (Russian Orthodox Christians in RNO-A)

* $p < 0.05$, *** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

closeness were positively related to each other. The adolescent's religious identity positively relates to the per-

ceived psychological closeness with a parent and with parental perceived psychological closeness. At the same

time the parental religious identity positively relates to their perceived psychological closeness with the adolescent but does not relate to the adolescent's perceived psychological closeness with a parent.

Discussion

Previous studies have shown that religiosity is an effective tool for socialization and transmission of values (Myers, 1996; Mayer & Trommsdorff, 2012), and the quality of parent-child relationships is an important factor in the transmission of values (Albert & Ferring, 2012). However, this study for the first time tests the simultaneous contribution of the religious identity of parents and adolescents, as well as perceived psychological closeness of parents and adolescents in the similarity of their values in different religious contexts.

The study found that the religious identity of both parents and adolescents is linked to the similarity of their values. However, in an 'alien' religious environment the adolescent's religious identity has the greatest influence on the PCVS. Probably a high level of religious identity of a young person makes their values close to the values of their parents in an 'alien' religious context, being a "transmission belt" in these terms.

In the same religious context the religious identity of an adolescent has no significant effect on PCVS, and parental religious identity provides the greatest influence on PCVS. This is consistent with the research data on the transmission of religion in groups of ethnic (religious) majority where transmission occurs vertically from

parents to children (Maliepaard & Lubbers, 2013). The transmission of religion is understood as an important part of value transmission.

We would like to draw attention to the fact that parents with high religious identity in an 'alien' religious context do not have a strong value similarity with their children, probably because they are not the only source of influence on children in a multicultural environment. In a different cultural contexts children from ethnic (religious) minorities (immigrants from 10 countries (Australia, Canada, Finland, France, Germany, Norway, Sweden, the Netherlands, the UK, and the US)) often differ from their parents in values experiencing the intense influence of the other cultural environment, including peers (Vedder et al., 2009).

Regarding the role of the perceived psychological closeness of parents and adolescents we found that psychological closeness perceived by adolescents was positively associated with PCVS in the same religious environment that is consistent with the results of earlier studies. I. Albert and D. Ferring (2012) showed that the level of intergenerational coherence of values is higher when adolescents regard their relationship with their mothers as very close; if they feel hostility or anxiety in these relationships, the consistency of the values is lower. In addition, the quality of family relations, family climate and parenting style (Schönpflug, 2001; Albert & Ferring, 2012; Roest et al., 2009) have a positive impact on the value similarity of children and parents.

According to this study, in an alien religious context there is an inverse relationship: the psychological closeness perceived by adolescents is nega-

tively associated with PCVS. Perhaps this is because in the alien religious context children are emotionally closer to those parents that allow them to be “different” in value terms as in a different cultural environment this can enhance the psychological and socio-cultural adaptation of children.

The fact that parental perceived psychological closeness is negatively associated with PCVS in different religious contexts is of particular interest: the less psychologically close parents perceive their children, the higher the actual similarity of their values with the values of their children. Perhaps parents in ethnic minority families may hesitate when deciding on what kind of values they need to transmit to their offspring: the values of their ethnic culture, or the culture of the dominant majority (Schönpflug, 2001), carrying out the border between what is good for them and good for their children (Grusec & Goodnow, 1994; Knafo & Schwartz, 2003). Thus, the higher the level of perceived psychological closeness of parents with their children, the more they “allow” their children to be different from themselves.

The relationships of child and parental religious identities are consistent with the results of earlier studies. In their study K. Leonard et al. (2013) found that parental religiosity predicts children’s religiosity. It was also revealed that the religiosity of adult children (aged 18–23) depends on the perceived parental religiosity and the perceived similarity of their mother’s and father’s religious beliefs, their father’s faith and support, as well as their attachment to their parents.

Research by C. Smith and M. Denton (2005), C. Boyatzis (2005, 2009),

D. Flor and N. Knapp (2001), and C. Smith (2003) showed that adolescents imitate their parents in religious beliefs that is confirmed by positive correlations between parental and adolescent religiosity. Parents can serve as role models in the patterns of religious behaviour and can develop the religiosity of their children through dialogue or instructions-prescriptions (Schwartz, 2006).

As our study has revealed the relationship between the religious identity of adolescents and religious identity of parents, we suggest that the religiosity of children affects the religiosity of their parents. These data coincide with the research of U. Schönpflug and R. Silbereisen (1992) in Germany who found that the transmission of the importance of religion comes from German mothers to teenagers and vice versa – from teenagers to their parents. M. Piquart and R. Silbereisen (2004) argue that teenagers transfer their religious beliefs to their parents.

This study revealed a close relationship between the psychological closeness perceived by adolescents and by parents, which was expected. The more a child perceives his/her parent as psychologically close, the more the parent perceives the child as psychologically close. In addition, the relationship of the religious identity of adolescents and the perceived psychological closeness between adolescents and parents was shown. This is consistent with the data obtained in the study of M. Piquart and R. Silbereisen (2004) who revealed the transmission of religious values from parents to adolescents in families with an authoritative parenting style, which is characterized by parental susceptibility and benevolence toward their children.

Conclusion

We conducted a cross-cultural study of the influence of religious identity and perceived parent-child psychological closeness on PCVS (which means the effectiveness of value transmission) which resulted in the following findings:

1. The religious identity of adolescents predicts PCVS in the religious minority group.

2. The religious identity of parents predicts PCVS in the religious majority group.

3. The psychological closeness perceived by parents negatively relates to PCVS regardless of the religious environment.

4. The psychological closeness perceived by adolescents negatively relates to PCVS in the religious minority group.

5. The psychological closeness perceived by adolescents positively relates to PCVS in the group of religious majority.

In conclusion, we want to emphasize that in different religious contexts

a strong religious identity of a child promotes PCVS more than the parental religious identity and perceived child-parent psychological closeness. This suggests the important role of children and their religiosity in the process of intergenerational transmission of values. In the same religious environment high religious identity of a parent and psychological closeness perceived by adolescents promotes the PCVS, indicating the role of the parents as the main agent of socialization, and the role of emotional attachment of the adolescent to the parent in the process of intergenerational transmission of values in this context.

Acknowledgements

The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) and supported within the framework of a subsidy by the Russian Academic Excellence Project “5-100”.

References

- Albert, I., & Ferring, D. (2012). Intergenerational value transmission within the family and the role of emotional relationship quality. *Family Science*, 3(1), 4–12. doi:10.1080/19424620.2011.671496
- Belozеров, V. S. (2001). Russkiye na Kavkaze: evolyutsiya rasseleniya [Russians in the Caucasus: evolution of settlement]. In V. V. Chernous (Ed.), *Russkiye na Severnom Kavkaze: vyzovy XXI veka. Sbornik nauchnykh statey* [Russians in the North Caucasus: the challenges of the XXI century. The Collection of scientific articles] (p. 61). Rostov-on-Don: Publ. SKNC VSH. (in Russian)
- Boehnke, K. (2001). Parent-offspring value transmission in a societal context: Suggestions for a utopian research design with empirical underpinnings. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 32, 241–255. doi:10.1177/0022022101032002010
- Boehnke, K., Hadjar, A., & Baier, D. (2007). Parent-child value similarity: The role of zeitgeist. *Journal of Marriage and Family*, 69, 778–792. doi:10.1111/j.1741-3737.2007.00405.x
- Boyatzis, C. J. (2005). Children’s religious and spiritual development. In R. F. Paloutzian & C. L. Park (Eds.), *Handbook of the psychology of religion and spirituality* (pp. 123–143). New York: Guilford.

- Boyatzis, C. J. (2009). Examining religious and spiritual development during childhood and adolescence. In L. Francis (Ed.), *The international handbook on education for spirituality, care, and well-being* (pp. 51–68). New York: Springer. doi:10.1007/978-1-4020-9018-9_4
- Demograficheskiye i etnicheskiye problemy Severnogo Kavkaza i puti ikh resheniya [Demographic and ethnic problems of the North Caucasus and ways of solving them]. (2012). Moscow: The Foundation for Advanced Studies “Bastion”.
- Ebaugh, H., & Chafetz, J. S. (Eds.). (2000). *Religion and the new immigrants: continuities and adaptations in immigrant congregations*. Walnut Creek, CA: Altamira. doi:10.5860/choice.38-4421
- Flor, D. L., & Knapp, N. F. (2001). Transmission and transaction: Predicting adolescents' internalization of parental religious values. *Journal of Family Psychology, 15*(4), 627–645. doi:10.1037/0893-3200.15.4.627
- Friedlmeier, M. (2006). *Transmission of values within families in Romania*. Retrieved from <http://kops.ub.uni-konstanz.de/handle/urn:nbn:de:bsz:352-opus-55054>
- Gecas, V. (1981). The contexts of socialization. In M. Rosenberg & R. H. Turner (Eds.), *Social psychology: sociological perspectives* (pp. 165–199). New York: Basic Books.
- Goodnow, J. J. (1997). Parenting and the transmission and internalization of values: From social-cultural perspectives to within family analyses. In J. E. Grusec & L. Kuczynski (Eds.), *Parenting and children's internalization of values: A handbook of contemporary theory* (pp. 333–361). New York: Wiley.
- Grusec, J. E., & Davidov, M. (2007). Socialization in the family: The roles of parents. In J. E. Grusec & P. D. Hastings (Eds.), *Handbook of socialization: Theory and research* (pp. 284–308). New York: Guilford Press..
- Grusec, J. E., & Goodnow, J. J. (1994). Impact of parental discipline methods on the child's internalization of values: a reconceptualization of current points of view. *Developmental Psychology, 30*(1), 4–19. doi:10.1037/0012-1649.30.1.4
- Hoffman, M. L. (2000). *Empathy and moral development: Implications for caring and justice*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. doi:10.1017/cbo9780511805851
- Hu, L. T., & Bentler, P. M. (1999). Cutoff criteria for Fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus New alternatives. *Structural Equation Modeling, 6*(1), 1–55. doi:10.1080/10705519909540118
- Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 goda [The results of the National Population Census of 2002]. (2004). Vol. 4, Book 1. Moscow: IPC “Statistics of Russia”.
- Itogi vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 g. v 11 t. [The results of the National Population Census of 2010. The 11 Vols.]. (2012). T. 11. Svodnyye itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda [Vol. 11. Summary results of the national census in 2010]. Retrieved from http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol11pdf-m.html
- Knafo, A., & Schwartz, S.H. (2003). Parenting and adolescents' accuracy in perceiving parental values. *Child Development, 74*, 595–611.
- Leonard, K. C., Cook, K. V., Boyatzis, C. J., Kimball, C. N., & Flanagan, K. S. (2013). Parent-child dynamics and emerging adult religiosity: Attachment, parental beliefs, and faith support. *Psychology of Religion and Spirituality, 5*(1), 5–14. doi:10.1037/a0029404
- Lorenzo-Seva, U., & Ten Berge, J. M. F. (2006). Tucker's Congruence Coefficient as a Meaningful Index of Factor Similarity. *Methodology, 2*(2), 57–64. doi:10.1027/1614-2241.2.2.57
- Maliepaard, M., & Lubbers, M. (2013). Parental religious transmission after migration: The case of Dutch Muslims. *Journal of Ethnic and Migration Studies, 39*(3), 425–442. doi:10.1080/1369183x.2013.733862

- Mayer, B., & Trommsdorff, G. (2012). Cross-cultural perspectives on adolescents' religiosity and family orientation. In G. Trommsdorff & X. Chen (Eds.), *Values, religion, and culture in adolescent development* (pp. 341–369). New York: Cambridge University Press. doi:10.1017/cbo9781139013659.020
- Myers, S. M. (1996). An interactive model of religiosity inheritance: The importance of family context. *American Sociological Review*, *61*, 858–866. doi:10.2307/2096457
- Phinney, J. S., & Alipuria, L. L. (1990). Ethnic identity in college students. *Journal of Adolescence*, *13*, 171–183. doi:10.1016/0140-1971(90)90006-s
- Pinquart, M., & Silbereisen, R. K. (2004). Transmission of values from adolescents to their parents: The role of value content and authoritative parenting. *Adolescence*, *39*, 83–100.
- Roest, A. M. C., Dubas, J. S., Gerris, J. R. M., & Engels, R. C. M. E. (2009). Value similarities among fathers, mothers, and adolescents and the role of a cultural stereotype: Different measurement strategies reconsidered. *Journal of Research on Adolescence*, *19*, 812–833. doi:10.1111/j.1532-7795.2009.00621.x
- Schönpflug, U. (2001). Intergenerational transmission of values: The role of transmission belts. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, *32*, 174–185. doi:10.1177/0022022101032002005
- Schönpflug, U. (2009). Epilogue: Toward a model of cultural transmission. In U. Schönpflug (Ed.), *Cultural transmission: Psychological, developmental, social, and methodological aspects* (pp. 460–477). New York: Cambridge University Press.
- Schoenpflug, U., & Silbereisen, R. K. (1992). Transmission of values between generations in the family regarding societal keynote issues: a cross-cultural longitudinal study on Polish and German families. In S. Iwawaki, Y. Kashima, & K. Leung (Eds.), *Innovations in cross-cultural psychology* (pp. 269–278). Amsterdam: Swets and Zeitlinger.
- Schwartz, K. D. (2006). Transformations in parent and friend faith support predicting adolescents' religious belief and commitment. *The International Journal for the Psychology of Religion*, *16*, 311–326. doi:10.1207/s15327582ijpr1604_5
- Schwartz, S. H., & Huismans, S. (1995). Value priorities and religiosity in four western religions. *Social Psychology Quarterly*, *58*, 88–107. doi:10.2307/2787148
- Schwartz, Sh., Butenko, T. P., Sedova, D. S., & Lipatova, A. S. (2012). Refined theory of basic individual values: use in Russia. *Psychology Journal of Higher School of Economics*, *9*(2), 43–70.
- Smith, C. (2003). Religious participation and network closure among American adolescents. *Journal for the Scientific Study of Religion*, *42*, 259–267.
- Smith, C. R., & Denton, M. L. (2005). *Soul searching: The religious and spiritual lives of emerging adults*. New York: Oxford University Press.
- Soldatova, G. U. (1998). *Psikhologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti* [Psychology ethnic tensions]. Moscow: Smysl.
- Trommsdorff, G. (2009). Intergenerational relations and cultural transmission. In U. Schönpflug (Ed.), *Cultural transmission: Psychological, developmental, social, and methodological aspects* (pp. 126–160). New York: Cambridge University Press. doi:10.1017/cbo9780511804670.008
- Tucker, L. R. (1951). *A method for synthesis of factor analysis studies* (Personnel Research Section Report No 984). Washington, DC: Department of the Army.
- Vedder, P., Berry, J., Sabatier, C., & Sam, D. (2009). The intergenerational transmission of values in national and immigrant families: The role of zeitgeist. *Journal of Youth and Adolescence*, *38*, 642–653. doi:10.1007/s10964-008-9375-7
- Verkuyten, M. (2007). Religious group identification and inter-religious relations: A study among Turkish-Dutch Muslims. *Group Processes and Intergroup Relations*, *10*, 341–357.

- Verkuyten, M., & Yildiz, A. A. (2007). National (dis)identification, and ethnic and religious identity: A study among Turkish-Dutch Muslims. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 33, 1448–1462. doi:10.1177/0146167207304276
- Vorobyov, S. M. (2001). *Etnopoliticheskiye protsessy na Severnom Kavkaze v postsovetский period* [Ethnopolitical processes in the North Caucasus in the post-Soviet period] (Ph.D. dissertation, Stavropol State University, Stavropol, Russian Federation).
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1970 goda, 1979 goda, 1989 goda. Natsional'nyy sostav naseleniya po regionam Rossii [All Union Population Census of 1939, 1959, 1970, 1979, 1989. National composition of the population in the Russian regions]. (2015). *Demoscope Weekly*, 651–652. Retrieved from http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php?reg=50

Zarina H. Lepshokova – associate professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, senior research fellow, International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research, Expert Institute, National Research University Higher School of Economics, Ph.D.
E-mail: zlephokova@hse.ru

Victoria N. Galyapina – associate professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, senior research fellow, International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research, Expert Institute, National Research University Higher School of Economics, Ph.D.
E-mail: vgalyapina@hse.ru

Nadezhda M. Lebedeva – professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, laboratory head, International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research, Expert Institute, National Research University Higher School of Economics, D.Sc.
E-mail: nlebedeva@hse.ru

Влияние религиозной идентичности и воспринимаемой психологической близости на сходство ценностей родителей и детей в разных религиозных контекстах

З.Х. Лепшокова^а, В.Н. Галяпина^а, Н.М. Лебедева^а

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Резюме

Данная статья посвящена изучению влияния религиозной идентичности и воспринимаемой родителями и детьми психологической близости по отношению друг к другу на сходство их ценностей в разных религиозных контекстах, а именно в контекстах религиозного меньшинства и большинства. В исследовании приняли участие 454 респондента, родители и дети из 118 русских православных христианских семей из Кабардино-Балкарской Республики, где 72% населения мусульмане, и из 109 русских православных христианских семей из Республики Северная Осетия — Алания, где 91% населения православные христиане. В исследовании использованы опросник для измерения ценностей (Портретный ценностный опросник — Пересмотренный — PVQ-R of Schwartz), шкала для измерения религиозной идентичности и шкала воспринимаемой родителями и детьми психологической близости друг к другу, разработанная авторами. С помощью путевого анализа обнаружено, что религиозная идентичность русских православных подростков, проживающих в Кабардино-Балкарской Республике, позитивно связана со сходством ценностей родителей и детей, тогда как воспринимаемая подростками психологическая близость с родителями связана негативно. В Республике Северная Осетия — Алания религиозная идентичность родителей и воспринимаемая подростками психологическая близость с родителями являются предикторами сходства ценностей родителей и детей. В данных двух северокавказских республиках мы также обнаружили, что воспринимаемая родителями психологическая близость с детьми отрицательно связана со сходством ценностей родителей и детей. Обсуждение результатов исследования посвящено роли религиозного контекста во влиянии религиозной идентичности и воспринимаемой психологической близости на сходство ценностей родителей и детей.

Ключевые слова: ценности, религиозная идентичность, воспринимаемая психологическая близость, сходство ценностей родителей и детей, религиозный контекст, русские православные христиане, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия — Алания.

Лепшокова Зарина Хизировна — доцент, департамент психологии, факультет социальных наук, и старший научный сотрудник, международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Экспертный институт, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук.
Контакты: zlephshokova@hse.ru

Галяпина Виктория Николаевна — доцент, департамент психологии, факультет социальных наук, и старший научный сотрудник, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Экспертный институт, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук.
Контакты: vgalyapina@hse.ru

Лебедева Надежда Михайловна — профессор, департамент психологии, факультет социальных наук, и заведующая лабораторией, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Экспертный институт, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доктор психологических наук.
Контакты: nlebedeva@hse.ru

ENTREPRENEURIAL INTENTION AND VALUES: RESULTS FROM A RUSSIAN POPULATION SURVEY

P. SCHMIDT^{a,b}, A.N. TATARKO^a

^a *National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnikskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation*

^b *Justus Liebig-Universität Gießen, Ludwigstrasse 23, D-35390 Giessen, Hessen, Germany*

Abstract

This article examines the relationship between value orientations and Entrepreneurial Intention according to Reasoned Action Approach. The empirical base of this study relied on the results of a representative survey conducted in 2 regions of Russia (the Central Federal District and the North Caucasian Federal District). The total sample included 2,061 respondents. Interviews were conducted with representative samples of 1,026 respondents from the Central Federal District of Russia, including Moscow, and 1,035 respondents from the North Caucasian Federal District of Russia. A subsample (269 pers.) was selected from this sample. The subsample was composed of the respondents intending to open a business in the next 2 years. The results of research carried out in the framework of Reasoned Action Approach allowed us to confirm the validity of the Theory of Planned Behaviour in the Russian sample. The questionnaire included methods related to the assessment of values (PVQ-R), entrepreneurial intentions, and demographic variables. To establish convergent and divergent validity of all the constructs of the theory of planned behaviour, attitudes toward the behaviour, social norms, perceived behavioural control, and intention as well as an additionally introduced concept of implementation intention, we tested our measurement model simultaneously for all measures. For this purpose we conducted a simultaneous confirmatory factor analysis using maximum likelihood estimation for estimating all parameters. It was also found that the value of Self-Direction (Action) is positively associated with the components of the model of entrepreneurial planned behaviour (attitude, subjective norm, perceived behavioural control). Value of Security (Personal) is negatively associated with an attitude toward the idea of opening a new business.

Keywords: theory of planned behaviour, values, entrepreneurial behaviour.

Introduction

In Eastern Europe an increase in entrepreneurial activity has been a major challenge after the intensive transformation process from a communist system to a market society.

Entrepreneurial intentions best reflect the commitment of individuals to start a new business (Engle et al., 2010).

As entrepreneurial activities are important determinants for long-term economic growth (Hmieleski & Baron, 2009), understanding these determinants

is central to an economy's well-being (Sternberg & Wennekers, 2005). In recent years there have been several studies using the reasoned action approach (Fishbein & Ajzen, 2010), also often referred to as the theory of planned behaviour (TOPB), as a theoretical framework to explain entrepreneurial intention and behaviour. The empirical results corresponded to those of the general meta-analyses summarised in Fishbein and Ajzen (2010). However, for closing the intention-behaviour gap, Gollwitzer (1999) has argued that it would be necessary to introduce the concept of implementation intention. These implementation intentions are usually formed after a general intention has been formed and would fully mediate the effect of intention on behaviour. In addition the roles values play were discussed, and whether values have either a direct or indirect effect on intentions (Liñán, 2008).

1. In our paper we address these issues by answering the following research questions while using a subsample of our large population sample:

2. Can we establish both convergent and discriminant validity for the concepts of attitude, norms, perceived behavioural control, intention, and implementation intention?

3. Are we able to confirm the postulated model of the theory of planned behaviour including implementation intention with Russian population data?

4. Which of the new values of the enlarged concept of human values developed by Schwartz et al. (2012) have predictive and explanatory power for the intention to start a new business, and are their effects fully mediat-

ed by the constructs of the theory of planned behaviour?

Theory

Intentions are indications of a person's readiness to perform a specific behaviour (Fishbein & Ajzen 2010, p. 39). Starting a business represents a clearly planned and intentional behaviour, and this has been discussed intensively in entrepreneurial research (Bird, 1988; Krueger & Carsrud, 1993; Carsrud & Brannback, 2009; Liñán & Chen, 2009). However, in the last years Gollwitzer (Gollwitzer, 1999; Gollwitzer & Brandstätter, 1997; Gollwitzer & Sheeran, 2006) has argued that the step from intention to behaviour has to be analyzed in more detail. He proposed a new concept called "implementation intention". This type of intention comes out of more concrete steps people will undertake to reach a certain goal. Such additional steps seem to be effective because they allow people to delegate control of their goal-directed behaviours to the social context (the stimulus situation). Examples in the context of entrepreneurial research are questions of whether people have started to write a business plan or attempted to borrow money from a bank if necessary.

Empirical studies have confirmed the relevance of implementation intentions as bridges between general intentions and concrete behaviour (Gollwitzer & Sheeran, 2006). However, Ajzen et al. (2006) have challenged this by arguing that it is the commitment, and not the implementation intention, that leads to a higher consistency between intention and behaviour. We tried to replicate this finding in a field

study but could not establish sufficient divergent validity of the concepts intention, implementation intention, and commitment (Zercher, 2010). Therefore, this different evaluation of the role of implementation intention is still not settled.

According to the theory of planned behaviour, attitudes toward the behaviour, social norms, and perceived behavioural control are the only direct and positive antecedents of intention. This has been confirmed by a series of meta-analyses (Fishbein & Ajzen, 2010).

Given the overwhelmingly positive empirical evidence we can now formulate explicitly the propositions derived from the theory of planned behaviour and combine them with the concept of implementation intention:

H1: The higher the intention to start a new business, the higher the implementation intention to start the new business.

H2: The more positive the attitude toward starting a new business, the higher the intention to start a new business.

H3: The higher the perceived behavioural control concerning the start of a new business, the higher the intention to start a new business.

H4: The stronger the social norms for starting a new business, the higher the intention to start a new business.

Hypotheses H2–H4 are derived from the theory of planned behaviour, and H1 is part of Gollwitzer's (1999) concept of implementation intention.

Fishbein and Ajzen (2010) argued that a series of more distal background factors (individual, social, and informational) influence attitudes, norms, and perceived behavioural control. In the

context of our research and taking into account the limited interview time, we have selected those which were seen as especially relevant and/or had some supporting empirical evidence. Within the group of individual determinants, the concept of values has become especially important in recent years. Because of its theoretical foundation and its refined measurement instruments, we have chosen to use Shalom Schwartz's (1992) value theory in the present study.

Both on an empirical and theoretical level, a systematic comparison of the most prominent value concepts of Hofstede, Inglehart, and Schwartz are still missing. However, comparisons of the value theory and measurements of Inglehart and Schwartz show a higher reliability and validity of the value dimensions of Schwartz (Datler, Jagodzinski, & Smidt, 2013).

The original theory specifies 10 basic values that are ordered in a circular motivational structure. Schwartz (2012) has proposed a refinement of the theory and the measurement of these 10 basic human values to reduce the problems of reliability and validity. He suggested a substantial increase in the number of values and proposed to partition the continuum into 19 more narrowly defined, conceptually precise and discrete values instead of the original 10. In pretest studies we translated and validated the new instrument for use in the present research. Schwartz (1992) suggested that the value structure could be summarized by distinguishing four higher-order values that form two dimensions: self-enhancement vs. self-transcendence and openness to change vs. conservation. The values grouped within each of the four

higher-order values often exhibit similar correlations with a large number of different behaviours, attitudes, and personality variables (Schwartz, 2006). Furthermore, Schwartz (Schwartz et al., 2012) postulates that the latent variables for each of the 19 variables should load on the appropriate higher-order variable. Three of the original 10 values, (hedonism, stimulation, and achievement), were so narrowly defined that they required no further subdividing. The others were subdivided based both on conceptual considerations and empirical evidence.

This expansion from 10 to 19 values without doubt increases the complexity of the theory. Now the question of how to derive propositions for explaining attitudes, norms, perceived behavioural control, intention, and behaviour by values arises. In principle, one can formulate propositions on the level of the four underlying basic concepts, on the level of the 10 values, or on the level of the 19 values.

As starting a new business can be regarded as a type of innovation, we use the conceptual model of Fishbein and Ajzen (2010, p. 22) to generate more specific propositions relating specific higher-order values and attitude, norms, and perceived behavioural control (Jaccard & Jacoby, 2010, pp. 137–176). Openness to Change values like Self-Direction and Stimulation especially promote the motivation to act innovatively including starting one's own business. This should lead to a more positive attitude toward starting a new business and could also lead to higher perceived norms because of the selection effects (homophily) within social networks. However, we would expect small effects on perceived behavioural

control due to cognitive dissonance effects. Self-Direction (Action) might lead to a downward bias in the perception of difficulties and barriers. Explicitly one can formulate the following hypotheses:

H5: The higher the Self-Direction (Action) value, the more positive the attitude toward starting a new business is.

H6: The higher the Self-Direction (Action) value, the more positive the norms concerning the start of a new business are.

H7: The higher the Self-Direction (Action) value, the higher the perceived behavioural control.

Security (Personal) value should have the opposite effect. If, for people, personal security is a very high value, the risk of starting a new business will be threatening and their attitude toward starting their own business will tend to be more negative. Similarly, people with high Security (Personal) value will tend to display lower perceived behavioural control. The explicit propositions are elaborated in the following three hypotheses:

H8: The higher the Security (Personal) value, the more negative the attitude toward starting a new business is.

H9: The higher the Security (Personal) value, the more negative the norms concerning the start of a new business are.

H10: The higher the Security (Personal) value, the lower the perceived behavioural control.

To test the hypotheses we specified a sequence of models described below. We start with a test of the underlying measurement model of the theory of planned behaviour to establish its convergent and divergent validity using a

subsample of our representative sample. Next, we proceed to test a structural equation model to explain intention and implementation intention to start a new business in Russia. Finally, we enlarge the model by testing whether the effects of values and demographic variables on intention are fully mediated by attitude, norms, and perceived behavioural control.

Sample and Measurements

Sample

The total sample included 2,061 respondents. Interviews were conducted with representative samples of 1,026 respondents from the Central Federal District of Russia, including Moscow, and 1,035 respondents from the North Caucasian Federal District of Russia. The questionnaire included methods related to the assessment of values, entrepreneurial intentions, and demographic variables. A more detailed description of the methodology of the study is presented below. In addition to these methods, the questionnaire included a filter question: "Are you thinking about starting your own business within the forthcoming two years?" The possi-

ble answers were: "Yes", "Maybe/Not sure" and "No". Next, two subgroups of respondents from the entire sample were selected for further analysis. The first group (n = 269) included the respondents who answered either "Yes", or "Maybe/Not sure" — they were labeled the "intenders." The number of people who did not plan to start a new business within the next two years was 1,792. Further, a second group of 270 respondents was selected from this part of the representative sample, who matched the intenders in their socio-demographic characteristics ("non-intenders").

The distribution of respondents according to gender, age, and education in both subsamples was equal: female — 42.4% (for "intenders") and 44.4% (for "non-intenders"); age (median) — 30 years old (for both groups). In both groups most of the respondents had a specialized secondary education or higher education and were employed. Therefore, there were practically no differences between the two groups with respect to gender, age, education, and distribution of their current occupations, which allowed testing of the hypotheses by comparing the groups.

Table 1 presents the distribution of the professional status of respondents'

Table 1

Distribution of professional status of respondents' parents assessed retrospectively at age 14 years

Professional Status	Father % (for 269)	Father % (for 1,789)	Mother % (for 269)	Mother % (for 1,789)
Employee	68.4	65.1	62.5	53.7
Self-employed	10.5	5.5	4.8	4.1
Not working	5.1	6.9	26.7	26.1
Father/Mother deceased/absent when the respondent was 14	16.0	22.5	6.0	6.1

parents, assessed retrospectively at the respondent's age of 14 years. Participants were asked the following question: When you were 14, did your father (mother) work as an employee, was he (she) self-employed, or was he (she) not working at that time?

An interesting finding revealed in Table 1, is that presently in Russia the father's self-employment status is twice as high only for those who intend to start a new business, whereas no difference is found for the mother's self-employment status.

Measures

Behavioural intention ($\alpha = .72$) was measured using a two-item questionnaire on a 7-point Likert scale, similar to that used by Ajzen (2002). Example: "How likely is it that you will start a business within the next two years?" with answers ranging from "very unlikely" (-3) to "very likely" (3).

Behavioural attitude ($\alpha = .86$) was measured using two statements. Example: "The idea of starting a business within the next two years is for me..." with answers ranging on a 7-point Likert scale from "very inappropriate" (-3) to "very appropriate" (3).

Subjective norms ($\alpha = .60$) were measured using two items. Example: "Most people who are important to me think I should start my own business within the next two years." For both statements answers ranged on a 7-point Likert scale from "strongly disagree" (-3) to "strongly agree" (3).

Perceived behavioural control ($\alpha = .93$) was measured using two items. Example: "For me to start a business within the next two years is..." with answers ranging on a 7-point Likert

scale from "very difficult" (-3) to "very easy" (3).

Implementation intention ($\alpha = .73$) was measured using three items following Gollwitzer's (1999) approach. For example: "Are you currently saving money for your intention to start a business?" with answers ranging on a 5-point Likert scale from "No, I am not" (1) to "I have been actively doing this/have already done this" (5).

Portrait Value Questionnaire Revised (PVQ-R). The new version of the Russian version of the Schwartz value instrument included 57 value items, representing each type of value (Schwartz et al., 2012). In accordance with the key, an average rating is calculated for the 19 values corresponding to the 19 types of motivation (or individual-level values) delineated by Schwartz.

Initial results suggest that the instrument functions well to measure the 19 values, and this refers both to convergent and divergent validity (Schwartz et al., 2012). However, in this study we used only the values that are on two axes – Conservation (Security (Personal) value) and Openness to Change (Self-Direction (Action) value) – because they are the most relevant predictors for starting a new business and for innovation in general (see Dollinger, Burke, & Gump, 2007; Lebedeva & Schmidt, 2012).

Results

Simultaneous Confirmatory Factor Analyses: Model 1

To establish convergent and divergent validity of all the constructs of the theory of planned behaviour (Ajzen, 1991), attitude toward the behaviour,

social norms, perceived behavioural control, and intention as well as the additionally introduced concept of implementation intention (Gollwitzer, 1999), we tested our measurement model simultaneously for all measures (Brown, 2006). For this purpose we conducted a simultaneous confirmatory factor analysis using maximum likelihood estimation to estimate all parameters using the computer program AMOS version 21 (Arbuckle, 2012). We deleted one indicator of intention because of significant error correlations with some indicators of attitude. The fit of the model was good according to the recommended criteria for goodness of fit (Brown, 2005; Hu and Bentler, 1999): $\chi^2 = 121,001$; $df = 44$;

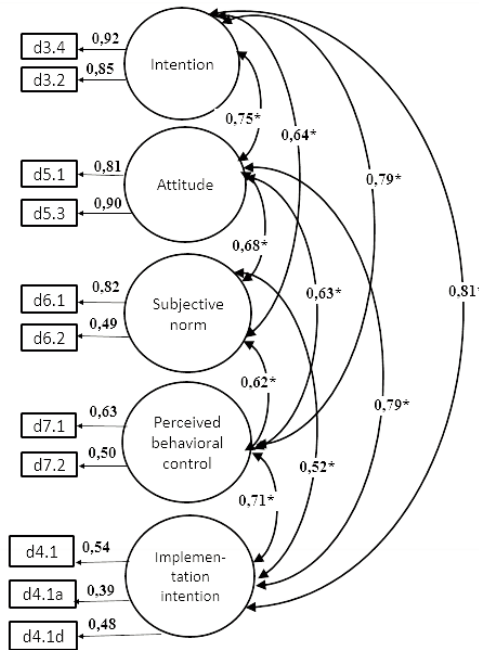
$\chi^2/df = 2.75$; CFI = .935; RMSEA = .08; CAIC default model considerably lower than the CAIC of the saturated model (Byrne, 2010, p. 82).

Figure 1 illustrates the measurement model for the TOPB constructs with the standardized coefficients.

All factor loadings are significant and higher than .40. The standardised loadings of the TOPB constructs are much higher than 0.4, whereas the lower loadings of the implementation items may reflect their greater specificity because they refer to different concrete actions taken and not to intention in general. As one can see from the path diagram, all items load only on the factor (construct) they were to supposed to and on no other

Figure 1

Model 1 – Simultaneous confirmatory factor analysis results for the TOPB constructs and implementation intention

construct. Therefore, convergent validity was established. Furthermore, no construct had to be combined with another one because of extremely high correlations between them. As predicted from theory, all correlations between the factors intention, implementation intention, attitude toward the behaviour, and perceived behavioural control are positive. The most critical case is the correlation between intention and implementation intention, which is rather high. However, even in this case the model containing both factors was better confirmed by the data than the model postulating only one factor for all intention and implementation items. To check for method effects (Podsakoff MacKenzie, Lee, & Podsakoff, 2003), we compared a confirmatory model with only one general factor with a model which specified all the five substantive factors just discussed and a model with the five substantive factors plus a method factor. For the last model we had to constrain the loadings of the method factor to be equal, because otherwise we could not reach a proper solution (see Brown, 2006). All global fit measures did not indicate a significantly better fit for the model with method effects (AIC: 129.49 vs. 132.69; CFI: .968 vs .965; RMSEA .061 vs. .064; χ^2/df : 1.92 vs. 2.03). The first number represents the result for the model without method effects and the second number the model with method effects. As a consequence, we did not take into account a method factor in the subsequent structural equation models.

Structural Equation Models

Model 2: Determinants of Intention and Implementation Intention: What

role do attitudes, norms and PBC play?

We have specified Model 2 in Figure 2 based on the theory of planned behaviour and its direct measures (Ajzen, 1991; Fishbein & Ajzen, 2010) supplemented by the concept of implementation intention (Gollwitzer, 1999). Implementation intention is specified in Model 2 as a dependent construct which is only directly influenced by the intention to start a new business. The reasoning for this is that intention is a more general tendency which influences a more concrete implementation intention (Gollwitzer, 1999; Gollwitzer & Sheeran, 2006). The intention itself is determined by the three constructs: attitude toward the behaviour, social norms, and perceived behavioural control as postulated by the theory and confirmed in all meta-analyses (Fishbein & Ajzen, 2010). We postulate that there is a total mediation of the effects of attitude, norms, and PBC on implementation intention via intention as argued above. The standardised coefficients both for the structural model and the measurement model can be found in Figure 2.

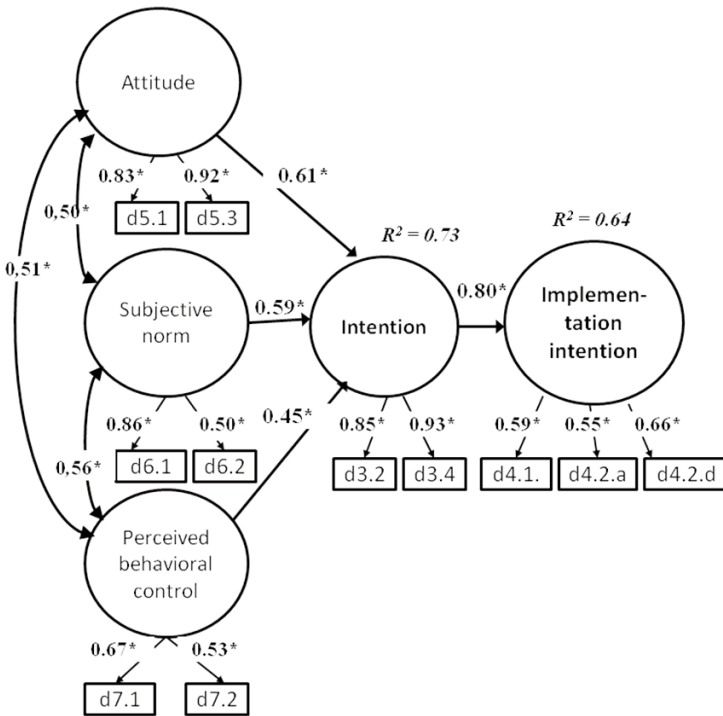
For the estimation we used the maximum likelihood estimation procedure available in the program AMOS version 21.

The model of full mediation as specified here was not significantly worse than a model with direct influences of attitude, norms, and perceived behavioural control on implementation intention. The measures of global fit are satisfactory (CFI = 0.961, RMSEA = 0.06, χ^2/df = 2,031, AIC default model = 133.61 vs. AIC saturated model = 132). As one can see in Figure 2, intention has a very

Figure 2

Model 2 – Determinants of Intention and Implementation Intention

strong effect (.80) on implementation intention and as demonstrated here and in the confirmatory factor analysis described above, divergent validity has been established thus empirically corroborating the assumption of two independent constructs. As it has been shown in meta-analyses (Fishbein & Aizen 2010), the predictors of attitude toward the behaviour, norms, and PBC are also in our model all positively and significantly correlated. However, one can see that attitude is more strongly correlated with norms and PBC than norms are with PBC. The effects of attitude and PBC on intention are as expected: strong, positive, and significant (.61; .45). Also, in our model social norms has a positive and significant effect (.59).

Model 3: A MIMIC Model for the TOPB, Implementation Intention, Values, and Demographics

In Model 3 we firstly tested whether values have a significant effect on attitudes, norms, and PBC and whether the impact of values on intention and implementation intention is fully mediated by attitude, norms, and PBC. Secondly, we examined how the influence of demographic variables on intention operates. As postulated by the TOPB (Fishbein & Ajzen, 2010, pp. 225–235), we assume full mediation which means that the demographic variables influence intention and implementation intention only via attitude, norms, and PBC and, therefore, not directly.

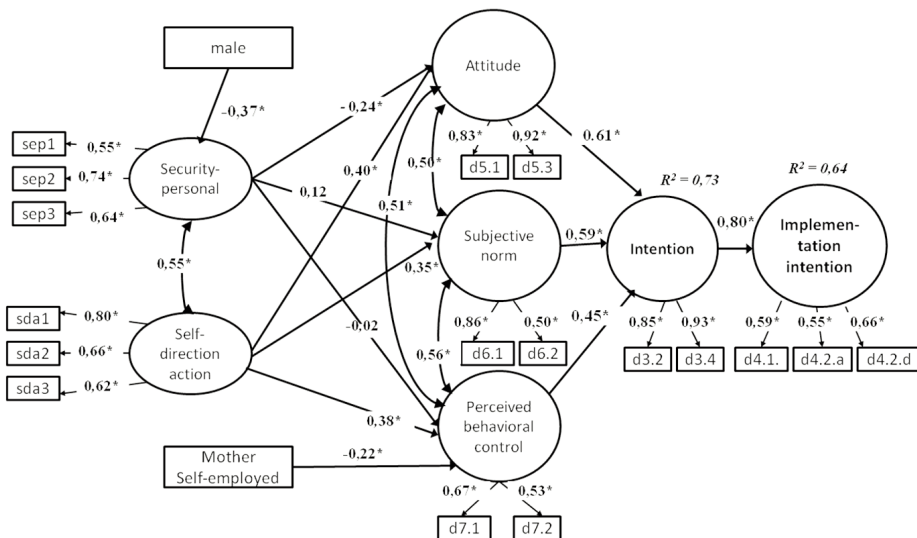
In addition, we postulated that self-employment of father and mother should also have an effect on values of self-determination and subjective security. The acronym MIMIC stands for multiple indicators multiple causes (Jöreskog & Goldberger, 1975; Kline, 2011, pp. 322–325). This type of SEM model is called a MIMIC model because the model contains both formative and reflective indicators in addition to the latent variables themselves. The demographic variables are the formative observed variables, which influence the latent constructs represented by values and the constructs of the TOPB including implementation intention. In contrast to the formative indicators the items to measure values and the TOPB constructs are seen as reflective indicators determined by their respective constructs (Brown, 2006; Bollen & Davis, 2009).

Model 3 in Figure 3 represents only those paths that were at least significant at the 5% level. In the sense of the seminal paper by Jöreskog (1993), who differentiates strictly between confirmatory, alternative, and model generating models, our final model belongs to the third category. The fit of this Model 3 seems to be sufficient: $\chi^2 = 206.913$ with 137 degrees of freedom, $\chi^2/df = 1.510$, CFI = .959, RMSEA = .044, CAIC for our model (default model) = 556,433 compared to CAIC for the saturated model = 1,252,995.

Firstly, the path diagram reveals that the factor loadings of all constructs are sufficiently high to establish convergent validity. In Figure 3, one can see that the relation between intention and implementation intention did not change (0.80) compared with the coefficient in Model 2. As there is no

Figure 3

Model 3 – Standardized Coefficients for the Integrated Model of Demographic Variables, Values, Theory of Planned Behaviour Constructs, and Implementation Intention

other direct effect on implementation intention, the explained variance of implementation intention also did not change (.64). The same is true for the explained variance of intention (.73).

Let us now refer to the relations between values, attitude, norms, perceived behavioural control, intention, and implementation intention. As predicted, there is no direct relation between the two values and intention and implementation intention, which confirms the fully mediated model specification outlined in Fishbein and Aizen (2010). Self-Determination (Action) seems to be the only significant value of the higher-order factor Openness to Change for the prediction of attitude (.40), norms (.35), and PBC (.45). The positive and significant effects corroborate the theoretical hypotheses for this dimension of Openness to Change. The only subdimension of Conservation that has an impact seems to be Security (Personal), which has, however, only a negative effect on attitude. This means the more people value Security (Personal) as a value, the more negative their attitude toward starting their own business is (-.24). The negative sign of the coefficient also confirms the theoretically postulated hypothesis.

The explained variance of attitude is .16, of norms .19, and of PBC .21 that shows that important variables are still missing in our model specification. The explained variances of Self-Determination (Action) and Security (Personal) by demographics are even considerably lower (.03 and .09).

Summary and Discussion

Our findings are consistent with some empirical results using the theory

of planned behaviour as a framework to explain entrepreneurial behaviour. In our study only attitude toward the behaviour and perceived behavioural control had a statistically significant effect. Autio et al. (2001) found that social norms had only a weak effect, Liñán and Chen (2009) reported that norms had only an indirect effect via attitudes and perceived behavioural control, and Krueger, Reilly, & Carsrud (2000) found no significant effect at all. In contrast to this, Kolvereid (1996), Tkachev and Kolvereid (1999), and Zapkau et al. (2015) found that all three determinants of intention had a significant effect, as the theory predicts. Concerning such inconsistent findings, Fishbein and Ajzen (2010) argue that depending on situational and contextual factors these coefficients can vary considerably and can sometimes be nonsignificant. Liñán and Chen (2009) have taken up this point and argued that social norms may have a stronger influence in collectivistic cultures and a weaker one in individualistic cultures. The breakdown of the Soviet Union certainly led to a longer period of anomia (i.e., normlessness), and this could explain the finding that norms had no significant effect in our study. However, in the Caucasus region the culture is much more collectivistic than in central Russia around Moscow. However, our sample size in the restricted sample was very small, so we could not use a multi-group MIMIC Model to test this assumption. However, in the big sample the Caucasus region had significant effects on values and intention. Additionally we could show that intention and implementation intention could be established as separate constructs although

they are closely related and that all effects from attitude and perceived behavioural control were fully mediated by intention. Concerning the values, we could confirm the assumption of Fishbein and Ajzen (2010) that values are important but more distal predictors. Their effect on intention and implementation intention was, as predicted, fully mediated by attitude, norms, and perceived behavioural control. In the descriptive analysis it was found that all subdimensions of openness were higher for those individuals who intended to start a new business, whereas for all those individuals who had no intention to start a business, all subdimensions of conservation were higher. Regarding the subdimensions of openness, we could demonstrate that self-determination of actions seems to be the only significant and positive determinant.

As in the study of Zapkau et al. (2015), we did not find any significant connection between prior role model exposure and the intention to start a business. Neither self-employment of fathers nor of mothers had an effect. There was one exception; however, the self-employment of mothers had even a negative effect on perceived behavioural control. One explanation for this might be that respondents with self-employed mothers get a more realistic view on the problems of starting a new business.

However, this explanation would have to be tested in new studies. The explanation provided by Zapkau et al. (2015) for the insignificant findings was twofold. Firstly, they argued that

samples of business owners were often used instead of representative samples. Secondly, prior research has mostly neglected to take into account how a positive or negative role model exposure was actually perceived by the respondents. Concerning the effect of gender and its mediation by attitude, norms, and perceived behavioural control, in a meta-analysis Haus et al. (2013) could demonstrate that the direct effect of gender is rather low. This corresponds to our results.

One major limitation of intention-based research is that the strength of the relation between intention and behaviour and its stability can be only observed in longitudinal studies (Davidsson & Honig, 2003).

However, numerous studies and meta-analyses have shown the close connection between intention and behaviour (Fishbein & Ajzen, 2010). Since our study was designed as a longitudinal study and had 2 assessable steps, we had the opportunity at the end of the year to test the predictive validity of the research assets used by measuring the actual behaviour of those participants who had earlier expressed the intent to start a new business.

Acknowledgements

The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) and supported within the framework of a subsidy by the Russian Academic Excellence Project "5-100".

References

- Ajzen, I. (1991). The theory of planned behaviour. *Organizational Behaviour and Human Decision Processes*, 50, 179–211.
- Ajzen, I. (2002, September). *Constructing a TPB questionnaire: Conceptual and methodological considerations*. (Revised January, 2006). Retrieved from <http://www.uni-bielefeld.de/ikg/zick/ajzen%20construction%20a%20tpb%20questionnaire.pdf>
- Ajzen, I., Czasch, C., & Flood, M. G. (2006). From intentions to behaviour: Implementation intention, commitment, and conscientiousness. *Journal of Applied Social Psychology*, 39, 1356–1372. doi:10.1111/j.1559-1816.2009.00485.x
- Arbuckle, J. (2012). *IBM SPSS Amos 21 user's guide*. Amos Development Corporation, Chicago.
- Autio, E., Keeley, R. H., Klofsten, M., Parker, G. G. C., & Hay, M. (2001). Entrepreneurial intent among students in Scandinavia and in the USA. *Enterprise and Innovation Management Studies*, 2(2), 145–160.
- Bird, B. (1988). Implementing entrepreneurial ideas. The case for intention. *Academy of Management Review*, 13(3), 442–453.
- Bollen, K. A., & Davis, W. R. (2009). Causal indicator models: Identification, estimation, and testing. *Structural Equation Modeling*, 16, 498–522. doi:10.1080/10705510903008253
- Brown, T. (2006). *Confirmatory factor analysis for applied research*. New York: Guilford Press.
- Byrne, B. M. (2010). *Multivariate applications series. Structural equation modeling with AMOS: Basic concepts, applications, and programming* (2nd ed.). New York: Routledge/Taylor & Francis Group.
- Carsrud, A. L., & Brannback, M. (Eds.). (2009). *International studies in entrepreneurship: Vol. 24. Understanding the entrepreneurial mind: Opening the black box*. New York: Springer.
- Datler, G., Jagodzinski, W., & Schmidt, P. (2013). Two theories on the test bench: Internal and external validity of the theories of Ronald Inglehart and Shalom Schwartz. *Social Science Research*, 42(3), 906–925. doi:10.1016/j.ssresearch.2012.12.009
- Davidsson, P., & Honig, B. (2003). The role of social and human capital among nascent entrepreneurs. *Journal of Business Venturing*, 18(3), 301–331. doi:10.1016/S0883-9026(02)00097-6
- Dollinger, S. J., Burke, P. A., & Gump, N. W. (2007). Creativity and values. *Creativity Research Journal*, 19, 91–103. doi:10.1080/10400410701395028
- Engle, R. L., Dimitriadi, N., Gavidia, J. V., Schlaegel, C., Delanoe, S., Alvarado, I., ... Wolff, B. (2010). Entrepreneurial intent: A twelve-country evaluation of Ajzen's model of planned behaviour. *International Journal of Entrepreneurial Behaviour & Research*, 16(1), 35–57. doi:10.1108/13552551011020063
- Fishbein, M., & Ajzen, I. (2010). *Predicting and changing behaviour: The reasoned action approach*. New York: Psychology Press.
- Gollwitzer, P. M. (1999). Implementation intentions: Strong effects of simple plans. *American Psychologist*, 54, 493–503. doi:10.1037/0003-066X.54.7.493
- Gollwitzer, P. M., & Brandstätter, V. (1997). Implementation intentions and effective goal pursuit. *Journal of Personality and Social Psychology*, 73, 186–199.
- Gollwitzer, P. M., & Sheeran, P. (2006). Implementation intentions and goal achievement: A meta-analysis of effects and processes. *Advances in Experimental Social Psychology* 38, 69–119. doi:10.1016/S0065-2601(06)38002-1
- Haus, I., Steinmetz, H., Isidor, R., & Kabst, R. (2013). Gender effects on entrepreneurial intention: a meta-analytical structural equation model. *International Journal of Gender and Entrepreneurship*, 5(2), 130–156.

- Hmieleski, K. M., & Baron, R. A. (2009). Entrepreneurs' optimism and new venture performance: A social cognitive perspective. *Academy of Management Journal*, 52(3), 473–488. doi:10.5465/AMJ.2009.41330755
- Hu, L. T., & Bentler, P. M. (1999). Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural equation modeling: a multidisciplinary journal*, 6(1), 1–55. doi: 10.1080/10705519909540118
- Jaccard, J., & Jacoby, J. (2010). *Theory construction and model-building skills*. New York: Guilford Press.
- Jöreskog, K. G. (1993). Testing structural equation models. In K. A. Bollen & J. S. Long (Eds.), *Testing structural equation models* (pp. 294–316). Newbury, CA: Sage.
- Jöreskog, K. G., & Goldberger, A. S. (1975). Estimation of a model with multiple indicators and multiple causes with a single latent variable. *Journal of the American Statistical Association*, 10, 631–639.
- Kline, R. B. (2011). *Principles and practice of structural equation modeling*. New York: Guilford Press.
- Kolvereid, L. (1996). Prediction of employment status choice intentions. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 21(1), 47–57.
- Krueger, N. F., & Carsrud, A. L. (1993). Entrepreneurial intentions: Applying the theory of planned behaviour. *Entrepreneurship and Regional Development*, 5(4), 315–330.
- Krueger, N. F. Jr., Reilly, M. D. & Carsrud, A. L. (2000). Competing models of entrepreneurial intentions. *Journal of Business Venturing*, 15, 411–432. doi:10.1016/S0883-9026(98)00033-0
- Lebedeva, N., & Schmidt, P. (2012). Values and attitudes towards innovation among Canadian, Chinese, and Russian students. *Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 04/SOC/2012*.
- Liñán, F. (2008). Skill and value perceptions: How do they affect entrepreneurial intentions? *International Entrepreneurship and Management Journal*, 4, 257–272. doi:10.1007/s11365-008-0093-0
- Liñán, F., & Chen, Y.-W. (2009). Development and cross-cultural application of a specific instrument to measure entrepreneurial intentions. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 33(3), 593–617. doi:10.1111/j.1540-6520.2009.00318.x
- Podsakoff, P. M., MacKenzie, S. B., Lee, J.-Y., & Podsakoff, N. P. (2003). Common method biases in behavioural research: A critical review of the literature and recommended remedies. *Journal of Applied Psychology*, 88(5), 879–903. doi:10.1037/0021-9010.88.5.879
- Schwartz, S. H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology*, 25, 1–65.
- Schwartz, S. H. (2006). Les valeurs de base de la personne: théorie, mesures et applications. *Revue Française de Sociologie*, 47, 929–968.
- Schwartz, S. H., Cieciuch, J., Vecchione, M., Davidov, E., Fischer, R., Beierlein, C., ... Konty, M. (2012). Refining the theory of basic individual values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 103, 663–688. doi:10.1037/a0029393.
- Sternberg, R., & Wennerkers, S. (2005). Determinants and effects of new business creation using global entrepreneurship monitor data. *Small Business Economics*, 24(3), 193–203. doi:10.1007/s11187-005-1974-z.
- Tkachev, A., & Kolvereid, L. (1999). Self-employment intentions among Russian students. *Entrepreneurship and Regional Development*, 11(3), 269–280.
- Zapkau, F. B., Schwens, C., Steinmetz, H., Kabst, R. (2013). *Disentangling the effect of prior entrepreneurial exposure on entrepreneurial intention*. Unpublished manuscript, University of Düsseldorf, Düsseldorf, Germany.

Zapkau, F. B., Schwens, C., Steinmetz, H., & Kabst, R. (2015). Disentangling the effect of prior entrepreneurial exposure on entrepreneurial intention. *Journal of Business Research*, 68(3), 639–653. doi:10.1016/j.jbusres.2014.08.007

Zercher, F. (2010). *Determinanten der Teilzeitarbeit: Modellierung mit der Theorie des geplanten Verhaltens und Strukturgleichungsmodellen* (Unpublished master's thesis). University of Gießen, Gießen, Germany.

Peter Schmidt — professor, Justus Liebig University of Giessen (Giessen, Germany); professor, National Research University Higher School of Economics.
E-mail: Peter.Schmidt@sowi.uni-giessen.de

Alexander N. Tatarko — associate professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, senior researcher, International Laboratory for Socio-Cultural Research, National Research University Higher School of Economics, D.Sc.
E-mail: tatarko@yandex.ru

Предпринимательское намерение и ценности личности: результаты опроса российского населения

П. Шмидт^{a,b}, А.Н. Татарко^a

^a *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

^b *Гиссенский университет имени Юстуса Либиха, Ludwigstrasse 23, D-35390 Giessen, Hessen, Germany*

Резюме

В данной статье рассматривается взаимосвязь между ценностными ориентациями и предпринимательским намерением с опорой на теорию разумного действия. Эмпирической базой данного исследования явились результаты репрезентативного опроса, проведенного в двух регионах России (Центральный федеральный округ и Северо-

Кавказский федеральный округ). Общий объем выборки включал 2061 респондента, в Центральном федеральном округе опрошены 1026 респондентов и в Северо-Кавказском — 1035 респондентов. Затем из общей выборки было отобрано 269 респондентов, намеревающихся открыть собственный бизнес в течение ближайших двух лет. Все дальнейшие виды математико-статистического анализа проводились именно на этой подвыборке. Результаты нашего исследования позволили подтвердить валидность теории разумного действия на российской выборке и применительно к предпринимательскому поведению. Анкета включала в себя методы, направленные: а) на оценку индивидуальных ценностных ориентаций (PVQ-R Ш. Шварца); б) оценку предпринимательских намерений; в) оценку социально-демографических характеристик респондентов. Для выявления конвергентной и дивергентной валидности всех конструктов, влияющих на намерение, в соответствии с теорией планируемого поведения (в основе которой лежит теория разумного действия), мы, помимо основных составляющих намерения (аттитюд, социальные нормы, воспринимаемый поведенческий контроль), дополнительно добавили в модель конструкт «реализация намерения». Связь всех вышеописанных конструктов была протестирована в модели одновременно. С этой целью мы провели симультанный конфирматорный факторный анализ, используя метод максимального правдоподобия при оценке параметров. Далее мы проверили гипотезы о связи ценностных ориентаций с компонентами планируемого поведения (аттитюд, социальные нормы, воспринимаемый поведенческий контроль). Было показано, что такая ценность, как «Самостоятельность действия», позитивно связана со всеми компонентами планируемого предпринимательского поведения. Ценность «Безопасность личная» продемонстрировала отрицательную связь с отношением к идее открытия нового бизнеса (предпринимательским аттитюдом).

Ключевые слова: теория планируемого поведения, ценности, предпринимательское поведение, предпринимательское намерение.

Шмидт Питер — профессор социологии, Гиссенский университет (Гиссен, Германия); Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Контакты: Peter.Schmidt@sowi.uni-giessen.de

Татарко Александр Николаевич — доцент, департамент психологии, факультет социальных наук, и ведущий научный сотрудник, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доктор психологических наук.
Контакты: tatarko@yandex.ru

VALUES AND ATTITUDES TOWARDS IMMIGRANTS: CROSS-CULTURAL DIFFERENCES ACROSS 25 COUNTRIES

V.A. PONIZOVSKIY^a

^a *National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation*

Abstract

Attitudes towards immigrants remain a relevant psychological outcome as they are related to prejudice, discrimination, and adaptation of migrants. Recent studies showed that basic human values could be used to explain considerable proportion of variance in attitudes towards immigrants and immigration. These studies reported that across cultural contexts the value dimension of self-transcendence is positively related to attitudes to migrants, and the value dimension of conservation is related negatively. In this paper I attempt to address some theoretical problems with universalistic interpretations of value-behavior relationships and propose a new method to identify culturally specific patterns of value-attitude relationships. Data from 25 countries collected in waves 5 and 6 of the European Social Survey (ESS) was used to assess feasibility of the proposed method. Accounting for cross-country variation significantly improved predictions of attitudes towards immigrants from individual values. Moreover, the proposed measure moderated the relationship between individual values and attitudes towards immigrants when tested against an independent data set. In line with past studies, the results indicate that overall, universalism (a self-transcendent value) is the most positive predictor of attitudes towards immigrants, and security (a conservation value) is the most negative. Unlike previous studies, there is no support for universality of the pattern. A theoretical explanation for cultural variation is offered.

Keywords: attitudes towards immigrants, social values, content of values, culture, theory of basic human values, cross-cultural psychology, cognitive category, European social survey, discourse, meaning.

Introduction

In 2013, the number of forcibly displaced people worldwide has exceeded 50 million, for the first time in the post-World War II era (UNHCR, 2015). War in Ukraine and Syria, the continuing conflict in Afghanistan and

Iraq have led to increasing numbers of refugees and asylum seekers arriving in Europe. The number of permanent immigrants arriving in EU-15 countries have increased from 1.4 million in 1994 to 2.5 million in 2004 and remained relatively stable since then (OECD, 2006, 2015). At the same time

anti-immigrant attitudes remain widespread in Europe (Schneider, 2008; Semyonov, Raijman, & Gorodzeisky, 2006; Strabac & Listhaug, 2008). Moreover, it is often reported that the proportion of immigrants in a country is related to less favorable attitudes towards immigrants (Quillian, 1995; Schneider, 2008). In this light learning more about other psychological factors that influence attitudes towards immigrants is critical.

Understandably, attitudes towards immigrants remained a major focus of research in recent years. In sociology, attitudes towards immigrants were linked to socioeconomic and sociodemographic factors such as education, income, and occupation (Coenders, Lubbers, & Scheepers, 2008; Quillian, 1995; Rustenbach, 2010). On a country level the proportion of immigrants in a country, the economic well-being of the majority population, and economic competition between the immigrants and members of the host society were used to explain cross-country variation in attitudes towards immigrants (Jackson, Brown, Brown, & Marks, 2001; Mayda, 2006; Scheepers, Gijsberts, & Coenders, 2002). Social psychologists considered numerous individual-level predictors of attitudes towards immigrant, of which perhaps the most influential were Right Wing Authoritarianism (Altemeyer, 1981), Social Dominance Orientation (Pratto, Sidanius, Stallworth, & Malle, 1994), Integrated Threat (Stephan & Stephan, 2000), and Social Identity (Tajfel & Turner, 1979).

Recently, the theory of basic human values (Schwartz, 1994) has been gaining ground as a framework for explaining formation and organization of atti-

tudes in both sociology and psychology. Human values are defined by Schwartz as trans-situational goals, desired end-states that motivate action and inform attitudes and opinions (Schwartz, 1992). The theory has been used in a number of studies of attitudes towards immigrants and cultural diversity (Davidov & Meuleman, 2012; Davidov, Meuleman, Billiet, & Schmidt, 2008; Sawyerr, Strauss, & Yan, 2005; Vala & Costa-Lopes, 2010). It was also shown that values can be seen as predictors of other relevant psychological constructs, such as Right Wing Authoritarianism, Social Dominance Orientation (Feather & McKee, 2008), and core political values (Schwartz, Caprara, & Vecchione, 2010). This suggests that individual differences in value priorities might play a fundamental, organizing role in the formation of political attitudes, including attitudes towards immigrants and immigration.

The findings of recent studies converge in identifying a universal pattern of relationships between values and attitudes towards immigrants, where conservation values (security, conformity, and tradition) are negatively related to acceptance of immigrants and immigration, while self-transcendence values (universalism and benevolence) are related positively across various countries and contexts (Davidov & Meuleman, 2012; Davidov et al., 2008; Vala & Costa-Lopes, 2010).

Differences in the patterns of relationships between values and attitudes are often conceptualized as differences in cultural meaning (e.g. Sagiv & Schwartz, 1995; Schwartz & Sagiv, 1995). A universal pattern of relations between values and attitudes towards immigrant would suggest that attitudes

towards immigrants express the same values in the same way across as many as 65 countries in which they were studied (Vala & Costa-Lopes, 2010). Considering the variation in socio-economic factors, sizes of immigrant populations, economic relationships between immigrant and host populations, ethnic and cultural composition of immigrants, and discourses about migration and migrants, this seems unlikely. Some recent studies did find significant cross-cultural differences in the relationship between values and attitudes towards immigrants (Davidov & Meuleman, 2012; Davidov et al., 2008), but despite their significance the authors urged them to “not be overrated” (Davidov & Meuleman, 2012).

In this article I attempt to address some theoretical problems with universalistic interpretations of cross-cultural data on the relationship between values and attitudes in general and attitudes to migrants in particular. I theoretically substantiate the use of multiple regression coefficients as proxies of cross-cultural differences in value-attitude relationships and proceed with a test of their predictive validity.

Theoretical framework

Schwartz's theory of basic human values (Schwartz, 1992) is currently the most prominent approach to the concept of values in social psychology. Synthesizing several past theories, Schwartz defines values as trans-situational goals that vary in importance and serve as guiding principles in life. According to Schwartz, values motivate action, serve the interests of some social entity, act as standards for judging actions, and are acquired through

socialization into group values (Schwartz, 1994).

The motivating power of values is a critical component of the theory of basic values. Schwartz argues that values are cognitive representations of three universal human needs that have evolutionary significance: the biological needs of individuals, the need for coordinated social interaction, and the need for smooth functioning and survival of groups (Schwartz & Bilsky, 1987). These needs are translated into four higher-order motivational goals aligned on two dimensions: openness to change vs. conservation and self-enhancement vs. self-transcendence. Along these dimensions the original theory situates 10 basic values: security, conformity, tradition, benevolence, universalism, self-direction, stimulation, hedonism, achievement, and power (Schwartz, 1992). Values form a two-dimensional motivational continuum, where values that express similar motivational goals are compatible (e.g. conformity and tradition both express the higher-order motivational goal of conservation), and values that express opposing motivational goals are in conflict (e.g. conformity conflicts with self-direction). Hundreds of studies based on the theory of basic values provide strong evidence for near-universality of this conceptualization (Schwartz et al., 2012).

Schwartz argues that values motivate attitudes and behavior, and that people express values through value-consistent behavior. If a value is important for a person, they are more likely to act in a way congruent with the value: “people pursue security values by acting in a way promoting their personal safety, and they pursue hedonism

values by engaging in pleasurable activities” (Bardi & Schwartz, 2003). Further, Schwartz argues that the pattern of motivational congruities and conflicts that underlies the structure of values is also responsible for the relations among values and value-expressive behaviors, and that each value-expressive behavior is meaningfully related to all values (Bardi & Schwartz, 2003). In Schwartz’s view, performing a security-congruent behavior or holding a security-congruent attitude is primarily motivated by the value of security, but also – albeit to a lesser degree – by values of tradition and conformity, since they serve a similar motivational goal, namely, conservation.

An important critique of Schwartz’s interpretation of the relations between values and attitudes is that it is difficult to test whether respondents from different cultures interpret abstract values as having the same content or meaning (Peng, Nisbett, & Wong, 1997). In an attempt to address this issue Gregory Maio (2010) pointed to important differences between the functioning of values on the most abstract level – as guiding principles described by Schwartz – and the effects of values on specific behavioral choices. Maio problematized the proposition that highly abstract values directly motivate very particular behaviors, and studied the process of bridging the gap between abstract and concrete levels. He suggested thinking about values as mental representations, or cognitive hierarchies, where a Schwartzian highly abstract value is a category, and a particular attitude or a behavior is a member of the category, or an instantiation. Maio found that instantiations of values vary in the

elaboration of arguments in support of their relation to a specific value and in their typicality as a representation of a value, and that this variance has strong motivational consequences (Maio, 2010). For example, the relationship between values and attitudes strengthens when people explicitly describe their attitudes as value-expressive (Maio & Olson, 1995, 2000). Maio stressed that motivation is shared between values on the most abstract level, between values-as-categories. However, he never explicitly addressed the question whether motivation for specific instantiations of values is shared with neighboring values.

I argue that motivation is not shared on the instantiation level – specific attitudes and behaviors are not motivated by the whole “motivational continuum” of abstract values, but are motivated only through their connection to a specific, particular value – or, in Maio’s terms, through being a member of a cognitive category.

From early childhood people are socialized into value-meaning of behaviors: “be kind and share your toys”, “eat your vegetables and you’ll grow strong”, “clean up, don’t be a slob”. Previously meaningless behaviors acquire meaning through their connection with values. Until mother tells a child that sharing a toy is an act of kindness and reinforces it with praise, giving a toy away does not confer any advantage to the child – if anything, the child is forgoing an opportunity to play with their toy. Only after mother provides a child with discourse where sharing a toy is indicative of the child’s value priorities, the behavior becomes meaningful. Sharing a toy and attitude towards sharing toys become members

of the cognitive category “benevolence”. It is important to note that despite the fact that on the abstract level the value of benevolence shares some motivational power with the value of tradition, for example, the specific behavior (sharing toys) is only a member of the category “benevolence”, and has no immediate connection to the category “tradition”. It is also important that in a hypothetical situation where there is nobody to tell the child that sharing toys is nice, the child will probably not be able to develop an ethical argument for sharing toys on their own.

It is conceivable that the relationship between values and attitudes towards immigration gets established in a similar manner. This relationship, of course, is formed later in one’s life, and it is likely that it is not the mother who provides the discourse that ties values to these attitudes, but the education system, the media, and personal communication with other people. One can encounter various discourses about immigration that can relate it to values of universalism (accepting immigrants expresses appreciation of equality, tolerance, and equal opportunities for all), security (accepting immigrants can increase crime rates and disturb social order), tradition (immigrants have no respect for our traditions and can change the traditional way of life in our society), and virtually any other value. However, it is important that discourse is a social product (Halliday, 1978), and people do not develop these discourses independently from their social environment. If previous theorizing holds, the formation of a relationship between a specific value and attitudes towards immigration is contingent on the exposure to a specific discourse.

Summarizing the theory above, I argue that a value is causally related to an attitude if, to the extent, and in the direction the two are tied through discourse. It is the discourse that enables the relationship between values and attitudes.

When bringing this theorization to the measurement level, I encounter difficulties with examining the relationship of interest using the methods used in contemporary values-attitudes research. Correlational studies of values and attitudes that are widely represented in the literature (e.g. Bardi & Schwartz, 2003; Feather & McKee, 2008; Sagiv & Schwartz, 1995) may confound two different relationships: 1) the relationship between a specific value and a specific attitude that gets established through exposure to discourse; and 2) the intercorrelations between abstract values discovered and described by Schwartz. Schwartz’s theory describes motivation for holding an attitude or performing a behavior as shared between values neighboring the one it is primarily related to. In this view, sharing a toy is primarily motivated by the value of benevolence, but also, to the lesser extent, by values of universalism and tradition, because they all express higher-order motivational goals of self-transcendence and conservation. I follow Maio in arguing that motivations are only shared at the most abstract level — motivation to perform benevolent behaviors in general is shared with the motivation to perform traditional and universalistic behaviors, but performing a particular benevolence-related behavior (e.g. sharing a toy) is motivated by the value of benevolence separately from other values.

The second method that is widely used to assess the relationships between values and attitudes is regression analysis that employs higher-order value dimensions (e.g. (Davidov & Meuleman, 2012; Davidov et al., 2008; Schwartz, 2007)). This approach does not allow the examination of links between specific values and attitudes since specific value scores are averaged into higher-order dimension scores. Davidov and Meuleman, for example, predict that in a European sample the value of universalism should be related to attitudes towards immigrants positively and strongly, the value of benevolence should be related positively, but weakly, and that there should be no cross-cultural differences in the pattern of relationships (Davidov et al., 2008). Since higher-order values were used for their analysis, the authors were not able to test these predictions.

I argue that using single values in a hierarchic regression could allow disentangling the two kinds of relationships described above. Such a regression could control for the intercorrelations between abstract values, and the resulting coefficients could be interpreted as culturally specific patterns of relationships between the ten values and the attitude of interest. This approach is generally discouraged, and to the best of my knowledge has never been used in studies of value-attitude relationships.

The arguments that are brought against such analyses are multicollinearity problems arising from high correlations between specific values; and the fuzziness of borders between abstract values, where some items inevitably express elements of motivation relevant to neighboring values (Davidov et al., 2008; Schwartz et al.,

2012). However, since no multicollinearity statistics on values were not reported in the literature, it is difficult to estimate the degree to which multicollinearity would hinder the interpretation of regression coefficients. Since I interpret single values as cognitive categories and not as representations of the higher-order motivational goals (in fact, I will be trying to control for the interrelatedness of values), the fuzziness of motivational borders on the abstract level should not affect my analysis.

Based on these theoretical considerations, I formulate the following hypotheses. Accounting for country-level differences (adding interaction terms with country-level regression slopes) in the relationship between values and attitudes towards immigrants will significantly improve the amount of variance in attitudes towards immigrants explained by the model (Hypothesis 1). Regression coefficients for countries obtained using the data at one time point will moderate the relationship between personal values and attitudes towards immigrants at a different time point in an unrelated sample (Hypothesis 2). A model that uses single values as predictors will perform significantly better than a model that uses higher-order values (Hypothesis 3). As an application of these theoretical hypotheses, I will also test a hypothesis that is based on my theorization about the differences in discourses on immigration between Western democracies and Eastern European post-communist countries. I expect that regression coefficients for universalism will be larger in Western European countries compared to Eastern European countries (Hypothesis 4).

Method

Data

To test the hypotheses, I used data from two waves of the European Social Survey (ESS), waves 5 and 6, collected in years 2010 and 2012, respectively. 25 countries that were represented in both waves of the survey were chosen for the analysis. For each of the countries, representative samples of population aged 15 years and older were collected in adherence to strict guidelines for cross-cultural social research developed by Harknes et al. (2003). The data was collected during face-to-face interviews. The following countries were included in the analysis (sample sizes for waves 5 and 6 are indicated in the parentheses): Belgium (BE) (1,704; 1,869), Bulgaria (BG) (2,434; 2,260), Switzerland (CH) (1,506; 1,493), Cyprus (CY) (1,083; 1,116), Czech Republic (CZ) (2,386; 2,009), Germany (DE) (3,031; 2,958), Denmark (DK) (1,576; 1,650), Estonia (EE) (1,793; 2,380), Spain (ES) (1,885; 1,889), Finland (FI) (1,878; 2,197), France (FR) (1,728; 1,968), United Kingdom (GB) (2,422; 2,286), Hungary (HU) (1,561; 2,014), Ireland (IE) (2,576; 2,628), Israel (IL) (2,294; 2,508), Lithuania (LT) (1,677; 2,109), Netherlands (NL) (1,829; 1,845), Norway (NO) (1,548; 1,624), Poland (PL) (1,751; 1,898), Portugal (PT) (2,150; 2,151), Russian Federation (RU) (2,595; 2,484), Sweden (SE) (1,497; 1,847), Slovenia (SI) (1,403; 1,257), Slovakia (SK) (1,856; 1,847), and Ukraine (UA) (1,931; 2,178). The total size of the sample was 48,094 respondents for wave 5 and 50,465 respondents for wave 6 data.

Four sociodemographic characteristics were included: age, gender, education, and income. Education was measured as the number of years of full-time education completed, and income was measured as self-reported household total net income, with responses recorded on a 10-point scale from 1 (“1st decile”) to 10 (“10th decile”).

Ten basic human values were measured using the 21-item ESS human values scale. Items of the value scale are short verbal portraits of 21 persons, their life goals and priorities (e.g. “He thinks it is important that every person in the world be treated equally. He believes everyone should have equal opportunities in life”). The respondents are asked to identify how similar is the described person to themselves on a 6-point Likert-type scale, from 1 (very much like me) to 6 (not like me at all). Each of the ten Schwartz’s values is measured with 2 items in the ESS, with the exception of Universalism that is measured with 3 items.

Scores for higher-order value dimensions were calculated based on single value scores. The score for conservatism was calculated as the average of security, conformity, and tradition; for self-transcendence as the average of universalism and benevolence; for openness to change as the average of self-direction, stimulation, and hedonism; and for self-enhancement as the average of achievement and power.

Attitudes towards migrants were measured with 3 items from a migration module of the ESS questionnaire: whether immigrants are bad or good for the country’s economy, whether country’s cultural life is undermined or enriched by immigrants, and whether immigrants make the country a worse

or better place to live. The responses were recorded on a 10 point scale, where 0 corresponds to an extremely negative attitude or belief about immigrants, and 10 corresponds to an extremely positive attitude or belief. It is important to note that the word “immigrant” was not used in the wording of questions, as the meaning of that word varies across European countries. The wording used in the questionnaire is “people who come to live in [the country] from abroad” (Card, Dustmann, & Preston, 2005). The composite score for attitudes towards immigrants was computed as an average of the three items. Cronbach’s alphas for all individual countries for waves 5 and 6 fell in the .77 – .91 range.

The distinction between Western and Eastern Europe was made in line with a previous study by Annabel Kuntz and colleagues (Kuntz, Davidov, Schwartz, & Schmidt, 2015). A dummy variable coded whether the country has ever been under communist rule.

Analysis

Before beginning the main analysis I tested whether multicollinearity affects the regression coefficients in question. In the selected data sets I ran a multiple regression that used ten single values as predictors of attitudes towards immigration. For both waves 5 and 6, variance inflation factor (VIF) did not exceed 1.83, and tolerance did not drop lower than .55 for any of the predictor values. These numbers fall well within the conventional guidelines of maximum VIF of 10 and minimum tolerance of .1 (Neter, Kutner, Nachtsheim, & Wasserman, 1996). Since multicolli-

nearity between values does not present a statistical problem in these datasets, I proceeded with my analysis.

I first performed a multiple regression accounting for correlations between individual values using multi-group analysis in AMOS and data from ESS wave 5. Ten single values were included as predictors, and the attitude towards immigration was the dependent variable. The results were 25 sets of 10 unstandardized coefficients, each representing the regression slope of a single value in a single country. For comparison purposes, a similar analysis was performed using scores for higher-order value dimensions.

Then, regression weights obtained in the previous step were included as country-level variables in the database for ESS wave 6. Their interactions with individual level values were computed and also included in the database.

Finally, I performed a hierarchical multiple regression using data from ESS wave 6, where the predictors were: age, gender, education, and income (step 1), individual values (step 2), country-level unstandardized regression weights (step 3), and the interaction term for individual values and corresponding country-level regression weights (step 4).

For comparison purposes, another analysis was run with the higher-order value dimensions. The predictors included were: age, gender, education, and income (step 1), individual higher-order value scores (step 2), country-level regression weights for higher-order value dimensions (step 3), and the interaction term for individual higher-order value scores and corresponding country-level regression weights (step 4).

Results

The coefficients resulting from the first regression analyses of wave 5 data can be found in Appendices A (for single values) and B (for higher-order value dimensions). Table 1 displays descriptive statistics from this analysis.

The results of the hierarchical regression that used data from wave 6 and included sociodemographic characteristics, individual-level single values, country-level coefficients obtained from wave 5, and the interaction terms to predict attitudes towards immigrants are summarized in Table 2. Sociodemographic characteristics accounted for about 6% of variance in the attitude, with all of them being significant, and education being the strongest positive predictor, in agreement with previous findings. Adding values significantly improved the prediction (up to 12% of variance), with universalism being the strongest positive predictor

of positive attitudes towards immigrants, and security being the strongest negative predictor, also supporting previously reported findings, and confirming the untested hypothesis by Davidov and colleagues (2008). Adding country-level coefficients and interaction terms further increased the amount of explained variance to 18% confirming Hypothesis 1. Seven out of 10 interaction terms contributed significantly to the prediction confirming Hypothesis 2. Interpreting individual contributions of country-level slopes, however, is hindered by the fact that they were treated by the regression as individual-level variables, resulting in unacceptable error levels.

For comparison purposes I performed a similar analysis using unstandardized regression coefficients for higher-order value dimensions derived from ESS wave 5 data. The results are summarized in Table 3. The first step of the hierarchical regression included

Table 1

Unstandardized regression coefficients for 10 values and attitudes towards immigrants for 25 countries

	Mean	SD	Minimum	Maximum
Security	-.27	.16	-.50	.09
Conformity	-.05	.09	-.20	.18
Tradition	-.12	.12	-.40	.11
Benevolence	.01	.14	-.27	.24
Universalism	.46	.32	-.06	.95
Self-Direction	.03	.11	-.16	.27
Stimulation	.04	.08	-.15	.16
Hedonism	.01	.08	-.15	.13
Achievement	.07	.09	-.09	.27
Power	-.02	.10	-.26	.16

Note. Data was collected in ESS wave 5.

Table 2

Hierarchical regression models of the link between individual values and attitudes towards immigrants

	Model 1		Model 2		Model 3		Model 4	
	β	SE	β	SE	β	SE	β	SE
Sociodemographic factors								
Gender	-.018***	.022	-.018***	.022	.000	.021	.000	.021
Age	-.025***	.001	-.020***	.001	-.022***	.001	-.023***	.001
Income	.087***	.004	.077***	.004	.087***	.004	.087***	.004
Education	.199***	.003	.155***	.003	.154***	.003	.152***	.003
Individual values								
Security			-.170***	.013	-.134***	.013	-.068***	.026
Conformity			-.018**	.012	-.030***	.012	-.026***	.014
Tradition			-.081***	.013	-.056***	.013	-.021**	.017
Benevolence			.035***	.017	-.007	.017	-.003	.017
Universalism			.184***	.018	.151***	.018	.038***	.029
Self-Direction			-.004	.014	-.002	.014	-.005	.014
Stimulation			.011	.012	.016*	.012	.002	.012
Hedonism			.014*	.011	-.019**	.011	-.021**	.011
Achievement			.009	.012	.014*	.012	.012	.014
Power			-.075***	.012	-.025***	.012	-.015*	.013
Country-level coefficients								
Security slope					.146***	.138	-.017	.383
Conformity slope					-.146***	.159	-.144***	.501
Tradition slope					-.041***	.173	-.181***	.444
Benevolence slope					-.058***	.118	-.170***	.564
Universalism slope					.098***	.079	-.439***	.240
Self-Direction slope					-.055***	.143	-.141***	.502
Stimulation slope					-.039***	.229	-.118***	.496
Hedonism slope					-.022**	.180	-.033	.503
Achievement slope					-.104***	.171	-.123***	.435
Power slope					.032***	.171	-.073***	.392
Interactions								
Security interaction							.166***	.074
Conformity interaction							.001	.114
Tradition interaction							.142***	.091
Benevolence interaction							.108**	.111
Universalism interaction							.567***	.047
Self-Direction interaction							.085***	.107
Stimulation interaction							.079***	.119
Hedonism interaction							.009	.117
Achievement interaction							.016	.103
Power interaction							.109***	.097
R^2	.063		.124		.172		.180	
Standard error of the estimate	2.12		2.05		1.99		1.98	

*** $p < .001$, ** $p < .01$, * $p < .05$.

Note. All R^2 changes are significant. Individual-level data was collected in ESS wave 6.

Table 3

Hierarchical regression models of the link between higher-order value scores and attitudes towards immigrants

	Model 1		Model 2		Model 3		Model 4	
	β	SE	β	SE	β	SE	β	SE
Sociodemographic factors								
Gender	-.018***	.022	-.027***	.022	-.015**	.022	-.016**	.022
Age	-.025***	.001	-.013*	.001	-.019***	.001	-.019**	.001
Income	.087***	.004	.079***	.004	.088***	.004	.088***	.004
Education	.199***	.003	.163***	.003	.153***	.003	.154***	.003
Individual higher-order value scores								
Conservation			-.202***	.017	-.174***	.017	-.207***	.039
Self-Transcendence			.187***	.019	.149***	.019	.096***	.035
Openness to Change			.021**	.016	-.003	.016	-.010	.017
Self-Enhancement			-.071***	.013	-.035***	.014	-.036***	.014
Country-level coefficients								
Conservation slope					-.090***	.093	-.011	.344
Self-Transcendence slope					.049***	.074	-.202***	.313
Openness to Change slope					-.027***	.105	-.074**	.369
Self-Enhancement slope					-.009	.114	-.078***	.415
Interactions								
Conservation interaction							.085**	.074
Self-Transcendence interaction							-.271***	.062
Openness to Change interaction							-.046	.088
Self-Enhancement interaction							-.071***	.104
R^2	.063		.111		.129		.132	
Standard error of the estimate	2.12		2.06		2.04		2.03	

*** $p < .001$, ** $p < .01$, * $p < .05$.

Note. All R^2 changes are significant. Individual-level data was collected in ESS wave 6.

sociodemographic characteristics and was identical to the corresponding step in previous analysis. Including individual-level scores for higher-order value dimensions improved the prediction from 6 to 11% of variance explained – an effect comparable to that of including single values. Including differences in slopes and interactions between individual-level scores and country-level slopes resulted in statistically significant increases of variance explained – to 13%. The resulting model, however, accounted for 29% less variance explained than the model based on

single values (13.2% as compared to 18%) supporting Hypothesis 3.

Finally, I performed separate regressions of single values onto attitudes towards immigrants for communist and non-communist countries using ESS wave 5 data. The unstandardized coefficient for universalism was .617 ($p < .001$, SE = .02) for countries with no former communist regimes, and .168 ($p < .001$, SE = .03) for countries that had former communist rule. The coefficients were significantly different ($t = 12.45$, $p < .001$) confirming Hypothesis 4.

Discussion

The major theoretical proposition of this paper — that values predict attitudes to immigrants if, to the extent, and in the direction in which the two are tied in a specific cultural context — was confirmed. Unstandardized regression coefficients for countries obtained at one time point did moderate the relationship between values and attitudes towards immigrant at another time point. This paper presents evidence contradicting previous findings that indicated no or minimal cross-cultural variation in the relationship attitudes towards immigrations (Davidov & Meuleman, 2012; Davidov et al., 2008; Vala & Costa-Lopes, 2010) and contributes to the growing body of literature on contextual differences in value-attitude relationships (e.g. Boer & Fischer, 2013; Grigoryan & Schwartz, 2016; Kuntz et al., 2015).

This study has direct implications for public policy. While it replicates findings from previous studies in that values can account for a sizable proportion of variance in attitudes towards immigrants, it also suggests that this relationship might not be uniform — while in some countries appeals to the value of universalism (equality, tolerance, and equal opportunity) might improve attitudes towards immigrants, in other countries such appeals may have no effect or even backfire.

Although my prediction that Western democracies will exhibit a stronger relationship between the value of universalism and attitudes towards immigrants than Eastern European

countries was confirmed, the aim of this paper was not to explain cross-cultural differences in the relationship between values and attitudes, but to advocate for a more sensitive measure of such differences, and to offer a theoretical justification for it. I interpret such cross-cultural differences as reflective of differences in value-meaning of attitudes towards immigrants, and that these value-meanings are formed through culture-specific discourse. Analysis presented in this paper does not test this theorization directly. While demonstrating predictive validity of unstandardized coefficients, this paper does not establish causality suggested by the theory. Further tasks include performing a multilevel analysis that would allow discerning the main effects of regression weights and the interaction effects, a cross-validation of the regression coefficients with quantitative measures of discourse, and a series of experiments that will test whether cross-cultural differences in slopes translate into differential effects of experimental manipulations of value accessibility.

Acknowledgements

The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) and supported within the framework of a subsidy granted to the HSE by the Government of the Russian Federation for the implementation of the Global Competitiveness Program.

References

- Altemeyer, B. (1981). *Right-wing authoritarianism*. Winnipeg: University of Manitoba Press.
- Bardi, A., & Schwartz, S. H. (2003). Values and behavior: Strength and structure of relations. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 29(10), 1207–1220.
- Boer, D., & Fischer, R. (2013). How and when do personal values guide our attitudes and sociality? Explaining cross-cultural variability in attitude–value linkages. *Psychological Bulletin*, 139(5), 1113.
- Card, D., Dustmann, C., & Preston, I. (2005). *Understanding attitudes to immigration: The migration and minority module of the first European Social Survey* (CReAM Discussion Paper No. 03/05). Retrieved from <http://davidcard.berkeley.edu/papers/euroimmig.pdf>
- Coenders, M., Lubbers, M., & Scheepers, P. (2008). Support for repatriation policies of migrants comparisons across and explanations for European countries. *International Journal of Comparative Sociology*, 49(2–3), 175–194.
- Davidov, E., & Meuleman, B. (2012). Explaining attitudes towards immigration policies in European countries: The role of human values. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 38(5), 757–775.
- Davidov, E., Meuleman, B., Billiet, J., & Schmidt, P. (2008). Values and support for immigration: A cross-country comparison. *European Sociological Review*, 24(5), 583–599.
- Feather, N. T., & McKee, I. R. (2008). Values and prejudice: Predictors of attitudes towards Australian Aborigines. *Australian Journal of Psychology*, 60(2), 80–90.
- Grigoryan, L., & Schwartz, S. H. (2016). *Values and attitudes towards cultural diversity in the Russian context*. Unpublished manuscript, Department of Psychology, Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation.
- Halliday, M. A. K. (1978). *Language as social semiotic*. London: Edward Arnold.
- Harkness, J. A., Van de Vijver, F. J. R., Mohler, P. P., & fur Umfragen, Z. (2003). *Cross-cultural survey methods* (Vol. 325). Hoboken, NJ: Wiley-Interscience.
- Jackson, J. S., Brown, K. T., Brown, T. N., & Marks, B. (2001). Contemporary immigration policy orientations among dominant group members in Western Europe. *Journal of Social Issues*, 57(3), 431–456.
- Kuntz, A., Davidov, E., Schwartz, S. H., & Schmidt, P. (2015). Human values, legal regulation, and approval of homosexuality in Europe: A cross-country comparison. *European Journal of Social Psychology*, 45(1), 120–134.
- Maio, G. R. (2010). Mental representations of social values. *Advances in Experimental Social Psychology*, 42, 1–43.
- Maio, G. R., & Olson, J. M. (1995). Relations between values, attitudes, and behavioral intentions: The moderating role of attitude function. *Journal of Experimental Social Psychology*, 31(3), 266–285.
- Maio, G. R., & Olson, J. M. (2000). What is a value-expressive attitude. In G. R. Maio & J. M. Olson (Eds.), *Why we evaluate: Functions of attitudes* (pp. 249–269). Mahwah, NJ: Erlbaum.
- Mayda, A. M. (2006). Who is against immigration? A cross-country investigation of individual attitudes toward immigrants. *The Review of Economics and Statistics*, 88(3), 510–530.
- Neter, J., Kutner, M. H., Nachtsheim, C. J., & Wasserman, W. (1996). *Applied linear statistical models* (Vol. 4). Chicago: Irwin.
- OECD. (2006). *International Migration Outlook 2006*. Paris: OECD.
- OECD. (2015). *International Migration Outlook 2015*. Paris: OECD.
- Peng, K., Nisbett, R. E., & Wong, N. Y. C. (1997). Validity problems comparing values across cultures and possible solutions. *Psychological Methods*, 2(4), 329.

- Pratto, F., Sidanius, J., Stallworth, L. M., & Malle, B. F. (1994). Social dominance orientation: A personality variable predicting social and political attitudes. *Journal of Personality and Social Psychology, 67*(4), 741.
- Quillian, L. (1995). Prejudice as a response to perceived group threat: Population composition and anti-immigrant and racial prejudice in Europe. *American Sociological Review, 60*(4), 586–611.
- Rustenbach, E. (2010). Sources of negative attitudes toward immigrants in Europe: A multi-level analysis. *International Migration Review, 44*(1), 53–77.
- Sagiv, L., & Schwartz, S. H. (1995). Value priorities and readiness for out-group social contact. *Journal of Personality and Social Psychology, 69*(3), 437.
- Sawyer, O. O., Strauss, J., & Yan, J. (2005). Individual value structure and diversity attitudes: The moderating effects of age, gender, race, and religiosity. *Journal of Managerial Psychology, 20*(6), 498–521.
- Scheepers, P., Gijsberts, M., & Coenders, M. (2002). Ethnic exclusionism in European countries. Public opposition to civil rights for legal migrants as a response to perceived ethnic threat. *European Sociological Review, 18*(1), 17–34.
- Schneider, S. L. (2008). Anti-immigrant attitudes in Europe: Outgroup size and perceived ethnic threat. *European Sociological Review, 24*(1), 53–67.
- Schwartz, S. H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology, 25*(1), 1–65.
- Schwartz, S. H. (1994). Beyond individualism/collectivism: New cultural dimensions of values. In U. Kim, H. C. Triandis, Ç. Kâğıtçıbaşı, S.-C. Choi, & G. Yoon (Eds.), *Individualism and collectivism: Theory, method, and applications* (pp. 85–119). Thousand Oaks, CA: Sage Publications, Inc.
- Schwartz, S. H. (2007). Value orientations: Measurement, antecedents and consequences across nations. In R. Iowell, C. Roberts, R. Fitzgerald, & G. Eva (Eds.), *Measuring attitudes cross-nationally: Lessons from the European Social Survey* (pp. 161–193). London: Sage.
- Schwartz, S. H., & Bilsky, W. (1987). Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and cross-cultural replications. *Journal of Personality and Social Psychology, 58*(5), 878.
- Schwartz, S. H., Caprara, G. V., & Vecchione, M. (2010). Basic personal values, core political values, and voting: A longitudinal analysis. *Political Psychology, 31*(3), 421–452.
- Schwartz, S. H., Cieciuch, J., Vecchione, M., Davidov, E., Fischer, R., Beierlein, C., ... Demirutku, K. (2012). Refining the theory of basic individual values. *Journal of Personality and Social Psychology, 103*(4), 663.
- Schwartz, S. H., & Sagiv, L. (1995). Identifying culture-specifics in the content and structure of values. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 26*(1), 92–116.
- Semyonov, M., Raijman, R., & Gorodzeisky, A. (2006). The rise of anti-foreigner sentiment in European societies, 1988–2000. *American Sociological Review, 71*(3), 426–449.
- Stephan, W. G., & Stephan, C. W. (2000). An integrated threat theory of prejudice. In S. Oskamp (Ed.), *Reducing prejudice and discrimination* (pp. 23–45). Mahwah, NJ: Psychology Press.
- Strabac, Z., & Listhaug, O. (2008). Anti-Muslim prejudice in Europe: A multilevel analysis of survey data from 30 countries. *Social Science Research, 37*(1), 268–286.
- Tajfel, H., & Turner, J. C. (1979). An integrative theory of intergroup conflict. *The Social Psychology of Intergroup Relations, 33*(47), 74.
- UNHCR. (2015). *Global trends: Forced displacement in 2014*. Geneva: UNHCR.
- Vala, J., & Costa-Lopes, R. (2010). Youth attitudes toward difference and diversity: a cross-national analysis. *Análise Social, 45*, 255–275.

Appendix A

Unstandardized regression coefficients for 10 values and attitudes towards immigrants (ESS wave 5)

Country	SE	CO	TR	BE	UN	SD	ST	HE	AC	PO
Belgium	-.32	.02	-.04	-.27	.66	.05	.15	.04	-.09	.16
Bulgaria	.04	-.04	-.31	.04	.06	-.13	.10	.07	.14	-.13
Switzerland	-.40	-.09	-.13	.01	.46	-.02	.06	-.10	.09	.00
Cyprus	-.13	.18	-.16	.12	.36	-.04	.08	.08	.13	-.06
Czech Republic	-.22	-.05	.05	.12	.11	.06	.05	-.03	.09	.06
Germany	-.50	-.12	-.09	.00	.89	-.02	.04	-.13	.04	.14
Denmark	-.34	-.13	-.15	.02	.78	-.09	-.05	-.01	.21	.04
Estonia	-.34	-.08	.00	-.06	.34	.15	.01	.12	.00	-.05
Spain	-.34	-.13	-.08	-.22	.81	.09	.05	.00	.09	-.03
Finland	-.29	-.04	-.19	.06	.74	.01	-.07	.04	-.02	.06
France	-.50	-.20	-.09	.00	.73	.04	.03	.02	.02	.05
UK	-.49	-.06	-.06	-.16	.77	-.03	.04	-.02	.27	-.06
Hungary	-.13	-.04	-.06	.13	.30	.08	.05	-.03	.10	-.21
Ireland	-.37	-.11	-.11	.07	.60	.14	.14	-.05	-.05	-.08
Israel	.09	-.15	-.40	.14	.03	.21	-.09	-.01	.23	-.26
Lithuania	-.06	-.05	.02	.14	-.01	.05	.16	.13	.01	-.05
Netherlands	-.46	.04	-.09	-.15	.65	.11	-.05	.07	-.04	.10
Norway	-.13	.11	-.30	-.24	.68	-.10	.06	-.15	.00	.02
Poland	-.09	-.18	-.08	.01	.27	.06	.12	-.03	.13	.02
Portugal	-.24	-.05	-.14	-.13	.30	.15	.11	-.06	.04	-.06
Russian Federation	-.33	.11	.11	.06	-.06	-.16	.06	.08	.16	-.13
Sweden	-.33	-.06	-.28	-.06	.95	.02	-.02	.00	.09	.05
Slovenia	-.41	-.05	-.23	.24	.76	.05	-.15	.13	-.07	-.10
Slovakia	-.24	.03	-.17	.17	.01	.27	-.02	.07	.09	-.15
Ukraine	-.34	-.10	-.06	.12	.26	-.11	.10	-.09	.11	.08

Note. SE = security, CO = conformity, TR = tradition, BE = benevolence, UN = universalism, SD = self-direction, ST = stimulation, HE = hedonism, AC = achievement, PO = power.

Unstandardized regression coefficients for higher-order value dimensions and attitudes towards immigrants (wave 5)

Country	Conservation	Self-Transcendence	Openness to Change	Self-Enhancement
Belgium	-.29	.36	.23	-.02
Bulgaria	-.36	.16	.14	-.06
Switzerland	-.64	.48	-.04	.05
Cyprus	-.01	.33	.16	.13
Czech Republic	-.21	.26	.05	.12
Germany	-.67	.91	-.13	.11
Denmark	-.65	.93	-.18	.25
Estonia	-.32	.21	.25	-.10
Spain	-.52	.60	.14	.03
Finland	-.47	.77	-.07	.01
France	-.82	.74	.08	.00
UK	-.58	.67	.03	.18
Hungary	-.23	.46	.19	-.16
Ireland	-.57	.66	.19	-.16
Israel	-.58	.49	.00	-.11
Lithuania	-.16	.18	.34	-.03
Netherlands	-.46	.46	.10	-.02
Norway	-.38	.55	-.23	.01
Poland	-.36	.32	.13	.15
Portugal	-.38	.11	.22	-.03
Russian Federation	-.02	-.08	.10	-.05
Sweden	-.66	.92	-.09	.13
Slovenia	-.62	.96	.01	-.20
Slovakia	-.37	.25	.26	-.04
Ukraine	-.39	.26	-.03	.13

Vladimir A. Ponizovskiy — M.A., National Research University Higher School of Economics.
E-mail: vladimir.ponizovsky@gmail.com

Ценности и установки по отношению к иммигрантам: кросс-культурные различия в 25 странах

В.А. Понизовский^а

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Резюме

Поскольку установки по отношению к иммигрантам связаны с дискриминацией, пред-рассудками и успешностью адаптации мигрантов, исследование предикторов этих установок остается актуальной темой. Недавние исследования показали, что базовые индивидуальные ценности объясняют значительную часть дисперсии в установках по отношению к иммиграции и иммигрантам. Эти исследования демонстрируют, что в различных культурных контекстах ценности самопреодоления положительно связаны с установками по отношению к иммигрантам, в то время как ценности сохранения связаны отрицательно. В данной статье обсуждаются теоретические проблемы в универсалистичных интерпретациях связей между ценностями и установками. На данных из 25 стран, полученных в ходе Европейского социального исследования, была проведена проверка эффективности нового метода учета кросс-культурных различий. Статистический контроль кросс-культурных различий значительно улучшает предсказание установок по отношению к иммигрантам. Более того, в анализе независимой базы данных предлагаемая переменная модерировала связь между базовыми ценностями и установкой. Подтверждая ранее полученные результаты, универсализм (одна из ценностей самопреодоления) была самым сильным положительным предиктором установок по отношению к иммигрантам, а безопасность (одна из ценностей сохранения) — самым сильным отрицательным предиктором. В отличие от предыдущих исследований, универсальность отношений между ценностями и аттитюдами не подтвердилась. Предлагается теоретическое обоснование кросс-культурных различий.

Ключевые слова: установки по отношению к иммигрантам, социальные ценности, содержание ценностей, культура, теория базовых индивидуальных ценностей, кросс-культурная психология, когнитивные категории, европейское социальное исследование, дискурс, смысл.

Понизовский Владимир Антонович — магистр, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Контакты: vladimir.ponizovsky@gmail.com

ЦЕННОСТИ, СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ И УСТАНОВКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К МИГРАЦИИ: КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В БЕЛЬГИИ, ГЕРМАНИИ, ФРАНЦИИ И НИДЕРЛАНДАХ

Д.С. ГРИГОРЬЕВ^а

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Резюме

В статье рассмотрена взаимосвязь индивидуальных ценностей, социальной дистанции и позитивных и негативных установок по отношению к миграции, целью настоящего исследования была проверка культурно-универсального характера этих связей. Ранее исследователями крайне редко рассматривались оба аспекта отношения к мигрантам: восприятие мигрантов принимающим обществом и мнение принимающего общества относительно миграционной политики. В данном исследовании были рассмотрены оба этих аспекта в форме социальной дистанции и трех установок по отношению к миграции. С помощью анализа данных 7-го раунда Европейского социального исследования (European Social Survey, ESS) за 2014 г. для четырех европейских стран (Бельгии, Германии, Франции и Нидерландов) после проверки метрической (сильной факторной) инвариантности шкал и их надежности с использованием моделирования структурными уравнениями было выявлено, что, как и предполагалось в гипотезах исследования, социальная дистанция положительно связана с ценностями сохранения и отрицательно с ценностями открытости к изменениям, а также положительно связана с негативными установками по отношению к миграции (восприятие миграции как угрозы и необходимость некоего миграционного ценза) и отрицательно с положительными установками (желательность миграции), при этом данный характер связей носит культурно-универсальный характер. Также, помимо этих универсальных связей, можно отметить, что многие другие связи в модели носят культурно-специфический характер, особенно примечательным является эффект полной медиации социальной дистанцией некоторых связей между отдельными ценностями и отдельными установками на разных выборках. Полученные результаты полезны для понимания некоторых аспектов межкультурных отношений.

Ключевые слова: социальная дистанция, ценности, межэтнические отношения, иммиграция, кросс-культурная психология.

Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Введение

На сегодняшний день, несмотря на многолетние попытки проведения политики мультикультурализма в некоторых странах, можно констатировать, что негативное отношение к культурным, религиозным и этническим меньшинствам, трудовым мигрантам и политическим беженцам весьма распространено в демократических обществах (Halperin et al., 2007). В связи с последними событиями в Европе, такими как массовые нападения мигрантов на женщин в немецком Кельне и Швеции, при непрекращающемся потоке беженцев данная проблема только обострится, поскольку дискриминация, негативные установки и эмоции по отношению к мигрантам со стороны принимающего населения связаны с восприятием мигрантов в качестве угрозы (Stephan, Stephan, 2001).

Обычно в исследованиях различают два аспекта отношения к мигрантам: восприятие мигрантов принимающим обществом и мнение принимающего общества относительно миграционной политики (Tartakovsky, Walsh, 2016). В настоящем исследовании будут рассмотрены оба этих аспекта в форме социальной дистанции и установок по отношению к миграции.

Опросы общественного мнения во всем мире неоднократно показывали сильное восприятие негативных аспектов миграции, таких как социально-экономическое ухудшение и увеличение преступности (Fitzgerald et al., 2012; Higgins et al., 2010; Simon, Sikich, 2007), но есть также и исследования, показывающие положительное отношение к

мигрантам: существуют общества, значительная часть которых поддерживает постоянную миграцию в страну (Lee, Fiske, 2006; Leong, 2008). Таким образом, в комплексную теорию, объясняющую отношение принимающего общества к миграции, следует наряду с восприятием миграции как угрозы также включить и позитивные аспекты ее восприятия (Tartakovsky, Walsh, 2016). В данной статье будет рассматриваться сильно негативное отношение к миграции (миграция как угроза), слабо негативное отношение к миграции, т.е. селективный подход к мигрантам, принятие только тех мигрантов, которые соответствуют определенным условиям (миграционный ценз), и положительное отношение к миграции (желательность миграции).

Социальная дистанция как проявление предрассудков по отношению к мигрантам

По мнению многих исследователей межэтнических отношений, социальная дистанция является общепринятой обобщенной мерой этнических предрассудков (Weaver, 2008) и одним из основных инструментов в исследованиях межгрупповых отношений, особенно в социально-психологических исследованиях этнических групп или рас (Laumann, 1965), при этом она является еще и наиболее изученным проявлением предрассудков (Duckitt, 2003).

Понятие социальной дистанции, впервые рассмотренное американскими социологами Р. Парком и Э. Богардусом, предполагает существование некоего социального «расстояния»

между людьми, которое можно измерить, как, например, физическое расстояние (Kim et al., 2015), оно определяется как степень, в которой люди хотели бы избежать тесного контакта между собой и членами различных социальных, расовых, этнических или национальных групп (Park, 1924; Bogardus, 1925). Социальная дистанция отражает некое чувство готовности общения с членом аутгруппы (Williams, 1964), она также свидетельствует, насколько приемлемо или, наоборот, нежелательно присутствие различных этнических групп в обществе (Marger, 1994). Часто социальная дистанция мотивирована чувством дискомфорта при контакте с членами аутгруппы, при этом само по себе декларирование этнического неравенства явно не утверждается (Kleinpenning, Hagedoorn, 1993). Социальная дистанция является своего рода границей, разделяющей ин- и аутгруппу (Kim et al., 2015).

Социальная дистанция, зависящая от социальной структуры, может быть измерена как объективный показатель (Simmel, 1950; Kadushin, 1962). Чтобы избежать путаницы, для ее психологического раскрытия некоторые исследователи используют термин «субъективная социальная дистанция» (Laumann, 1965).

Конкуренция на политических, социальных, экономических или культурных основаниях отмечается в большей части современных исследований как одна из основных причин негативных установок и социальной дистанции (напр., см.: Sniderman et al., 2004), что, в свою очередь, связано с уровнем воспринимаемой угрозы, которая, по мне-

нию многих исследователей, представляется как самый надежный предиктор негативных установок в сфере межгрупповых отношений (Stephan, Stephan, 2001). Воспринимаемая угроза, прежде всего, выражается в когнитивной оценке аутгруппы как мешающей достижению ингрупповых или/и индивидуальных целей, что впоследствии может усилить социальную дистанцию или даже привести к насильственным действиям по отношению к представителям аутгруппы (Pettigrew, 2003).

При этом также целесообразным является поиск и индивидуальных черт личности, которыми можно объяснить негативное отношение к меньшинствам (Halperin et al., 2007). В предыдущих исследованиях социальной дистанции по отношению к группам меньшинств или мигрантов упоминаются гражданская идентичность, политическая ориентация и ценности как факторы, которые влияют на социальную дистанцию, при этом связь с социально-демографическими переменными (пол, возраст, образование и пр.) представляется разными авторами неоднозначно (Kim et al., 2015).

Таким образом, рассматривая социальную дистанцию, можно лучше понять, как граница между ин- и аутгруппой будет связана с отношением к различной политике по принятию мигрантов со стороны населения.

Ценности и отношение к миграции

Согласно теории ценностей Ш. Шварца (Schwartz et al., 2012; Schwartz, Butenko, 2014), ценности

(или ценностные ориентации) представляют собой желательные трансситуационные цели, различающиеся по важности и служащие руководящими принципами в жизни людей. В своей последней редакции (Schwartz, Butenko, 2014) теория определяет полный набор из 19 мотивационно различных ценностей (безопасность, конформность, гедонизм, стимуляция, самостоятельность и т.д.). Ценности находятся в различных отношениях между собой и могут складываться более крупные ценностные блоки высшего порядка: Самопреодоление, Самоутверждение, Открытость изменениям и Сохранение.

Предполагается, что человеческие ценности, будучи некими универсальными абстрактными принципами, определяют конкретные установки и поведение, ценности привносят некоторую иерархию значимости для убеждений при условии, что общая оценка объекта уже выполнена, также они влияют на установки по отношению к таким объектам, которые связаны с достижением мотивационных целей, на которые направлены соответствующие ценности, т.е., например, в случае, когда миграция мешает или, наоборот, способствует достижению некоторых мотивационных целей, эта ситуация и будет определять связь между конкретными ценностями и установками по отношению к миграции (Davidov et al., 2008).

Исследователи предположили, что определенные установки по отношению к меньшинствам соответствуют одним и противоречат другим ценностям (Tartakovsky, Walsh, 2016), например, ценности сохранения (особенно безопасность)

могут быть связаны с негативными установками к группам меньшинств, в то время как ценности открытости к изменениям (особенно самостоятельность и стимуляция) могут быть связаны с положительными установками по отношению к этим группам (Sagiv, Schwartz, 1995). Миграция может вступать в противоречие с ценностями сохранения, так как миграция часто приносит с собой изменение в привычный уклад жизни и социальные нормы, напротив, ценности открытости к изменениям предполагают ориентацию на получение нового опыта и впечатлений, чему и может способствовать общение с мигрантами, однако конкретно эта связь чисто теоретически может обосновываться неоднозначно (Davidov et al., 2008).

Ценности могут определенным образом регулировать социальную дистанцию, т.е., другими словами, проницаемость границ между ин- и аутгруппой для обеспечения контакта, что в дальнейшем и может определять установки по отношению к миграции со стороны принимающего населения.

Взаимосвязь ценностей, социальной дистанции и установок по отношению к миграции

Можно предположить, что для представителей различных европейских культур существуют универсальные связи ценностей, социальной дистанции и установок по отношению к миграции. А именно ценности сохранения положительно связаны с социальной дистанцией по отношению к мигрантам, так как мигранты

могут восприниматься в качестве угрозы безопасности, традициям, социальным нормам и правилам, сложившимся в принимающей стране, а ценности открытости изменениям отрицательно связаны с социальной дистанцией, так как эти ценности, прежде всего, предполагают ориентацию на новый опыт, новые переживания и перемены, а также фокус на индивида, а не на группу, саморазвитие, меньший уровень консерватизма, что, возможно, должно в большей мере обеспечивать подходящую основу для контактов с мигрантами.

В свою очередь, социальная дистанция положительно связана с ассоциацией миграции и негативных изменений в стране в социальной и экономической сфере, с мнением, что необходимо каким-либо способом если не запретить, то хотя бы ограничить миграцию, что естественным образом должно снизить вероятность контакта с представителями нежелательной группы в повседневной

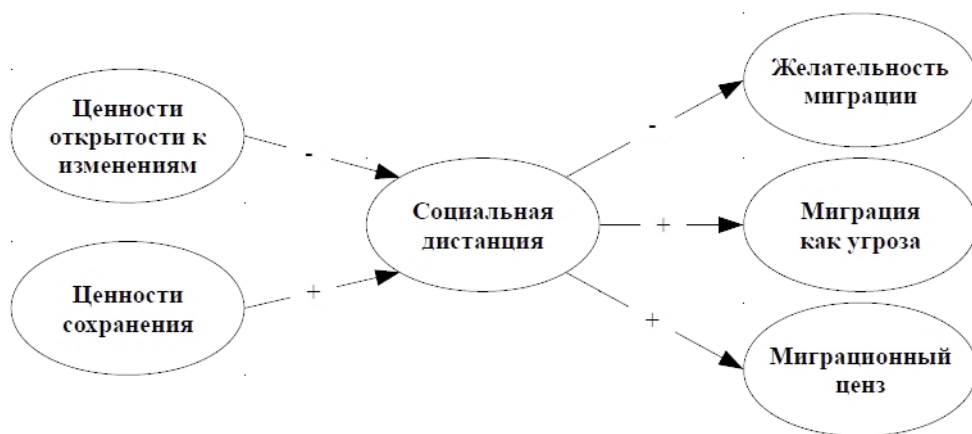
жизни. С другой стороны, отсутствие неприятия контакта с мигрантами может обеспечить возможность для распространения положительных установок по отношению к миграции.

Цель исследования. Целью настоящего исследования является проверка культурно-универсального характера связей между социальной дистанцией, ценностными ориентациями и установками по отношению к мигрантам.

Гипотезы исследования. Социальная дистанция положительно связана с ценностями сохранения и отрицательно с ценностями открытости к изменениям (H1); социальная дистанция положительно связана с негативными установками по отношению к миграции (миграция как угроза и миграционный ценз) и отрицательно с положительными установками (желательность миграции) (H2) – гипотезы отражены на рисунке 1; данный характер связей носит культурно-универсальный характер (H3).

Рисунок 1

Гипотезы исследования

Методика исследования

Выборка. В статье используются данные 7-го раунда Европейского социального исследования за 2014 г. (ESS Round 7: European Social Survey Round 7 Data, 2014), были выбраны 4 страны-участницы этого раунда опроса, в которых проживает большое количество мигрантов, согласно данным статистической службы ЕС (Migration and Migrant Population Statistics, 2015), это Бельгия (N = 1618), Германия (N = 2703), Франция (N = 1650) и Нидерланды (N = 1687), всего 7658 участников, представителей этнического большинства.

Инструментарий исследования. Ниже приводится описание шкал, использованных в исследовании, с примерным переводом вопросов на русский язык и кодами для поиска полной информации в документации Европейского социального исследования (см.: ESS Round 7: European Social Survey, 2015).

Ценностные ориентации. Согласно теории ценностей Ш. Шварца (Schwartz, Butenko, 2014), были рассмотрены ценностные блоки Открытость к изменениям и Сохранение. Ценности открытости к изменениям, примеры вопросов: «Ему важно принимать свои собственные решения, касающиеся его жизни», «Ему важно испытывать разнообразные виды нового опыта» и т.д. (коды вопросов: He, Hg, Hn, Hp); Ценности сохранения, примеры вопросов: «Иметь сильное государство, которое может защитить своих граждан, очень важно для него», «Ему важно соблюдать правила, даже когда никто не наблюдает за ним» и т.д. (коды вопросов: Hf, Hj, Hk, Ho); ответы: 1 = Совсем

не похож на меня, 6 = Очень похож на меня.

Социальная дистанция. Респондентам предлагалось представить, что лица другой расы или этнической группы приезжают к ним в страну, и ответить, насколько для них приемлемо возникновение таких ситуаций в профессиональной и личной сфере, в которых им предстоит какое-либо социальное взаимодействие с этими людьми. Примеры вопросов: «Насколько приемлемо, если такой человек был бы назначен вашим руководителем [на работе]?», «Насколько приемлемо, если такой человек вышел замуж/женится на вашем близком родственнике?» (коды вопросов: D10, D11); ответы: 0 = Полностью приемлемо, 10 = Полностью неприемлемо.

Желательность миграции. В этом блоке вопросов респондентам предлагалось оценить, насколько позитивные изменения в экономической, культурной и социальной сфере связаны с миграцией из других стран. Здесь отражены базовые позитивные эффекты миграции, согласно идеологии мультикультурализма. Примеры вопросов: «Для экономики страны в целом хорошо или плохо, что люди приезжают сюда жить из других стран?», «С приездом мигрантов станет ли страна как место для жизни лучше или хуже?» (коды вопросов: B32, B33, B34); ответы: 0 = Плохо/хуже, 10 = Хорошо/лучше.

Миграция как угроза. В этом блоке вопросов респондентам предлагалось оценить негативные изменения в социальной и экономической сфере, связанные с миграцией из других стран: «миграция способствует повы-

шению уровня преступности», «мигранты отнимают рабочие места», «мигранты забирают больше, чем отдают» — эти основные опасения, которые обычно высказываются в связи с проблемой миграции (Fitzgerald et al., 2012; Higgins et al., 2010; Simon, Sikich, 2007). Примеры вопросов: «С приходом мигрантов улучшилась или ухудшилась ситуация с рабочими местами в стране?», «С приходом мигрантов улучшилась или ухудшилась ситуация с преступностью в стране?» (коды вопросов: D7, D8, D9); ответы: 0 = Улучшилась, 10 = Ухудшилась.

Миграционный ценз. В этом блоке вопросов респондентам предлагалось оценить, насколько для них важно, чтобы приезжие соответствовали определенным ограничительным условиям, будь то уровень образования или языковые навыки, примеры вопросов: «Насколько важно иметь хорошее образование?», «Насколько важно уметь разговаривать на государственном языке?» (коды вопросов: D1, D2, D5); ответы: 0 = Совсем не важно, 10 = Очень важно.

Социально-демографические переменные. Кроме пола и возраста, учитывалась также степень религиозности респондентов, которая оценивалась как прямым вопросом «Насколько вы религиозны?», так и вопросами касающимися вовлеченности в религиозное поведение, примеры вопросов: «Как часто вы посещаете религиозные службы, кроме

особых случаев?», «За исключением участия в богослужениях, как часто вы молитесь?» (коды вопросов: C13, C14, C15); ответы: 1 = Никогда, 7 = Каждый день.

Результаты

Для проверки факторной структуры использованных шкал, а также их метрической инвариантности с помощью программы AMOS были проведены конфирматорный факторный анализ (CFA) и мультигрупповой конфирматорный факторный анализ (MG-CFA)¹, результаты отражены в таблице 1.

Показатели моделей по странам и измерительная модель (MG-CFA) соответствуют рекомендуемым: CFI > .90; TLI > .90; RMSEA < .06; SRMR < .08 (Hu, Bentler, 1999; Hair et al., 2010) для того, чтобы заключить о соответствии моделей эмпирическим данным². Для определения метрической инвариантности были рассмотрены следующие рекомендации CFI ≤ .010; TLI ≤ .010; RMSEA ≤ .015; SRMR ≤ .030 (Chen, 2007), согласно которым можно говорить о полной метрической инвариантности (сильной факторной инвариантности), что является достаточным для рассмотрения связей между конструктами в межстрановом сравнении (Vandenberg, Lance, 2000).

Далее были рассмотрены показатели надежности, конвергентной и дискриминантной валидности шкал.

¹ Для расчетов использовались корреляционные матрицы со взвешенными наблюдениями.

² Здесь и далее показатели по χ^2 игнорируются в связи с большим объемом выборки и количеством наблюдаемых переменных, так как в таком случае данный критерий становится неадекватным для оценки моделей (см.: Hair et al., 2010; Milfont, Fischer, 2010).

Таблица 1

Показатели пригодности моделей

	χ^2	df	RMSEA [CI 90%]	RMSEA	SRMR	SRMR	CFI	CFI	TLI	Δ TLI
Модели по странам										
Бельгия	672.799*	188	.040 [.037, .037]		.0391		.949		.937	
Германия	1188.166*	188	.045 [.042, .047]		.0373		.949		.937	
Франция	884.800*	188	.047 [.044, .050]		.0426		.938		.923	
Нидерланды	836.393*	188	.045 [.042, .049]		.0468		.940		.927	
Измерительная модель										
Конфигуральная	3582.170*	752	.022 [.022, .023]		.0373		.945		.932	
Метрическая	4043.677*	797	.023 [.022, .024]	.001	.0392	.0019	.936	.009	.926	.006
Структурная модель										
Конфигуральная	5243.969*	912	.025 [.024, .026]		.0451		.920		.903	
Метрическая	5701.827*	957	.026 [.025, .026]	.001	.0466	.0015	.912	.008	.898	.005

Примечание. χ^2 – значение статистики хи-квадрат; df – число степеней свободы; RMSEA – корень среднеквадратической ошибки аппроксимации; CI 90% – границы доверительного интервала для RMSEA; SRMR – стандартизированный корень среднеквадратического остатка; CFI – сравнительный индекс соответствия Бентлера; TLI – индекс Такера–Льюиса.

* – $p < .001$.

Были рассчитаны показатель составной надежности ρ -Рейкова, показатель средней извлеченной дисперсии (AVE), показатель максимальной разделенной дисперсии (MSV), показатель средней разделенной дисперсии (ASV), для проверки дискриминантной валидности дополнительно был проведен тест Фортелла-Ларкера. Результаты всех тестов отражены в таблице 2.

Показатели должны быть следующими: шкала надежна, если $CR > .70$; конвергентная валидность есть, если

$AVE > .50$; дискриминантная валидность есть, если $MSV < AVE$, $ASV < AVE$ (Hair et al., 2010), а также если квадратный корень из средней извлеченной дисперсии (AVE) больше, чем коэффициенты корреляции между конструктами (Fornell, Lacker, 1981). Итак, можно отметить удовлетворительные показатели составной надежности и коэффициенты α Кронбаха для всех шкал. Проблемы с конвергентной валидностью наблюдаются у обеих шкал ценностных ориентаций, что в принципе характерно для

Таблица 2
Описательная статистика, показатели надежности, конвергентной и дискриминантной валидности шкал и их корреляционная матрица

	M (SD)	α	CR	AVE	MSV	ASV	1	2	3	4	5	6	7
Бельгия (N = 1618)													
1. Религиозность	5.78 (2.32)	.76	.75	.59	.08	.02	.770						
2. Ценности открытости к изменениям	4.03 (1.21)	.62	.79	.31	.04	.01	-.104	.557					
3. Ценности сохранения	4.32 (1.15)	.60	.80	.28	.15	.06	.278	-.067	.532				
4. Социальная дистанция	3.20 (3.28)	.79	.67	.66	.31	.12	.139	-.201	.231	.811			
5. Желательность миграции	4.92 (2.25)	.81	.75	.58	.67	.20	.038	.107	-.256	-.553	.762		
6. Миграция как угроза	6.35 (1.99)	.71	.75	.45	.67	.15	-.076	-.085	.142	.380	-.820	.674	
7. Миграционный ценз	6.88 (2.36)	.74	.75	.48	.16	.09	.054	-.059	.390	.360	-.400	.268	.696
Германия (N = 2703)													
1. Религиозность	5.55 (2.26)	.78	.75	.61	.02	.01	.781						
2. Ценности открытости к изменениям	4.00 (1.25)	.63	.79	.31	.03	.02	-.136	.561					
3. Ценности сохранения	4.13 (1.28)	.68	.80	.35	.15	.07	.029	-.114	.591				
4. Социальная дистанция	2.12 (2.60)	.78	.67	.64	.22	.10	.092	-.161	.256	.800			
5. Желательность миграции	5.86 (2.25)	.84	.75	.64	.78	.22	.062	.145	-.331	-.469	.801		
6. Миграция как угроза	5.71 (2.44)	.75	.74	.51	.78	.19	-.096	-.119	.256	.427	-.883	.714	
7. Миграционный ценз	6.64 (2.65)	.82	.75	.61	.19	.09	-.047	-.072	.387	.351	-.422	.329	.780
Франция (N = 1650)													
1. Религиозность	5.93 (2.34)	.74	.75	.61	.03	.01	.778						
2. Ценности открытости к изменениям	3.97 (1.31)	.61	.79	.30	.04	.01	-.035	.544					

Таблица 2 (окончание)

	M (SD)	α	CR	AVE	MSV	ASV	1	2	3	4	5	6	7
3. Ценности сохранения	3.99 (1.36)	.61	.80	.29	.15	.07	.186	.207	.536				
4. Социальная дистанция	2.87 (2.99)	.82	.67	.69	.23	.08	.088	-.109	.244	.833			
5. Желательность миграции	4.79 (2.44)	.88	.75	.71	.53	.17	.020	.135	-.309	-.479	.843		
6. Миграция как угроза	6.58 (2.64)	.71	.74	.46	.53	.12	-.039	-.092	.193	.231	-.730	.681	
7. Миграционный ценз	6.60 (2.45)	.74	.75	.50	.15	.08	.076	-.042	.387	.327	-.382	.247	.710
Нидерланды (N = 1687)													
1. Религиозность	5.84 (2.39)	.79	.75	.64	.05	.02	.802						
2. Ценности открытости к изменениям	3.93 (1.19)	.65	.79	.35	.03	.01	-.179	.594					
3. Ценности сохранения	4.15 (1.14)	.67	.80	.35	.05	.03	.232	-.098	.590				
4. Социальная дистанция	2.08 (2.46)	.78	.67	.64	.24	.09	.204	-.161	.194	.803			
5. Желательность миграции	5.34 (1.93)	.77	.75	.52	.79	.20	.021	.093	-.165	-.494	.720		
6. Миграция как угроза	6.47 (2.15)	.75	.75	.49	.79	.16	-.064	-.044	.161	.339	-.888	.700	
7. Миграционный ценз	6.28 (2.34)	.75	.75	.52	.13	.05	-.016	.057	.226	.310	-.363	.205	.721

Примечание. N — размер выборки; M — среднее; SD — стандартное отклонение; α — коэффициент α Кронбаха; CR — показатель составной надежности ρ -Рейкова; AVE — показатель средней извлеченной дисперсии; MSV — показатель максимальной разделенной дисперсии; ASV — показатель средней разделенной дисперсии.

Все корреляции между конструктами значимы на уровне значимости $p < .05$, кроме выделенных жирным; по диагонали квадратный корень из AVE.

самой методики Ш. Шварца (см.: Schwartz et al., 2012; Davidov, Meuleman, 2012). Также неудовлетворительными являются показатели дискриминантной валидности для шкал Желательность миграции и Миграция как угроза; можно считать, что это один конструкт и что вопросы одной шкалы являются просто обратными к другой.

Однако показатели AVE являются очень строгим критерием, поэтому в первом случае при удовлетворительном показателе составной надежности (CR), несмотря на то, что более 50% дисперсии объясняется ошибкой измерения, шкала может быть пригодна для дальнейшего анализа (Malhotra, Dash, 2010), что касается шкалы Желательность миграции и Миграция как угроза, то из концептуальных соображений, исходя из содержательной стороны вопросов шкалы, их можно считать отличимыми.

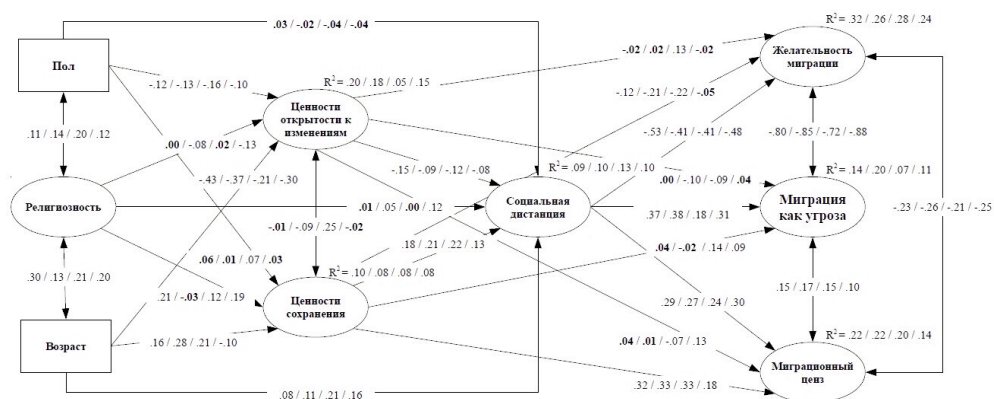
Таким образом, можно перейти непосредственно к проверке гипотез исследования.

Для проверки гипотез исследования было проведено моделирование структурными уравнениями (SEM), показатели пригодности модели отражены в таблице 1, а оценки регрессионных связей — в таблице 3 и на путевой диаграмме (рисунок 2).

Результаты анализа подтверждают все три гипотезы исследования (для удобства данные связи отдельно отображены на рисунке 3). Однако размеры эффекта для некоторых зависимых переменных (см. таблицу 4) указывают, что выбор некоторых объясняющих переменных в модели не является вполне удовлетворительным. Также, помимо этих универсальных связей, можно говорить о том, что многие другие связи в модели носят культурно-специфический характер, особенно примечательным

Рисунок 2

Путевая диаграмма

Примечание. Стандартизированные регрессионные коэффициенты, по порядку: Бельгия, Германия, Франция, Нидерланды. Все регрессионные коэффициенты значимы на уровне значимости $p < .05$, кроме выделенных полужирным шрифтом.

Таблица 3

Бутстреп нестандартизированные и стандартизированные оценки регрессионных связей в модели

НП	Страны	Общий эффект			Прямой эффект			Косвенный эффект			
		B	SE	β	B	SE	β	B	SE	β	BC 95% CI
Ценности открытости к изменениям ($R^2 = .20 / .18 / .05 / .15$)											
Пол	BE	-.113	.029	-.121***	-.113	.029	-.121***				
	DE	-.093	.004	-.134***	-.093	.018	-.134***				
	FR	-.092	.036	-.089*	-.092	.036	-.089*				
	NL	-.142	.027	-.157***	-.142	.027	-.157***				
Религиозность	BE	.000	.007	.001	.000	.007	.001				
	DE	-.012	.018	-.081**	-.012	.004	-.081**				
	FR	.004	.007	.022	.004	.007	.022				
	NL	-.024	.006	-.125***	-.024	.006	-.125***				
Возраст	BE	-.010	.001	-.428***	-.010	.001	-.428***				
	DE	-.007	.001	-.373***	-.007	.001	-.373***				
	FR	-.006	.001	-.207***	-.006	.001	-.207***				
	NL	-.007	.001	-.299***	-.007	.001	-.299***				
Ценности сохранения ($R^2 = .10 / .08 / .08 / .08$)											
Пол	BE	.073	.039	.059*	.073	.039	.059*				
	DE	.014	.033	.010	.014	.033	.010				
	FR	.126	.057	.074*	.126	.057	.074*				
	NL	.037	.034	.034	.037	.034	.034				

Таблица 3 (продолжение)

ИИ	Страны	Общий эффект			Прямой эффект			Косвенный эффект			
		B	SE	β	B	SE	β	B	SE	β	BC 95% CI
Религиозность	BE	.052	.009	.205***	.052	.009	.205***				
	DE	-.007	.007	-.025	-.007	.007	-.025				
	FR	.039	.012	.119***	.039	.012	.119***				
	NL	.043	.008	.186***	.043	.008	.186***				
Возраст	BE	.005	.001	.167***	.005	.001	.167***				
	DE	.010	.001	.278***	.010	.001	.278***				
	FR	.010	.002	.210***	.010	.002	.210***				
	NL	.005	.001	.181***	.005	.001	.181***				
Социальная дистанция ($R^2 = .09/.10/.13/.10$)											
Пол	BE	.299	.141	.058*	.152	.143	.030	.147	.047	.029***	[.014, .050]
	DE	-.029	.090	-.007	-.086	.091	-.021	.057	.028	.014*	[.001, .028]
	FR	-.073	.133	-.016	-.197	.137	-.043	.124	.045	.027**	[.011, .050]
	NL	-.098	.105	-.026	-.164	.106	-.043	.067	.029	.017**	[.004, .034]
Религиозность	BE	.054	.035	.051	.014	.035	.014	.040	.013	.038***	[.017, .065]
	DE	.042	.020	.050*	.040	.020	.048	.002	.006	.002	[-.010, .016]
	FR	.022	.029	.024	.000	.030	.000	.021	.008	.024**	[.008, .045]
	NL	.123	.025	.151***	.095	.026	.117**	.028	.007	.034***	[.017, .053]
Возраст	BE	.024	.004	.177***	.011	.005	.083*	.013	.003	.094***	[.057, .135]
	DE	.022	.002	.203***	.012	.003	.112***	.010	.002	.091***	[.065, .121]

Таблица 3 (продолжение)

НП	Страны	Общий эффект			Прямой эффект			Косвенный эффект			
		B	SE	β	B	SE	β	B	SE	β	BC 95% CI
Возраст	FR	.036	.004	.279***	.027	.004	.208***	.009	.002	.071***	[.044, .103]
	NL	.021	.003	.204***	.016	.003	.156***	.005	.001	.048***	[.024, .075]
Ценности открытости к изменениям	BE	-.812	.229	-.149***	-.812	.229	-.149***				
	DE	-.522	.176	-.088***	-.522	.176	-.088***				
	FR	-.526	.164	-.117***	-.526	.164	-.117***				
	NL	-.354	.145	-.084***	-.354	.145	-.084***				
Ценности сохранения	BE	.760	.159	.184***	.760	.159	.184***				
	DE	.631	.085	.210***	.631	.085	.210***				
	FR	.601	.109	.221***	.601	.109	.221***				
	NL	.447	.120	.127***	.447	.120	.127***				
Желательность миграции ($R^2 = .32/.26/.28/.24$)											
Пол	BE	-.125	.056	-.036*				-.125	.056	-.036*	[-.067, -.006]
	DE	-.006	.039	-.002				-.006	.039	-.002	[-.024, .022]
	FR	-.084	.064	-.021				-.084	.064	-.021	[-.053, .008]
	NL	.040	.044	.013				.040	.044	.013	[-.014, .043]
Религиозность	BE	-.037	.014	-.051***				-.037	.014	-.051***	[-.089, -.015]
	DE	-.012	.009	-.016				-.012	.009	-.016	[-.040, .008]
	FR	-.026	.013	-.033*				-.026	.013	-.033*	[-.066, -.001]

Таблица 3 (продолжение)

ИИ	Страны	Общий эффект			Прямой эффект			Косвенный эффект			
		B	SE	β	B	SE	β	B	SE	β	BC 95% CI
Религиозность	NL	-.051	.010	-.080***				-.051	.010	-.080***	[-.110, -.049]
	BE	-.010	.002	-.106***				-.010	.002	-.106***	[-.145, -.069]
Возраст	DE	-.014	.001	-.149***				-.014	.001	-.149***	[-.176, -.122]
	FR	-.021	.002	-.186***				-.021	.002	-.186***	[-.221, -.153]
	NL	-.008	.001	-.102***				-.008	.001	-.102***	[-.132, -.068]
	BE	.233	.134	.062	-.060	.120	-.016	.293	.085	.078***	[.035, .121]
Ценности открытости к изменениям	DE	.274	.136	.055*	.094	.126	.019	.180	.063	.036***	[.013, .063]
	FR	.691	.138	.177***	.503	.126	.129***	.188	.061	.048**	[.020, .080]
	NL	.075	.118	.022	-.058	.109	-.017	.133	.056	.040*	[.006, .073]
	BE	-.609	.105	-.215***	-.335	.101	-.118**	-.274	.061	-.097***	[-.141, -.059]
Ценности сохранения	DE	-.764	.069	-.299***	-.547	.068	-.214***	-.217	.031	-.085***	[-.107, -.061]
	FR	-.726	.097	-.306***	-.511	.087	-.215***	-.215	.041	-.091***	[-.123, -.061]
	NL	-.317	.100	-.114**	-.149	.096	-.053	-.168	.047	-.060***	[-.091, -.027]
	BE	-.361	.023	-.527***	-.361	.023	-.527***				
Социальная дистанция	DE	-.344	.021	-.406**	-.344	.021	-.406**				
	FR	-.358	.026	-.410***	-.358	.026	-.410***				
	NL	-.377	.027	-.476***	-.377	.027	-.476***				

Таблица 3 (продолжение)

ИИ	Страны	Общий эффект			Прямой эффект			Косвенный эффект			
		B	SE	β	B	SE	β	B	SE	β	BC 95% CI
Миграция как угроза ($R^2 = .14/.20/.07/.11$)											
Пол	BE	.054	.026	.024				.054	.026	.024	[-.001, .046]
	DE	.003	.020	.002				.003	.020	.002	[-.019, .021]
	FR	.040	.026	.016				.040	.026	.016	[-.003, .037]
	NL	-.025	.023	-.012				-.025	.023	-.012	[-.034, .009]
Религиозность	BE	.012	.007	.026				.012	.007	.026	[-.001, .057]
	DE	.007	.004	.017				.007	.004	.017	[-.003, .038]
	FR	.009	.005	.019*				.009	.005	.019*	[.002, .040]
	NL	.025	.006	.056***				.025	.006	.056***	[.033, .081]
Возраст	BE	.004	.001	.071***				.004	.001	.071***	[.035, .107]
	DE	.007	.001	.126***				.007	.001	.126***	[.100, .152]
	FR	.007	.001	.097***				.007	.001	.097***	[.071, .125]
	NL	.004	.001	.066***				.004	.001	.066***	[.039, .092]
Ценности открытости к изменениям	BE	-.133	.090	-.054	.001	.087	.000	-.134	.041	-.055***	[-.086, -.024]
	DE	-.162	.081	-.056	-.065	.076	-.022	-.097	.034	-.033***	[-.058, -.012]
	FR	-.268	.097	-.109**	-.217	.097	-.088*	-.051	.020	-.021**	[-.039, -.008]
	NL	.036	.086	.015	.097	.084	.042	-.061	.027	-.026*	[-.051, -.004]
Ценности сохранения	BE	.193	.076	.104*	.068	.077	.036	.144	.030	.068***	[.040, .103]
	DE	.333	.044	.226***	.216	.043	.146***	.117	.018	.079***	[.056, .103]

Таблица 3 (продолжение)

ИИ	Страны	Общий эффект			Прямой эффект			Косвенный эффект			
		B	SE	β	B	SE	β	B	SE	β	BC 95% CI
Ценности сохранения	FR	.271	.065	.182***	.213	.066	.143***	.058	.015	.039***	[.021, .061]
	NL	.229	.073	.117**	.151	.073	.078	.077	.023	.040***	[.018, .064]
Социальная дистанция	BE	.165	.017	.369***	.165	.017	.369***				
	DE	.186	.014	.379***	.186	.014	.379***				
	FR	.097	.020	.176***	.097	.020	.176***				
	NL	.173	.020	.313***	.173	.020	.313***				
Миграционный пенз ($R^2 = .22/.22/.20/.14$)											
Пол	BE	.100	.046	.030*				.100	.046	.030*	[.005, .059]
	DE	.002	.045	.000				.002	.045	.000	[-.023, .021]
	FR	.095	.049	.027*				.095	.049	.027*	[.001, .055]
	NL	-.075	.041	-.022				-.075	.041	-.022	[-.045, .001]
Религиозность	BE	.055	.011	.080***				.055	.011	.080***	[.050, .115]
	DE	.004	.010	.005				.004	.010	.005	[-.018, .028]
	FR	.030	.010	.043***				.030	.010	.043***	[.015, .075]
	NL	.045	.010	.061***				.045	.010	.061***	[.037, .090]
Возраст	BE	.007	.002	.086***				.007	.002	.086***	[.049, .128]
	DE	.016	.002	.143***				.016	.002	.143***	[.116, .170]
	FR	.015	.002	.151***				.015	.002	.151***	[.117, .187]
	NL	.005	.001	.054***				.005	.001	.054***	[.024, .083]

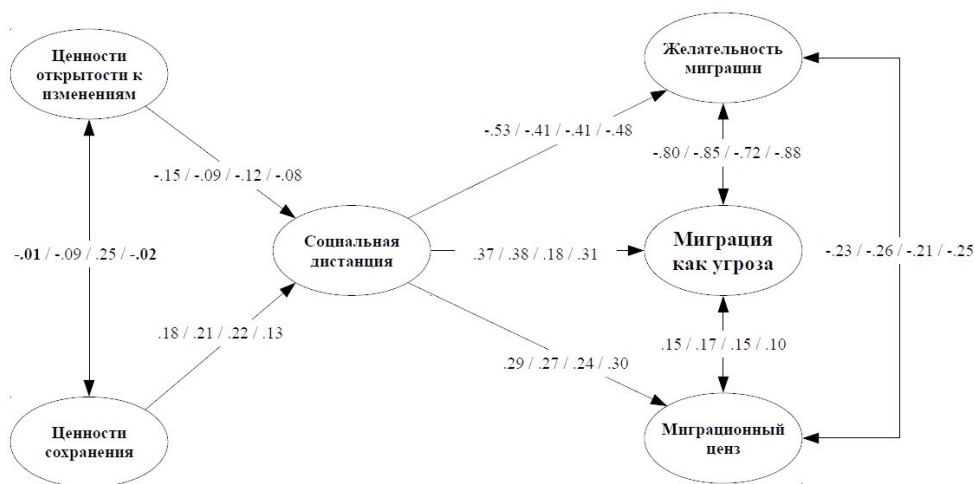
Таблица 3 (окончание)

НП	Страны	Общий эффект			Прямой эффект			Косвенный эффект			
		B	SE	β	B	SE	β	B	SE	β	BC 95% CI
Ценности открытости к изменениям	BE	.002	.137	.000	.155	.138	.044	-.154	.047	-.044***	[-.070, -.020]
	DE	-.104	.160	-.017	.039	.155	.006	-.143	.050	-.024***	[-.042, -.009]
	FR	-.345	.125	-.101**	-.249	.124	-.073*	-.096	.034	-.028**	[-.049, -.012]
	NL	.395	.135	.103**	.490	.133	.128***	-.094	.040	-.025*	[-.047, -.005]
Ценности сохранения	BE	.990	.107	.371***	.846	.104	.317***	.126	.033	.054***	[.032, .081]
	DE	1.167	.083	.382***	.995	.083	.326***	.172	.026	.056***	[.041, .073]
	FR	.791	.079	.381***	.681	.080	.328***	.110	.024	.053***	[.033, .078]
	NL	.682	.109	.214***	.563	.108	.177***	.119	.034	.037***	[-.017, .059]
Социальная дистанция	BE	.189	.022	.294***	.189	.022	.294***				
	DE	.273	.026	.269***	.273	.026	.269***				
	FR	.182	.027	.239***	.182	.027	.239***				
	NL	.267	.030	.295***	.267	.030	.295***				

Примечание. BE — Бельгия; DE — Германия; FR — Франция; NL — Нидерланды. R^2 — коэффициент детерминации; B — нестандартизированный коэффициент регрессии; SE — стандартная ошибка; β — стандартизированный коэффициент регрессии.
*** — $p < .001$; ** — $p < .01$; * — $p < .05$.

Рисунок 3

Проверяемые в анализе связи на путевой диаграмме

Примечание. Стандартизированные регрессионные коэффициенты, по порядку: Бельгия, Германия, Франция, Нидерланды. Все регрессионные коэффициенты значимы на уровне значимости $p < .05$, кроме выделенных полужирным шрифтом.

Таблица 4

Размеры эффекта f^2 Коэна для зависимых переменных

	n	Страны			
		Бельгия	Германия	Франция	Нидерланды
Ценности открытости к изменениям	3	.25	.22	.05	.18
Ценности сохранения	3	.11	.09	.09	.09
Социальная дистанция	5	.10	.11	.15	.11
Желательность миграции	6	.47	.35	.39	.32
Миграция как угроза	6	.16	.25	.08	.12
Миграционный ценз	6	.28	.28	.25	.16
N		1618	2703	1650	1687

Примечание. Полужирным шрифтом выделены малые размеры эффекта $f^2 < .15$; n – кол-во предикторов; N – размер выборки.

является эффект полной медиации социальной дистанцией некоторых связей между отдельными ценностями и отдельными установками на разных выборках.

Обсуждение результатов

Итак, в данном исследовании было показано, что связи между ценностями, социальной дистанцией и установками по отношению к миграции носят универсальный характер, однако общая картина свидетельствует о том, что специфика и характер рассматриваемых связей в целом несколько варьируются в разных культурах, на что в дальнейшем следует обратить внимание исследователям, которые занимаются кросс-культурной проблематикой.

Поддержка определенных индивидуальных ценностей является важным элементом проводимой политики в отношении мигрантов (Citrin et al., 2014), отчасти механизм действия ценностей был показан в данном исследовании, но, так как ценности на индивидуальном уровне связаны с ценностями на культурном уровне (Dobewall, Strack, 2014), полностью механизм влияния ценностей еще предстоит раскрыть, связав индивидуальный и культурный уровень между собой. Так, например, утверждается, что коллективистские ценности связаны с негативными установками по отношению к мигрантам из-за тенденции к более сильному различию между ин- и аутгруппой, а носители гуманистических ценностей более чувствительны к трудностям, с которыми сталкиваются неблагополучные группы (Leong, Ward, 2006; Kim et al., 2015), на инди-

видуальном уровне имеется сходная ситуация (Davidov, Meuleman, 2012; Davidov et al., 2014). И, несмотря на то что в данном исследовании, в отличие от ранее проведенных (см.: Davidov et al., 2008; Davidov, Meuleman, 2012; Davidov et al., 2014), рассматриваются ценности открытости к изменениям, полностью все ценности, описанные в теории Ш. Шварца, рассмотрены также не были.

Кроме того, недостатком данного исследования является тот факт, что при рассмотрении положительного отношения к миграции модель не включает в себя факторы, которые ему способствуют, так как отсутствие социальной дистанции само по себе не предполагает положительного отношения к миграции. При этом имеет смысл учитывать специфику для каждой конкретной группы мигрантов и особенности их адаптации, а не рассматривать как аутгруппу каких-то «абстрактных» мигрантов, поскольку из-за различной культурной дистанции разнообразные группы могут восприниматься по-разному (Григорьев, 2015а, 2015б, 2015в).

Нерешенной также является проблема объяснения различного отношения к мигрантам и миграционной политике, поэтому в обществе существуют одновременно и негативные и позитивные установки по отношению к мигрантам, но на сегодня для этого даже современные многоуровневые теории не имеют удовлетворительной объяснительной способности (Berg, 2015). Тем не менее в целом полученные в данном исследовании результаты можно считать полезными для понимания некоторых аспектов межкультурных отношений.

Литература

- Григорьев, Д. С. (2015а). Взаимосвязь выраженности этнической идентичности и аккультурационных установок мигрантов с уровнем их социоэкономической адаптации. *Культурно-историческая психология*, 11(1), 71–85.
- Григорьев, Д. С. (2015б). Влияние выраженности этнической идентичности на выбор мигрантами их аккультурационной установки. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития*, 4(1), 63–66.
- Григорьев, Д. С. (2015в). Аккультурационные профили мигрантов и уровень их социоэкономической адаптации. *Мир образования – образование в мире*, 59(3), 75–85.
- Berg, J. A. (2015). Explaining attitudes toward immigrants and immigration policy: A review of the theoretical literature: Theories of immigration attitudes. *Sociology Compass*, 9(1), 23–34.
- Bogardus, E. S. (1925). Social distance and its origins. *Journal of Applied Sociology*, 9, 216–226.
- Chen, F. F. (2007). Sensitivity of goodness of fit indexes to lack of measurement invariance. *Structural Equation Modeling*, 14, 464–504.
- Citrin, J., Levy, M., & Wright, M. (2014). Multicultural policy and political support in European democracies. *Comparative Political Studies*, 47(11), 1531–1557.
- Davidov, E., & Meuleman, B. (2012). Explaining attitudes towards immigration policies in European countries: The role of human values. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 38(5), 757–775.
- Davidov, E., Meuleman, B., Billiet, J., & Schmidt, P. (2008). Values and support for immigration: A cross-country comparison. *European Sociological Review*, 24, 583–599.
- Davidov, E., Meulemann, B., Schwartz, S. H., & Schmidt, P. (2014). Individual values, cultural embeddedness, and anti-immigration sentiments: Explaining differences in the effect of values on attitudes toward immigration across Europe. *KZfSS Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 66(S1), 263–285.
- Dobewall, H., & Strack, M. (2014). Relationship of Inglehart's and Schwartz's value dimensions revisited: Relationship of value dimensions. *International Journal of Psychology*, 49(4), 240–248.
- Duckitt, J. (2003). Prejudice and intergroup hostility. In D. Sears, L. Huddy, & R. Jervis (Eds.), *Oxford handbook of political psychology* (pp. 559–600). Oxford: Oxford University Press.
- ESS Round 7: European Social Survey Round 7 Data. (2014). Data file edition 1.0. Norwegian Social Science Data Services, Norway – Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC.
- ESS Round 7: European Social Survey. (2015). ESS-7 2014 Documentation Report. Edition 1.0. Bergen, European Social Survey Data Archive, Norwegian Social Science Data Services for ESS ERIC.
- Fitzgerald, J., Curtis, K. A., & Corliss, C. L. (2012). Anxious publics worries about crime and immigration. *Comparative Political Studies*, 45, 477–506.
- Fornell, C., & Lacker, D. (1981). Evaluating structural equation models with unobservable variables and measurement error. *Journal of Marketing Research*, 18(1), 39–50.
- Hair, J., Black, W., Babin, B., & Anderson, R. (2010). *Multivariate Data Analysis* (7th ed.). Upper Saddle River, NJ: Prentice-Hall, Inc.
- Halperin, E., Canetti-Nisim, D., & Pedahzur, A. (2007). Threatened by the uncontrollable: Psychological and socio-economic antecedents of social distance towards labor migrants in Israel. *International Journal of Intercultural Relations*, 31(4), 459–478.
- Higgins, G. E., Gabbidon, S. L., & Martin, F. (2010). The role of race/ethnicity and race relations on public opinion related to the immigration and crime link. *Journal of Criminal Justice*, 38(1), 51–56.

- Hu, L. T., & Bentler, P. M. (1999). Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling*, 6(1), 1–55.
- Kadushin, C. (1962). Social distance between client and professional. *American Journal of Sociology*, 67(5), 517–531.
- Kim, H. J., Yoo, H. Y., & Chung, Y. K. (2015). Social distance towards the North Korean refugees in South Korean society. *Korea Observer*, 46(2), 295–320.
- Kleinpenning, G., & Hagendoorn, L. (1993). Forms of racism and the cumulative dimension of ethnic attitudes. *Social Psychology Quarterly*, 56(1), 21–36.
- Laumann, E. O. (1965). Subjective social distance and urban occupational stratification. *American Journal of Sociology*, 71(1), 26–36.
- Lee, T. L., & Fiske, S. T. (2006). Not an outgroup, not yet an ingroup: Immigrants in the stereotype content model. *International Journal of Intercultural Relations*, 30(6), 751–768.
- Leong, C.-H. (2008). A multilevel research framework for the analyses of attitudes toward immigrants. *International Journal of Intercultural Relations*, 32(2), 115–129.
- Leong, C.-H., & Ward, C. (2006). Cultural values and attitudes toward immigrants and multiculturalism: The case of the Eurobarometer survey on racism and xenophobia. *International Journal of Intercultural Relations*, 30(6), 799–810.
- Malhotra, N. K., & Dash, S. (2010). *Marketing research: An applied orientation* (6th ed.). Upper Saddle River, NJ [etc.]: Pearson Education.
- Marger, M. N. (1994). *Race and ethnic relations: American and global perspectives* (3rd ed.). Belmont, CA: Wadsworth.
- Migration and Migrant Population Statistics. (2015, May). Retrieved from http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migration_and_migrant_population_statistics
- Milfont, R., & Fischer, R. (2010). Testing measurement invariance across groups: Applications in cross-cultural research. *International Journal of Psychological Research*, 3, 112–131.
- Park, R. E. (1924). The concept of social distance as applied to the study of racial attitudes and racial relations. *Journal of Applied Sociology*, 8, 339–344.
- Pettigrew, T. (2003). People under threat: Americans, Arabs and Israelis. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 9(1), 69–90.
- Sagiv, L., & Schwartz, S. H. (1995). Value priorities and readiness for out-group social contact. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69, 437–448.
- Schwartz, S. H., & Butenko, T. P. (2014). Values and behavior: Validating of refined values theory in Russia. *European Journal of Social Psychology*, 44(7), 799–813.
- Schwartz, S. H., Cieciuch, J., Vecchione, M., Davidov, E., Fischer, R., Beierlein, C., ... Konty, M. (2012). Refining the theory of basic individual values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 103, 663–688.
- Simmel, G. (1950). *The sociology of Georg Simmel*. New York: Free Press.
- Simon, R. J., & Sikich, K. W. (2007). Public attitudes toward immigrants and immigration policies across seven nations. *International Migration Review*, 41, 956–962.
- Sniderman, P. M., Hagendoorn, L., & Prior, M. (2004). Predisposing factors and situational triggers: Exclusionary reactions to immigrant minorities. *American Political Science Review*, 98, 35–49.
- Stephan, W. G., & Stephan, C. W. (2001). *Improving intergroup relations*. Dubuque, IA: Brown & Benchmark.

- Tartakovsky, E., & Walsh, S. D. (2016). Testing a new theoretical model for attitudes toward immigrants: The case of social workers attitudes toward asylum seekers in Israel. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 47*(1), 72–96.
- Vandenberg, R. J., & Lance, C. E. (2000). A review and synthesis of the measurement invariance literature: Suggestions, practices, and recommendations for organizational research. *Organizational Research Methods, 3*(1), 4–70.
- Weaver, C. N. (2008). Social distance as a measure of prejudice among ethnic groups in the United States. *Journal of Applied Social Psychology, 38*(3), 779–795.
- Williams, R. M., Jr. (1964). *Strangers next door: Ethnic relations in American communities*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

Григорьев Дмитрий Сергеевич — аспирант и стажер-исследователь, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Экспертный институт, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Сфера научных интересов: межэтнические отношения, социальная идентичность, социальные представления, психология аккультурации, кросс-культурная психология.

Контакты: dgrigoryev@hse.ru

Values, Social Distance and Attitudes toward Immigration: A Cross-Cultural Study of Belgium, Germany, France and the Netherlands

Dmitry S. Grigoryev^a

^a National Research University Higher School of Economics, 20 Myasniitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

The article addresses the relationship between individual values, social distance and positive and negative attitudes toward immigration. The objective of the present study is the verification of the universal character of these relationship. Previously the researchers very rarely addressed both aspects of attitudes toward immigrants: appraisal of immigrants by the host society and attitudes of the host society toward the migration policy. In the present study both these aspects were considered in the form of social distance and three attitudes toward immigration. With the data analysis of the 7th round from the European Social Survey (ESS), 2014 for four European countries (Belgium, Germany, France and the Netherlands), after the test of metric (strong factorial) invariance of the scales and its reliability, with the use of structural equation modeling it was found that, as it was supposed in the hypotheses of the study, social distance is positively

associated to the conservation values and negatively associated with the openness to change, and positively associated to negative attitudes toward immigration (immigration as a threat and necessity of some immigration qualification) and negatively associated with positive attitudes (desirability of immigration). These relationship was universal, however many relationship that were cultural-specific. Especially notable is the effect of full mediation in different samples of some relationship between some values and attitudes by social distance. The obtained results are valuable for understanding of some aspects of intercultural relations.

Keywords: social distance, values, interethnic relationships, immigration, cross-cultural psychology.

References

- Berg, J. A. (2015). Explaining attitudes toward immigrants and immigration policy: A review of the theoretical literature: Theories of immigration attitudes. *Sociology Compass*, *9*(1), 23–34.
- Bogardus, E. S. (1925). Social distance and its origins. *Journal of Applied Sociology*, *9*, 216–226.
- Chen, F. F. (2007). Sensitivity of goodness of fit indexes to lack of measurement invariance. *Structural Equation Modeling*, *14*, 464–504.
- Citrin, J., Levy, M., & Wright, M. (2014). Multicultural policy and political support in European democracies. *Comparative Political Studies*, *47*(11), 1531–1557.
- Davidov, E., & Meuleman, B. (2012). Explaining attitudes towards immigration policies in European countries: The role of human values. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, *38*(5), 757–775.
- Davidov, E., Meuleman, B., Billiet, J., & Schmidt, P. (2008). Values and support for immigration: A cross-country comparison. *European Sociological Review*, *24*, 583–599.
- Davidov, E., Meuleman, B., Schwartz, S. H., & Schmidt, P. (2014). Individual values, cultural embeddedness, and anti-immigration sentiments: Explaining differences in the effect of values on attitudes toward immigration across Europe. *KZfSS Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, *66*(S1), 263–285.
- Dobewall, H., & Strack, M. (2014). Relationship of Inglehart's and Schwartz's value dimensions revisited: Relationship of value dimensions. *International Journal of Psychology*, *49*(4), 240–248.
- Duckitt, J. (2003). Prejudice and intergroup hostility. In D. Sears, L. Huddy, & R. Jervis (Eds.), *Oxford handbook of political psychology* (pp. 559–600). Oxford: Oxford University Press.
- ESS Round 7: European Social Survey Round 7 Data. (2014). Data file edition 1.0. Norwegian Social Science Data Services, Norway – Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC.
- ESS Round 7: European Social Survey. (2015). ESS-7 2014 Documentation Report. Edition 1.0. Bergen, European Social Survey Data Archive, Norwegian Social Science Data Services for ESS ERIC.
- Fitzgerald, J., Curtis, K. A., & Corliss, C. L. (2012). Anxious publics worries about crime and immigration. *Comparative Political Studies*, *45*, 477–506.
- Fornell, C., & Lacker, D. (1981). Evaluating structural equation models with unobservable variables and measurement error. *Journal of Marketing Research*, *18*(1), 39–50.
- Grigoryev, D. S. (2015a). Relationship between Ethnic identification and acculturation attitudes of immigrants with their level of socio-economic adaptation. *Cultural-Historical Psychology*, *11*(1), 71–85.

- Grigoryev, D. S. (2015b). Effect of ethnic identification on the choice of acculturation attitudes of immigrants. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Seriya: Akmeologiya Obrazovaniya. Psikhologiya Razvitiya*, 4(1), 63–66.
- Grigoryev, D. S. (2015c). Acculturation profiles of immigrants and their level of socio-economic adaptation. *Mir Obrazovaniya – Obrazovanie v Mire*, 59(3), 75–85.
- Hair, J., Black, W., Babin, B., & Anderson, R. (2010). *Multivariate Data Analysis* (7th ed.). Upper Saddle River, NJ: Prentice-Hall, Inc.
- Halperin, E., Canetti-Nisim, D., & Pedahzur, A. (2007). Threatened by the uncontrollable: Psychological and socio-economic antecedents of social distance towards labor migrants in Israel. *International Journal of Intercultural Relations*, 31(4), 459–478.
- Higgins, G. E., Gabbidon, S. L., & Martin, F. (2010). The role of race/ethnicity and race relations on public opinion related to the immigration and crime link. *Journal of Criminal Justice*, 38(1), 51–56.
- Hu, L. T., & Bentler, P. M. (1999). Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling*, 6(1), 1–55.
- Kadushin, C. (1962). Social distance between client and professional. *American Journal of Sociology*, 67(5), 517–531.
- Kim, H. J., Yoo, H. Y., & Chung, Y. K. (2015). Social distance towards the North Korean refugees in South Korean society. *Korea Observer*, 46(2), 295–320.
- Kleinpenning, G., & Hagendoorn, L. (1993). Forms of racism and the cumulative dimension of ethnic attitudes. *Social Psychology Quarterly*, 56(1), 21–36.
- Laumann, E. O. (1965). Subjective social distance and urban occupational stratification. *American Journal of Sociology*, 71(1), 26–36.
- Lee, T. L., & Fiske, S. T. (2006). Not an outgroup, not yet an ingroup: Immigrants in the stereotype content model. *International Journal of Intercultural Relations*, 30(6), 751–768.
- Leong, C.-H. (2008). A multilevel research framework for the analyses of attitudes toward immigrants. *International Journal of Intercultural Relations*, 32(2), 115–129.
- Leong, C.-H., & Ward, C. (2006). Cultural values and attitudes toward immigrants and multiculturalism: The case of the Eurobarometer survey on racism and xenophobia. *International Journal of Intercultural Relations*, 30(6), 799–810.
- Malhotra, N. K., & Dash, S. (2010). *Marketing research: An applied orientation* (6th ed.). Upper Saddle River, NJ [etc.]: Pearson Education.
- Marger, M. N. (1994). *Race and ethnic relations: American and global perspectives* (3rd ed.). Belmont, CA: Wadsworth.
- Migration and Migrant Population Statistics. (2015, May). Retrieved from http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migration_and_migrant_population_statistics
- Milfont, R., & Fischer, R. (2010). Testing measurement invariance across groups: Applications in cross-cultural research. *International Journal of Psychological Research*, 3, 112–131.
- Park, R. E. (1924). The concept of social distance as applied to the study of racial attitudes and racial relations. *Journal of Applied Sociology*, 8, 339–344.
- Pettigrew, T. (2003). People under threat: Americans, Arabs and Israelis. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 9(1), 69–90.
- Sagiv, L., & Schwartz, S. H. (1995). Value priorities and readiness for out-group social contact. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69, 437–448.
- Schwartz, S. H., & Butenko, T. P. (2014). Values and behavior: Validating of refined values theory in Russia. *European Journal of Social Psychology*, 44(7), 799–813.

- Schwartz, S. H., Cieciuch, J., Vecchione, M., Davidov, E., Fischer, R., Beierlein, C., ... Konty, M. (2012). Refining the theory of basic individual values. *Journal of Personality and Social Psychology*, *103*, 663–688.
- Simmel, G. (1950). *The sociology of Georg Simmel*. New York: Free Press.
- Simon, R. J., & Sikich, K. W. (2007). Public attitudes toward immigrants and immigration policies across seven nations. *International Migration Review*, *41*, 956–962.
- Sniderman, P. M., Hagendoorn, L., & Prior, M. (2004). Predisposing factors and situational triggers: Exclusionary reactions to immigrant minorities. *American Political Science Review*, *98*, 35–49.
- Stephan, W. G., & Stephan, C. W. (2001). *Improving intergroup relations*. Dubuque, IA: Brown & Benchmark.
- Tartakovsky, E., & Walsh, S. D. (2016). Testing a new theoretical model for attitudes toward immigrants: The case of social workers attitudes toward asylum seekers in Israel. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, *47*(1), 72–96.
- Vandenberg, R. J., & Lance, C. E. (2000). A review and synthesis of the measurement invariance literature: Suggestions, practices, and recommendations for organizational research. *Organizational Research Methods*, *3*(1), 4–70.
- Weaver, C. N. (2008). Social distance as a measure of prejudice among ethnic groups in the United States. *Journal of Applied Social Psychology*, *38*(3), 779–795.
- Williams, R. M., Jr. (1964). *Strangers next door: Ethnic relations in American communities*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

Dmitry S. Grigoryev – Ph.D. student, researcher, International scientific-educational laboratory for socio-cultural research of the Expert Institute, National Research University Higher School of Economics.

Research areas: interethnic relations, social identity, social representations, psychology of acculturation, cross-cultural psychology.

E-mail: dgrigoryev@hse.ru

МЕЖПОКОЛЕННАЯ ТРАНСМИССИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ СРЕДЕ

Д.И. ДУБРОВ^а, А.Н. ТАТАРКО^а

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Резюме

Исследование посвящено рассмотрению трансмиссии индивидуальных ценностей, в частности влияния социально-культурного контекста проживания (городская и сельская среда) на сходство и различие ценностей подростков и их родителей. Методом исследования являлся социально-психологический опрос. В качестве инструментария использовался опросник индивидуальных ценностей Ш. Шварца (PVQ-R). В ходе исследования были опрошены представители двух поколений россиян: родители и подростки из 91 московской семьи и 62 семей в сельской местности (n = 306 человек). При математико-статистической обработке данных использовались: t-критерий Стьюдента, внутриклассовая корреляция и множественный дисперсионный анализ. В результате исследования установлено, что внутрисемейное сходство в выраженности ценностей, входящих в блоки Открытость изменениям, Самоутверждение и Самопреодоление, несколько выше в семьях, проживающих в городе, чем в семьях, проживающих в селе, а сходство ценностей блока Сохранение выше в семьях, проживающих в селе. Также установлено, что ценности подростков более сходны с ценностями сверстников, чем с ценностями родителей как в городском, так и в сельском социумах. Но при этом были выявлены ценностные различия между городскими и сельскими семьями. Наибольшие различия наблюдались по ценностному блоку Самопреодоление. В семьях, проживающих в городе, сходство по данному ценностному блоку выше, чем в семьях, проживающих в сельской местности. В обеих выборках наблюдались два варианта трансмиссии ценностей: от родителей к детям и влияние ценностей друзей-сверстников, а также социально-культурного контекста (места проживания). В городском социуме лучше передаются ценности блока Самопреодоление, а в сельском — ценности блока Сохранение.

Ключевые слова: индивидуальные ценности, межпоколенная трансмиссия ценностей, сходства ценностей, социализация.

Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Основные теоретические подходы к исследованию межпоколенной трансмиссии ценностей

В последние годы межпоколенная трансмиссия ценностей в семьях вызывает все больший интерес (Barni, 2009). В литературе часто можно встретить еще один термин, обозначающий данный феномен: культурная трансмиссия. Поскольку ценности напрямую связаны с культурой, то можно определить данные понятия как синонимы (Schwartz, 2014). Как отмечают зарубежные исследователи, культурная трансмиссия важна для преемственности в обществе, так как она поддерживает связь между членами разных поколений и позволяет сохранить знания о культуре и культурные традиции (Schönpflug, 2001; Trommsdorff, 2009). В настоящее время ввиду социально-экономических изменений наблюдается ценностный разрыв между поколениями, а также гетерогенность в ценностных ориентациях людей в разных социально-культурных контекстах (например, город и село) (Fuligni, Zhang, 2004; Swader, 2013). Следовательно, полученные нами результаты будут полезны для родителей, а также для педагогов и психологов, работающих с семьями и детьми.

Проанализировав определения понятия «межпоколенная трансмиссия ценностей» (Barni, 2009; Schönpflug, 2001; Trommsdorff, 2009), мы пришли к выводу, что данное понятие можно определить как передачу ценностей одного поколения к другому в процессе социализации личности.

Преемственность ценностей между поколениями — важная задача социализации и является необходимой для функционирования общества (Fuligni, Zhang, 2004; Schönpflug, 2001). Сейчас трансмиссия ценностей определяется как интерактивный процесс; предполагается, что родители и дети выступают как субъектами, так и объектами в процессе социализации (Kuczynski, Navara, 2006; Roest et al., 2009). Поскольку трансмиссия имеет интерактивный характер, она, возможно, служит причиной как различий между поколениями, так и сходств между ними. В литературе данный вариант трансмиссии ценностей называется вертикальным, это передача ценностей от родителей к детям (Berry et al., 1992; Cavalli-Sforza, Feldman, 1981).

Д. Барни установила, что, по мнению подростков, родители стремятся поддерживать в них в первую очередь консервативные ценности, в то время как они более открыты новому опыту и вызовам, поэтому подростки отказываются принимать ценности блока *Сохранение* (Barni, 2009).

Подростки исследуют и развивают свою автономию и независимую идентичность. Ценности блока *Открытость изменениям*, способствующие достижению независимости, являются наиболее эффективными при такой мотивации. С другой стороны, на этой стадии жизненного цикла родители должны ответственно заботиться о своих детях. Родители должны учитывать и аспекты зависимости, и потребность в безопасности и правилах, которые продолжают действовать на протяжении подросткового возраста, точно так же, как и возрастающую

потребность подростка в автономии (Там же).

Кроме родителей в процессе трансмиссии ценностей участвуют сами дети и их друзья-сверстники. Данный вариант трансмиссии в литературе называют «горизонтальным», т.е. на ценностные ориентации детей влияют друзья-сверстники (Berry et al., 1992; Cavalli-Sforza, Feldman, 1981). Можно сделать вывод о том, что в подростковом возрасте наиболее значимы ценностные влияния сверстников, чем родителей.

Влияние среды проживания на трансмиссию ценностей

Кроме описанных влияний (члены семьи, сверстники, друзья и их взаимоотношения) на ценности родителей и подростков влияет социально-культурный контекст, в котором данные отношения протекают (Trommsdorff, 2009). Возникает вопрос: меняются ли процесс трансмиссии ценностей и его результат от поколения к поколению в зависимости от социального контекста (тип населенного пункта – город или село и т.д.)?

Ответ на данный вопрос попытались дать А. Фулиньи и У. Цанг через исследование отношения подростков, проживающих в городском и сельском социуме современного Китая, к семейным обязанностям. Китай сравнительно недавно перешел на рыночную экономику, поэтому задачей авторов исследования было выяснить, какие изменения произошли в ценностях подрастающего поколения и как на это влияет место проживания.

Были получены следующие результаты: позитивное отношение к семейным обязанностям менее характерно для подростков мужского пола, проживающих в городе. Данный факт может быть объяснен тем, что в городе строго регулируется рождаемость, поэтому практически все респонденты были единственными детьми в семьях, а это, по мнению ряда исследователей, способствует развитию индивидуализма. Также в сельской местности менее развита система социального обеспечения, поэтому всем членам семьи приходится больше времени уделять заботе о близких. Кроме того, было выявлено, что данный аттитюд проявлялся сильнее в семьях, где преобладают близкие, теплые, доверительные отношения. Авторы предполагают, что данный фактор является универсальным для всех стран (Fuligni, Zhang, 2004).

Таким образом, в целом семья имеет большое значение для респондентов, поэтому они принимают и выполняют семейные обязанности. Проанализировав данные психологических исследований (Fuligni, Zhang, 2004; Barni, 2009; Жарова, 2010; Виноградский, 1998; Фадеева, 2007; Мудрик, 2000), мы пришли к выводу, что социальный контекст (город – село) влияет на ценности подростков и их родителей. На основании данного вывода мы сформулировали гипотезу о том, что сходство в ценностных блоках *Открытость изменениям* и *Самоутверждение* выше в семьях, проживающих в городе, чем в семьях, проживающих в селе, а сходство в блоках *Сохранение* и *Самопреодоление* выше в семьях, проживающих в селе.

Основной целью проведенного исследования является эмпирическая проверка влияния социального контекста на сходства и различия ценностей родителей и подростков в городской и сельской среде.

Гипотезы исследования

Н1. Ценности подростков в городском социуме более сходны с ценностями сверстников, чем родителей.

Н2. Сходство ценностей подростков и их родителей в ценностных блоках *Открытость изменениям* и *Самоутверждение* выше в семьях, проживающих в городе, чем в семьях, проживающих в селе, а сходство ценностей подростков и их родителей в блоках *Сохранение* и *Самопреодоление* выше в семьях, проживающих в селе.

Процедура и методика исследования

Участники

Для определения сходств и различий ценностей подростков и родите-

лей в разном социальном контексте мы опросили представителей двух поколений (родители, дети-подростки), проживающих в Москве и селах Ярославской, Тверской и Ивановской областей.

В таблице 1 представлены гендерные и возрастные характеристики выборок.

Процедура

Исследование проводилось на базе школ города Москвы и сельских поселений Ярославской, Ивановской, Тверской областей. Подросткам раздавались анкеты, которые они заполняли либо в школе, либо дома. Также подросткам были даны анкеты, которые необходимо было заполнить одному из родителей.

Инструментарий

Эмпирическое исследование сходств и различий ценностей родителей и подростков в городской и сельской среде осуществлялось с помощью метода социально-психологического опроса — анкетирования.

Таблица 1

Демографические характеристики выборок исследования

	Общее количество	% мужчин	% женщин	М (SD) возраст
Семьи, проживающие в городе				
Подростки	90	40%	60%	17.6 (1.71)
Родители	90	22.2%	77.8%	43.3 (5.71)
Семьи, проживающие в селе				
Подростки	62	53.2%	46.8%	15.6 (1.75)
Родители	62	21%	79%	41.7 (5.39)
Всего	304	33.8%	66.2%	

Для данного исследования был использован опросник индивидуальных ценностей Ш. Шварца PVQ-R (Шварц и др., 2012).

Проверка гипотез осуществлялась с помощью следующих методов математической статистики, реализованных в программе SPSS: множественный дисперсионный анализ, t-критерий Стьюдента.

Описание полученных результатов

Проверка первой гипотезы осуществлялась с помощью подсчета ценностных профилей городских и сельских подростков, внутриклассовых корреляций между ценностями подростков и их родителями в каждой семье и между ценностями подростков и ценностными профилями сверстников, а затем использовались множественный дисперсионный анализ и t-критерий Стьюдента для определения значимости различий.

Результаты представлены в таблицах 2 и 3.

Как видим, внутри выборок и в селе и в городе профиль ценностей подростков ближе к профилю ценностей сверстников, чем к профилю ценностей родителей. Но в целом размеры внутриклассовых коэффициентов корреляций статистически

значимо не различаются у респондентов из города и из села.

Теперь посмотрим, различаются ли городская и сельская выборки по данным показателям. Для этого снова используем множественный дисперсионный анализ. Получились следующие данные: λ Уилкса = .994; $F(2, 149.000) = .435$; $p = .648$; $\eta^2 = .006$.

Как видим, городская и сельская выборки не различаются по данным показателям.

Ценности подростков более сходны с ценностями сверстников, чем с ценностями родителей, как в городском, так и в сельском социуме.

Проверка второй гипотезы осуществлялась путем подсчета внутриклассовой корреляции между ценностями подростков и их родителей в каждой семье, далее проводился множественный дисперсионный анализ (MANOVA).

Зависимыми переменными в исследовании выступали ценностные блоки. Независимой переменной явилось место проживания (город – село). Получились следующие значения: λ Уилкса = .931; $F(4, 147.000) = 2.73$; $p = 0.031$; $\eta^2 = 0.069$. Как мы видим, в показателях по ценностным блокам имеются значимые различия в зависимости от места проживания (город – село). Данные представлены в таблице 4.

Таблица 2

Сравнение сходств ценностей подростков и родителей в городе и селе (t-критерий Стьюдента)

Профили ценностей (город/село)	Город (N = 90)		Село (N = 62)		t	df	p
	M	SD	M	SD			
Подростки-родители	.365	.28	.340	.32	0.51	117.09	.62
Подростки-сверстники	.527	.14	.499	.23	0.93	94.56	.36

Таблица 3

**Сравнение сходств ценностей подростков и родителей в городе и селе
(множественный дисперсионный анализ)**

Зависимая переменная	Город M(r)	Село M(r)	F	η^2
Подростки-родители	.366	.340	0.271	.002
Подростки-сверстники	.528	.499	0.859	.006

Примечание. M(r) – среднее значение внутриклассовой корреляции.

Таблица 4

Сравнение сходств ценностей подростков и родителей в городе и селе

Ценностный блок	Город M(r)	Село M(r)	F	η^2
Сохранение	.301	.325	0.122	.001
Открытость изменениям	.226	.126	1.502	.010
Самоутверждение	.459	.436	0.106	.001
Самопреодоление	.528	.359	9.247*	.058

* $p < 0.05$.

Статистически значимый вклад в данные различия вносит только ценностный блок *Самопреодоление*. По ценностному блоку *Самопреодоление* большее сходство среди подростков и их родителей наблюдается в городской выборке.

Больше статистически значимых различий по блокам ценностей не обнаружено.

Обсуждение результатов эмпирического исследования

Итак, согласно полученным данным, гипотеза 1 подтвердилась, гипотеза 2 подтвердились частично, поскольку сходство по блоку *Самопреодоление* значимо выше в семьях, проживающих в городе, чем в селе. Данный факт можно объяснить тем, что в состав ценностного блока *Самопреодоление* входят ценности

Универсализм – Толерантность и *Универсализм – Забота о природе*. Именно по данным ценностям в городской выборке наблюдаются наибольшие значения.

Как мы уже отмечали, в сельской местности уровень социального контроля выше, чем в городе (Жарова, 2010), поэтому не одобряются какие-либо отклонения от общепринятых норм, следовательно, в селе по данной ценности средние значения ниже, чем в городе. Этим же можно объяснить более высокий уровень значений и сходств по ценностному блоку *Сохранение (Конформизм, Традиция, Безопасность)* в селе.

Что касается ценности *Универсализм – Забота о природе*, то здесь, на наш взгляд, играет роль экологический аспект. Люди, проживающие в городах, уже столкнулись с проблемами экологии, поэтому забота о

природе перешла в разряд «ценности внешнего статуса» — наиболее значимой (Ядов, 1975), а для сельской местности проблемы экологии менее актуальны, поэтому забота о природе для сельских жителей, согласно ядерно-иерархической модели ценностей, является ценностью среднего или ниже среднего статуса, т.е. менее значимой (Там же). Данную ценность родители, проживающие в селе, не стремятся передавать своим детям.

Как видим, в данном случае наблюдается «вертикальный» вариант трансмиссии ценностей, т.е. от родителей к детям.

Кроме этого, данные, полученные на городской выборке, частично объясняют и подтверждают данные, полученные Д. Барни и ее коллегами (Barni et al., 2011). В исследовании Барни наибольшее расхождение в ценностных ориентациях между подростками и их родителями наблюдалось по блокам *Открытость изменениям* и *Сохранение*. Барни указывала на то, что, по мнению подростков, родители стремятся поддерживать в них в первую очередь ценности блока *Сохранение (Традиция, Безопасность, Конформизм)*, в то время как они более открыты новому опыту и вызовам. Подростки отказываются принимать данные ценности, исследуют и развивают свою автономию и независимую идентичность. Ценностный блок *Открытость изменениям*, способствующий достижению независимости, является наиболее эффективным при данной мотивации (Barni, 2009).

Влияние социального контекста (место проживания) на данный процесс подтверждают не только полу-

ченные нами данные, но и результаты других исследований (Fuligni, Zhang, 2004; Жарова, 2010).

Отсутствие значимых различий между значениями внутриклассовой корреляции ценностей семей и сверстников, проживающих в городе и селе, можно объяснить наличием общего ценностного климата, преобладающего в обществе «духа времени» (*zeitgeist*), на который в своих исследованиях указывали Клаус Бонке и другие исследователи (Boehnke, 2001; Boehnke et al., 2007; Vedder et al., 2009).

Тот же эффект сработал и на выборке подростков, проживающих в городе. Их ценности оказались более сходными с ценностями их сверстников, нежели с ценностями родителей.

Таким образом, полученные нами данные во многом соотносятся с результатами зарубежных исследований (Barni, 2009; Steca et al., 2012; Fuligni, Zhang, 2004). Можно утверждать, что социально-культурный контекст проживания влияет на процесс межпоколенной трансмиссии ценностей.

Выводы

1. Уровень сходства ценностей подростков и их родителей по четырем ценностным блокам (*Сохранение, Открытость изменениям, Самоутверждение и Самопреодоление*) различается в городе и селе. Наблюдается влияние социально-культурного контекста (город — село) на трансмиссию ценностей.

2. Сходство в ценностных блоках *Открытость изменениям, Самоутверждение и Самопреодоление* несколько выше в семьях, проживающих в городе, чем в семьях, прожи-

вающих в селе. Эти блоки ценностей транслируются от родителей к детям преимущественно в городском контексте. Сходство в ценностях блока *Сохранение* выше в семьях, проживающих в селе, т.е. эти ценности преимущественно транслируются от родителей к детям в более традиционном сельском контексте.

3. По всем ценностным блокам ценности подростков более сходны с ценностями сверстников, чем родителей, как в городском, так и в сельском контекстах. В данном случае наблюдается вариант «горизонтальной» трансмиссии, когда на ценности подростков влияют ценности их друзей-сверстников. Для подростков

более значимы ценности сверстников, чем родителей.

4. Обобщая результаты исследования, можно сказать, что оба известных варианта трансмиссии ценностей («горизонтальная» и «вертикальная») наблюдаются и в городском, и сельском контекстах. Но при «вертикальной» трансмиссии не все ценности передаются от родителей к детям. В городском контексте от родителей к детям преимущественно транслируются ценности блока *Самопреодоление*, а в сельском — ценности блока *Сохранение*. «Горизонтальная» трансмиссия (от подростков к подросткам) является одинаковой по всем четырем блокам ценностей.

Литература

- Виноградский, В. Г. (1998). Крестьянские семейные хроники. *Социологический журнал*, 1(2), 130–144.
- Жарова, Е. Н. (2010). *Сравнительный анализ индивидуалистических и коллективистических ценностных ориентаций как социально-психологических характеристик молодежи (на примере урбанизированной и неурбанизированной среды)* (Автореферат кандидатской диссертации, МГППУ, Москва).
- Мудрик, А. В. (2000). Основные составляющие влияния мезофакторов на социализацию человека. В кн. В. А. Слостенин (Ред.), *Социальная педагогика* (с. 31–50). М.: Издательский центр «Академия».
- Фадеева, О. П. (2007). Хозяйственные уклады в современном российском селе. *Социологические исследования*, 11, 64–69.
- Шварц, Ш., Бутенко, Т. П., Седова, Д. С., Липатова, А. С. (2012). Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(2), 43–70.
- Ядов, В. А. (1975). О диспозиционной регуляции социального поведения личности. В кн. *Методологические проблемы социальной психологии* (с. 89–106). М.: Наука.
- Barni, D. (2009). *Trasmettere valori. Tre generazioni familiari a confronto* [Transmittig values. A comparison between three family generations]. Milano: Unicopli. (in Italian)
- Barni, D., Ranieri, S., Scabini, E., & Rosnati, R. (2011). Value transmission in the family: do adolescents accept the values their parents want to transmit? *Journal of Moral Education*, 1(40), 105–121.
- Berry, J. W., Poortinga, Y. H., Segall, M. H., & Dasen, P. R. (1992). *Cross-cultural psychology: Research and applications*. New York: Cambridge University Press.
- Boehnke, K. (2001). Parent-offspring value transmission in a societal context: Suggestions for a utopian research design with empirical underpinnings. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 32, 241–255.

- Boehnke, K., Hadjar, A., & Baier, D. (2007). Parent-child value similarity: The role of Zeitgeist. *Journal of Marriage and Family*, 69, 778–792.
- Cavalli-Sforza, L. L., & Feldman, M. W. (1981). *Cultural transmission and evolution: A quantitative approach*. Princeton: Princeton University Press.
- Fuligni, A., & Zhang, W. (2004). Attitudes toward family obligations among adolescents in contemporary urban and rural China. *Child Development*, 74, 180–192.
- Kuczynski, L., & Navara, G. S. (2006). Sources of innovation and change in socialization, internalization and acculturation. In M. Killen & J. G. Smetana (Eds.), *Handbook of moral development* (pp. 299–327). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
- Roest, A. M. C., Dubas, J. S., & Gerris, J. R. M. (2009). Value transmissions between parents and children: gender and developmental phase as transmission belts. *Journal of Adolescence*, 33(1), 21–31.
- Schönpflug, U. (2001). Intergenerational transmission of values: The role of transmission belts. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 32, 174–185.
- Schwartz, S. H. (2014). National culture as value orientations: Consequences of value differences and cultural Distance. In V. A. Ginsburgh & D. Throsby (Eds.), *Handbook of the economics of art and culture* (Vol. 2, pp. 547–586). Amsterdam: Elsevier.
- Steca, P., Monzan, D., Greco, A., & D'Addario, M. (2012). Similarity in self-enhancement and self-transcendence values between young adults and their parents and friends. *Family Science*, 1(3), 34–45.
- Swader, C. S. (2013). *The capitalist personality: Face-to-face sociality and economic change in the post-communist world*. New York: Routledge.
- Trommsdorff, G. (2009). Intergenerational relations and cultural transmission. In U. Schönpflug (Ed.), *Cultural transmission. Psychological, developmental, social, and methodological aspects* (pp. 126–160). New York: Cambridge University Press.
- Vedder, P., Berry, J., Sabatier, C., & Sam, D. (2009). The intergenerational transmission of values in national and immigrant families: The role of Zeitgeist. *Youth Adolescence*, 38, 642–653.

Дубров Дмитрий Игоревич — аспирант, департамент психологии, факультет социальных наук, и стажер-исследователь, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Экспертный институт, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Контакты: ddubrov@hse.ru

Татарко Александр Николаевич — доцент, департамент психологии, факультет социальных наук, и ведущий научный сотрудник, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Экспертный институт, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доктор психологических наук.
Контакты: tatarko@yandex.ru

Intergenerational Value Transmission in Urban and Rural Area

Dmitry I. Dubrov^a, Aleksandr N. Tatarko^a

^a National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

The research is devoted to transmission of individual values, in particular the impact of socio-cultural context of residence (urban and rural area) on the similarities and differences in values of adolescents and their parents. The research method was a socio-psychological survey. As the instrument we used the Portrait Values Questionnaire by S. Schwartz (PVQ-R). We interviewed representatives of two generations: parents and children from 91 families in Moscow and 62 families in rural areas (n=306). For mathematical-statistical data processing we used: Student's ttest, intraclass correlation and multivariate analysis of variance. The study established that intra-family similarity in values from blocks Openness to Change, Self-Enhancement and Self-Transcendence is somewhat higher in the families living in the city than in the families living in the village, and the value similarity in block Conservation is higher in families residing in the village. It is also established that adolescents' values are more similar to the values of peers than to parents' values, in both urban and rural societies. But at the same time, we identified value differences between urban and rural families. The greatest differences were observed in values of block Self-Transcendence. The value similarity of this block is higher in families living in the city than in families living in rural areas. In both samples we observed two options for the transmission of values: from parents to children and value influence of friends, peers, and socio-cultural context (place of residence). In urban society Self-Transcendence values are better transmitted, and in rural society Conservation values are better transmitted.

Keywords: individual values, intergenerational transmission of values, value similarity, socialization.

References

- Barni, D. (2009). *Trasmettere valori. Tre generazioni familiari a confronto* [Transmittig values. A comparison between three family generations]. Milano: Unicopli. (in Italian)
- Barni, D., Ranieri, S., Scabini, E., & Rosnati, R. (2011). Value transmission in the family: do adolescents accept the values their parents want to transmit? *Journal of Moral Education*, 1(40), 105–121.
- Berry, J. W., Poortinga, Y. H., Segall, M. H., & Dasen, P. R. (1992). *Cross-cultural psychology: Research and applications*. New York: Cambridge University Press.
- Boehnke, K. (2001). Parent-offspring value transmission in a societal context: Suggestions for a utopian research design with empirical underpinnings. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 32, 241–255.
- Boehnke, K., Hadjar, A., & Baier, D. (2007). Parent-child value similarity: The role of Zeitgeist. *Journal of Marriage and Family*, 69, 778–792.
- Cavalli-Sforza, L. L., & Feldman, M. W. (1981). *Cultural transmission and evolution: A quantitative approach*. Princeton: Princeton University Press.
- Fadeeva, O. P. (2007). Khozyaistvennye układy v sovremennom rossiiskom sele [Economic set-ups in the contemporary Russian village]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 11, 64–69.

- Fulgini, A., & Zhang, W. (2004). Attitudes toward family obligations among adolescents in contemporary urban and rural China. *Child Development, 74*, 180–192.
- Kuczynski, L., & Navara, G. S. (2006). Sources of innovation and change in socialization, internalization and acculturation. In M. Killen & J. G. Smetana (Eds.), *Handbook of moral development* (pp. 299–327). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
- Mudrik, A. V. (2000). Osnovnye sostavlyayushchie vliyaniya mezofaktorov na sotsializatsiyu cheloveka [The main components of mesofactors influence on socialization of man]. In V. A. Slastenin (Ed.), *Sotsial'naya pedagogika* [Social pedagogy] (pp. 31–50). Moscow: Akademiya.
- Roest, A. M. C., Dubas, J. S., & Gerris, J. R. M. (2009). Value transmissions between parents and children: gender and developmental phase as transmission belts. *Journal of Adolescence, 33*(1), 21–31.
- Schönplflug, U. (2001). Intergenerational transmission of values: The role of transmission belts. *Journal of Cross-Cultural Psychology, 32*, 174–185.
- Schwartz, S. H. (2014). National culture as value orientations: Consequences of value differences and cultural Distance. In V. A. Ginsburgh & D. Throsby (Eds.), *Handbook of the economics of art and culture* (Vol. 2, pp. 547–586). Amsterdam: Elsevier.
- Schwartz, S., Butenko, T. P., Sedova D. S., & Lipatova, A. S. (2012). A refined theory of basic personal values: validation in Russia. *Psychology Journal of Higher School of Economics, 9*(2), 43–70.
- Steca, P., Monzan, D., Greco, A., & D'Addario, M. (2012). Similarity in self-enhancement and self-transcendence values between young adults and their parents and friends. *Family Science, 1*(3), 34–45.
- Swader, C. S. (2013). *The capitalist personality: Face-to-face sociality and economic change in the post-communist world*. New York: Routledge.
- Trommsdorff, G. (2009). Intergenerational relations and cultural transmission. In U. Schönplflug (Ed.), *Cultural transmission. Psychological, developmental, social, and methodological aspects* (pp. 126–160). New York: Cambridge University Press.
- Vedder, P., Berry, J., Sabatier, C., & Sam, D. (2009). The intergenerational transmission of values in national and immigrant families: The role of Zeitgeist. *Youth Adolescence, 38*, 642–653.
- Vinogradskii, V. G. (1998). Krest'yanskii semeinye khroniki [Peasant family chronicles]. *Sotsiologicheskii Zhurnal, 1*(2), 130–144.
- Yadov, V. A. (1975). O dispozitsionnoi regulyatsii sotsial'nogo povedeniya lichnosti [On dispositional regulation of social behavior of personality]. In *Metodologicheskie problemy sotsial'noi psikhologii* [Methodological problems of social psychology] (pp. 89–106). Moscow: Nauka.
- Zharova, E. N. (2010). *Sravnitel'nyi analiz individualisticheskikh i kollektivisticheskikh tsnemostnykh orientatsii kak sotsial'no-psikhologicheskikh kharakteristik molodezhi (na primere urbanizirovannoi i neurbanizirovannoi sredy)* [Comparative analysis of individualistic and collectivistic value orientations as socio-psychological characteristics of young people (in urban and rural area)] (Extended abstract of Ph.D. dissertation, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow).

Dmitry I. Dubrov — postgraduate student, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, intern researcher, International Scientific-Educational laboratory for Socio-Cultural Research, Expert Institute, National Research University Higher School of Economics.
E-mail: ddubrov@hse.ru

Alexander N. Tatarko — associate professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, senior researcher, International Laboratory for Socio-Cultural Research, National Research University Higher School of Economics, D.Sc.
E-mail: tatarko@yandex.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦЕННОСТЕЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У КОРЕЙСКИХ И РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Г. ЦОЙ^а, Н.М. ЛЕБЕДЕВА^а, А.Н. ТАТАРКО^а

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Резюме

В статье рассматриваются результаты изучения взаимосвязи ценностей и социально-экономических представлений корейских и российских студентов. Теоретическими основаниями исследования послужили выводы российских и зарубежных авторов в области социальной, экономической и кросс-культурной психологии, а также институциональной и поведенческой экономики. Для изучения ценностей использовалась теория индивидуальных ценностей Ш. Шварца (Schwartz et al., 2012), а также ряд работ, посвященных рассмотрению взаимосвязи культуры и экономики (Weber, 1978; Hofstede, 1980; Furnham, 1984; Inglehart, 1997; Журавлев, Купрейченко, 2007; Лебедева, Татарко, 2011). Цель исследования состояла в выявлении универсальных и культурно-специфических связей между индивидуальными ценностями и социально-экономическими представлениями российских и корейских студентов. Испытуемыми были студенты в возрасте от 14 до 30 лет (157 корейцев и 211 россиянин), проживающие в Сеуле (Республика Корея) и Москве (Россия) соответственно. Социально-психологический опрос проводился методом «снежного кома», содержание опросников на двух языках было идентичным. Корейская версия опросника была переведена и адаптирована в соответствии с требованиями кросс-культурной психологии – Think-aloud (Ericsson, Simon, 1980). Результаты опроса обрабатывались с помощью SPSS и приложения AMOS (эксплораторный факторный анализ и моделирование структурными уравнениями). В исследовании было показано, что существуют универсальные связи ценностей Открытость изменениям с позитивным Отношением к конкуренции и связи ценностей Самопреодоление с Удовлетворенностью материальным положением и Значимостью денег. А также выявлена культурно-специфическая связь между блоком ценностей Открытость изменениям и позитивным отношением к конкуренции у россиян и корейцев: позитивная и негативная связи соответственно. Полученные результаты и выводы исследования могут быть использованы при подготовке рекомендаций в сфере кросс-культурного бизнес-консультирования.

Ключевые слова: индивидуальные ценности, экономические представления, кросс-культурная психология.

Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Введение

Рассмотрение проблем, связанных с влиянием культурных и психологических факторов на экономическое поведение людей и социально-экономическое развитие стран, является в настоящее время чрезвычайно актуальным (Hofstede, 1980; Inglehart, 1997; Лебедева, Татарко, 2011).

Экономическое поведение личности понимается психологами как особый вид социального поведения, и интерес исследователей смещается в область понимания социально-психологических регуляторов этой области жизнедеятельности: ценностей, норм, установок, стереотипов, атрибутивных процессов (Cherryngton, 1980; Vagozzi et al., 2002). Изучая нынешнее постиндустриальное общество, зарубежные и отечественные исследователи пришли к выводу, что культура влияет на экономическое поведение человека, а также на экономическое развитие в целом (Weber, 1978; Inglehart, 1997). В этой связи встает необходимость поиска культурно-универсальных и культурно-специфических факторов, влияющих на экономическое поведение. Сегодня в социальной психологии и смежных науках предложен ряд теоретико-эмпирических подходов к измерению культурно-психологических особенностей индивида (Hofstede, 1980; Inglehart, 1997; Schwartz, 2003; Leung, Bond, 2004).

С ужесточением санкций западных стран против России становится все более перспективной и крайне необходимой переориентация России на экономическое, политическое, военное, научное и культурное сотрудничество со странами Дальнего Востока —

«Разворот на Восток» (Караганов, 2014), в том числе и с Южной Кореей. В дальнейшем результаты и выводы исследования могут быть использованы при разработке рекомендации по формированию экономической политики России и Южной Кореи, а также при осуществлении сопровождения социально-экономической адаптации личности к иной социокультурной и экономической среде в данных странах.

Цель нашего поискового исследования состояла в выявлении и описании универсалий и специфики влияния ценностей на социально-экономические представления россиян и корейцев.

Социально-экономические представления личности

При рассмотрении роли сознания человека в процессе принятия экономического решения в социальной психологии используются термины «экономическое представление» и «экономические установки» как составляющие экономического сознания личности (Журавлев, Купрейченко, 2005).

Исследование психологических факторов социального и экономического поведения в зарубежной и отечественной литературе имеет большую историю. Среди зарубежных исследований можно привести кросс-культурный сравнительный анализ страхового поведения канадцев и американцев (Wharton, Hartmatz, 1989), сравнительный анализ восприятия роли различных сфер услуг в США и Нидерландах (Goodwin, Verhage, 1989), сравнительное исследование отношения к налого-

обложению в Италии и Великобритании (Lewis et al., 2009).

В России в лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН было проведено множество эмпирических исследований (Журавлев, Купрейченко, 2005, 2007) по изучению взаимосвязи экономического сознания и других социально-экономических характеристик населения, способствующих в конечном итоге развитию экономики. Особое внимание уделялось исследованию отношения личности к деньгам (Горбачева, Купрейченко, 2006).

При изучении отношения к деньгам О.С. Дейнека и другие ученые используют такие понятия, как представления о деньгах, образ денег (Дейнека, 2000), денежные аттитюды и установки (Фенько, 2000).

Результаты исследования монетарных аттитюдов, проведенных А. Фернамом, выявили шесть ортогональных факторов: зависимость, власть — использование, планирование, безопасность — консерватизм, неадекватность, усилие — способность (Furnham, 1984). Автор пришел к выводу, что нерациональные потребители склонны видеть в деньгах способ решения проблем и чаще рассматривают деньги как основание для сравнения себя с другими людьми. Также они используют деньги для повышения самооценки, социального статуса, власти, при этом они, как правило, не удовлетворены своим финансовым положением.

В рамках настоящего исследования в качестве предикторов мы будем использовать набор социально-экономических представлений и монетарных аттитюдов в рамках

исследовательской работы коллектива Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований НИУ «Высшая школа экономики» на российской выборке: экономическая самостоятельность, экономический патернализм, удовлетворенность материальным благосостоянием, тревожность из-за денег, использование денег для управления другими людьми, сохранение-сбережение денег, контроль денег, недостаточность денег, связь действий-усилий с деньгами, а также позитивное представление конкуренции, готовность к риску (Лебедева, Татарко, 2011, с. 134–150).

Ценности и социально-экономические представления

Экономическое поведение определяется не только рациональным расчетом, но и разными психологическими факторами, в числе которых находятся ценности индивидов. Ценности являются важной составляющей в содержании культуры, которая может объяснять экономическое развитие, экономические установки (Лебедева, Татарко, 2011), поведение людей в сфере экономики — отношение к труду (Schwartz, 1992).

Как отмечают Шварц и Билски, ценности являются достаточно надежным средством для определения и предсказания собственного и чужого поведения (Schwartz, Bilsky, 1990).

В своих исследованиях Ш. Шварц разработал новый теоретический и методологический подход к изучению ценностей, где выделил 10 ценностей (Schwartz, 1992), которые представляют собой мотивационный континуум. Позже он предложил новый

методологический подход к исследованию культур через призму уточненной теории базовых индивидуальных ценностей (с 19 ценностями), которые «фиксируют значимые различия мотиваций на континууме ценностей» (Schwartz et al., 2013). В нашем исследовании используются блоки ценностей и 19 ценностей уточненной теории.

Хотя ценности универсальны, ценностные приоритеты в различных культурах разные. Поэтому интересно исследовать, как связаны одинаковые ценности с одинаковыми социально-экономическими представлениями в разных культурах, в частности, в российской и корейской, так как ценностные приоритеты в этих культурах различаются.

Методика

Характеристики выборки. В исследовании приняли участие 375 респондентов. Характеристики выборки представлены в таблице 1.

Методики исследования. Для выявления индивидуальных ценностей и социально-экономических представлений московских и сеульских студентов использовались следующие методики на русском и корейском языках.

Методики оценки социально-экономических представлений личности

1. «Отношение к конкуренции» оценивалось с помощью соответствующего вопроса по 10-балльной шкале из WVS «Всемирного обзора ценностей» («Конкуренция вредна: она побуждает у людей их худшие качества» — «Конкуренция — это хорошо. Она побуждает людей напряженно работать и развивать новые идеи»).

2. Установка на «Экономическую самостоятельность». В исследовании по 10-балльной шкале оценивались экономическая самостоятельность и патернализм, где «1» — респондент склонен к патерналистскому обществу и полностью согласен с мнением «Правительство должно нести больше ответственности за то, чтобы все граждане были обеспечены», а «10» — с мнением «Люди должны сами себя обеспечивать и не надеяться на правительство».

3. Удовлетворенность материальным положением. Данное представление измерялось по 5-балльной шкале, оценивался уровень материального благосостояния респондента («Меня устраивает уровень моего материального благосостояния»).

4. Готовность к риску. Данный показатель измерялся по 5-балльной

Таблица 1

Половозрастной состав выборки

Группа	N	Пол				Возраст		
		муж.	%	жен.	%	min	max	M
Россияне	211	72	34.1	139	65.9	14	30	20.2
Корейцы	157	71	45.2	86	54.8	17	30	23.1
Всего	368	143	38.9	225	61.1	14	30	21.5

шкале, оценивались два измерения готовности к риску:

а) психологическая готовность к риску («Люди, которые знают меня, считают, что я осторожен»);

б) готовность к риску в инвестиционном поведении («Я больше предпочитаю банковские депозиты, чем рискованные инвестиции»).

5. Установка по отношению к деньгам. В исследовании по 5-балльной шкале оценивалось отношение к деньгам с помощью девяти шкал адаптированного опросника А. Фернама (см.: Лебедева, Татарко, 2011, с. 141–143), которые в последующем факторном анализе измеряются по трем признакам: значимости, внимательному отношению и тревожности к деньгам (например, «Мои деньги — это единственное, на что я могу рассчитывать»).

Методика измерения индивидуальных ценностей Ш. Шварца PVQ-R (Schwartz et al., 2012)

Индивидуальные ценности рассматривались в рамках четырех блоков ценностных ориентаций: *Сохранение*, *Открытость изменениям*, *Самоутверждения* и *Самопреодоление*. Опросник на корейском языке был предоставлен автором методики Ш. Шварцем. Опросник был переведен и адаптирован психологами Католического университета Кореи (Choi, Lee, 2014).

Описание результатов

В ходе рассмотрения и изучения вопросов, связанных с социально-экономическими представлениями, мы провели эксплораторный фак-

торный анализ данных девяти шкал, определяющих отношение к богатству, и получили три фактора: «Значимость денег», «Внимательное отношение к деньгам» и «Финансовая пунктуальность» (см. таблицу 2).

Полученные факторы, характеризующие отношение к деньгам, далее будут использованы как зависимые переменные.

Графическое представление модели значимых связей блоков ценностей и социально-экономических представлений россиян и корейцев показаны на рисунках 1 и 2 соответственно. Характеристики моделей представлены в таблице 3.

Характеристики моделей показывают, что построенные модели удовлетворяют требованиям ($1 < \text{CMIN}/df < 3$; $\text{CFI} > .90$; $\text{RMSEA} < .100$; $\text{PCLOSE} > .05$; $\text{SRMR} < .09$) (Hu, Bentler, 1999), предъявляемым результатам структурного моделирования.

Результаты проведенного анализа показывают, что универсальными для данных двух групп оказываются позитивные связи блока ценностей *Самоутверждения* со значимостью денег и негативные — с удовлетворенностью материальным положением. Выявлена культурно-специфическая связь блока ценностей *Открытость изменениям* и позитивного отношения к конкуренции.

Обсуждение результатов

Как уже было сказано, в связи блока ценностей *Открытость изменениям* с позитивным отношением к конкуренции выявлена культурная специфика: у россиян — связь позитивная, а у корейцев — негативная. Данный результат может быть про-

Таблица 2

**Результаты эксплораторного факторного анализа вопросов, направленных на оценку
монетарных аттитюдов личности**

Факторы	Утверждения	Россияне		Корейцы	
		Вес	%	Вес	%
F1. Значимость денег	Мои деньги — это единственное, на что я могу рассчитывать	.619	2.43 (26.95)	.520	2.09 (23.21)
	Деньги дают человеку большую власть	.687		.763	
	Я постоянно беспокоюсь о своем финансовом положении (обр.)	-.573		-.622	
	Ради денег я готов практически на все в рамках закона	.786		.678	
F2. Внимательное отношение к деньгам	Я всегда знаю почти до копейки, сколько денег у меня в кошельке или в кармане	.754	1.51 (16.72)	.852	1.51 (16.75)
	Я всегда знаю, сколько денег лежит на моем счете в банке	.853		.879	
F3. Финансовая тревожность	Я часто испытываю затруднения, принимая решения о трате денег независимо от суммы	.735	1.08 (12.00)	.799	1.32 (14.67)

Примечание. Вес — вес утверждения, % — процент объясняемой дисперсии и вес фактора.

Таблица 3

Показатели соответствия модели: влияние блоков ценностей на социально-экономические представления для россиян и корейцев

Группа	χ^2	df	CMIN/df	CFI	RMSEA	PCLOSE	SRMR
Россияне	43.28	23	1.882	.912	.065	.191	.0619
Корейцы	17.54	13	1.349	.961	.047	.483	.0680

интерпретирован следующим образом. Корея — это коллективистская культура, в которой каждый должен идеально вписаться в матрицу правил, норм и законов, и, как правило, если кореец попытается пойти про-

тив общества, то он станет его изгоем (Choi, 2001), т.е. корейцы более подвержены конформизму и ни при каких обстоятельствах не должны стремиться к самостоятельности.

Рисунок 1

Модель влияния блоков ценностей на социально-экономические представления в группе россиян

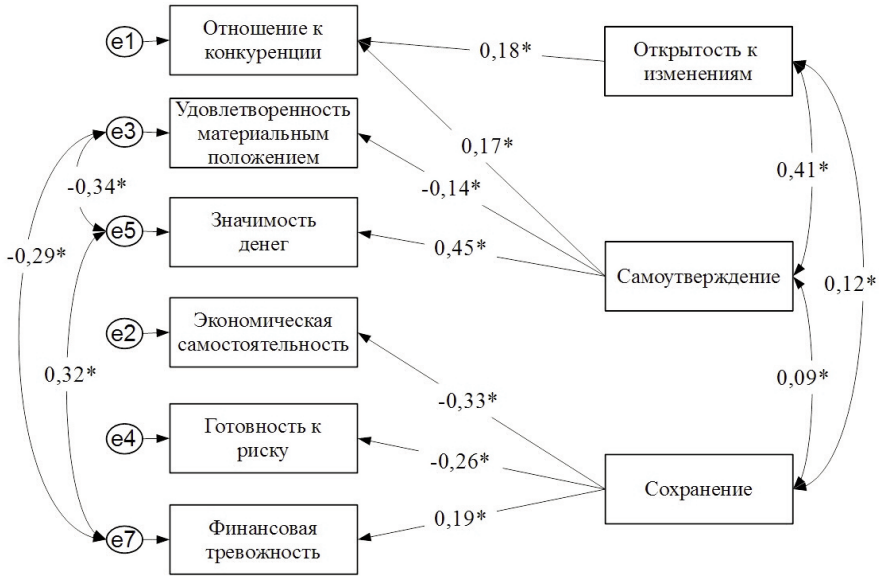
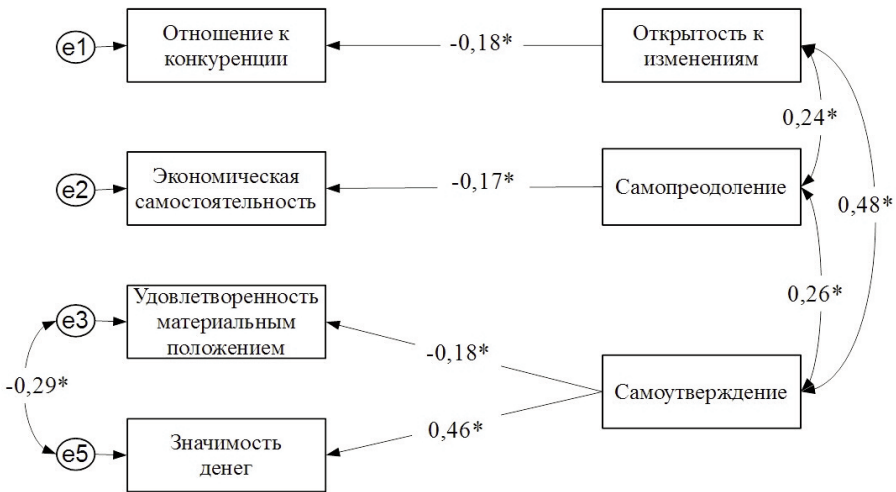

Рисунок 2

Модель влияния блоков ценностей на социально-экономические представления в группе корейцев

Что касается влияния блока ценностей *Самоутверждение*, то здесь ценности оказывают положительное влияние на значимость денег и негативное — на удовлетворенность материальным положением в обеих группах. Это значит, что среди людей, принадлежащих к этим обществам, распространено представление о том, что для занятия высокой позиции в обществе необходимы власть и деньги, что может стать объяснением первой связи. Также при стремлении к власти и успеху людям нужны дополнительные усилия и средства: повышение квалификации, средства для инвестиций и т.д. В модели для группы корейцев блок ценностей *Самопреодоление* показал негативную связь с установкой на экономическую самостоятельность. Это может быть обусловлено особенностями мировоззрения конфуцианской Кореи, где стремление к богатству считается несовместимым с ценностями, входящими в блок *Самопреодоление* (благожелательность — чувство долга, благожелательность — забота, универсализм — забота о других, универсализм — забота о природе и универсализм — толерантность). Кроме того, возможно, что в нашей выборке корейцы, являющиеся студентами, пока еще не вступили в самостоятельную экономическую жизнь, для них достижение материального благополучия и среднего уровня жизни невозможно без опеки государства.

Значимых связей между блоком ценностей *Сохранение* и экономическими представлениями у корейцев не обнаружено. Ценности данного

блока показали значимую связь с экономической самостоятельностью, готовностью к риску и финансовой тревожностью у россиян. Российские студенты оказались более склонны к патернализму, более обеспокоены финансовым состоянием и меньше готовы рисковать.

Выводы

Были выявлены связи ценностей и характеристик экономического поведения в обеих группах.

- В группе россиян блок ценностей *Открытость к изменениям* положительно связан с позитивным отношением к конкуренции. Ценности *Самоутверждения* положительно связаны со значимостью денег и позитивным отношением к конкуренции, отрицательно — с удовлетворенностью материальным положением. Ценности *Сохранения* имеют положительную связь с финансовой тревожностью, негативную связь — с готовностью к риску и экономической самостоятельностью.

- В группе корейцев блок ценностей *Открытость к изменениям* имеет лишь единственную негативную связь с позитивным отношением к конкуренции. Блок ценностей *Самоутверждение* позитивно связан со значимостью денег и негативно — с удовлетворенностью материальным положением. Блок ценностей *Самопреодоление* негативно связан с экономической самостоятельностью.

Была выявлена культурно-специфическая связь позитивного отношения к конкуренции и блока ценностей *Открытость к изменениям*.

Литература

- Горбачева, Е. И., Купрейченко, А. Б. (2006). Отношение личности к деньгам: нравственные противоречия в оценках и ассоциациях. *Психологический журнал*, 27(4), 26–37.
- Дейнека, О. С. (2000). *Экономическая психология*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета.
- Журавлев, А. Л., Купрейченко, А. Б. (2005). *Проблемы экономической психологии*. М.: Издательство «Институт психологии РАН».
- Журавлев, А. Л., Купрейченко, А. Б. (2007). *Экономическое самоопределение: Теория и эмпирические исследования*. М.: Издательство «Институт психологии РАН».
- Караганов, С. (2014, 26 августа). Вперед к Великому океану. *Российская газета*, с. 4. Режим доступа: <http://rg.ru/2014/08/26/usilenie.html>
- Лебедева, Н. М., Татарко, А. Н. (2011). *Ценности культуры и модели экономического поведения*. М.: Спутник.
- Фенько, А. Б. (2000). Проблема денег в зарубежных психологических исследованиях. *Психологический журнал*, 21(1), 50–62.
- Bagozzi, R., Gurhan-Canli, Z., & Priester, J. (2002). *The social psychology of consumer behaviour*. Buckingham, UK: Open University Press.
- Cherrington, D. J. (1980). *The work ethic*. New York: American Management Association.
- Choi, K. W. (2001). A merged government ministry through organizational culture: A interpretative approach based on schema. *Review of Public Administration*, 35(3), 127–145. (на кор. яз.)
- Choi, J. W., & Lee, Y. H. (2014). Validation of the Korean version of the Portrait Values Questionnaire-Revised (PVQ-R). *The Korean Journal of Psychology*, 33(3), 553–593.
- Ericsson, K. A., & Simon, H. A. (1980). Verbal reports as data. *Psychological review*, 87(3), 215–251.
- Furnham, A. (1984). Many sides of the coin: The psychology of money usage. *Personality and Individual Differences*, 5(5), 501–509.
- Goodwin, C., & Verhage, B. J. (1989). Role perceptions of services: a cross-cultural comparison with behavioral implications. *Journal of Economic Psychology*, 10(4), 543–558.
- Hofstede, G. (1980). *Culture's consequences: International differences in work-related values*. Beverly Hills, CA: Sage.
- Hu, L. T., & Bentler, P. M. (1999). Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*, 6(1), 1–55.
- Inglehart, R. (1997). *Modernization and postmodernization: Cultural, economic, and political change in 43 societies* (Vol. 19). Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Leung, K., & Bond, M. H. (2004). Social axioms: A model for social beliefs in multicultural perspective. *Advances in Experimental Social Psychology*, 36, 119–197.
- Lewis, A., Carrera, S., Cullis, J., & Jones, P. (2009). Individual, cognitive and cultural differences in tax compliance: UK and Italy compared. *Journal of Economic Psychology*, 30(3), 431–445.
- Schwartz, S. H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology*, 25(1), 1–65.
- Schwartz, S. H. (2003). A proposal for measuring value orientations across nations. In Questionnaire Development Package of the European Social Survey (pp. 259–319).
- Schwartz, S. H. (2014). Rethinking the concept and measurement of societal culture in light of empirical findings. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 45(1), 5–13.

- Schwartz, S. H., & Bilsky, W. (1990). Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and cross-cultural replications. *Journal of Personality and Social Psychology*, 58(5), 878.
- Weber, M. (1978). *Economy and society: An outline of interpretive sociology*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Wharton, J. D., & Hartzel, H. R. (1989). An exploratory investigation of how cultural attitudes relate to life insurance holdings: A cross-cultural comparison. *Journal of Economic Psychology*, 10(2), 217–227.

Цой Гунвон — аспирант, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Сфера научных интересов: ценности, экономические представления, адаптация.

Контакты: gchoi@hse.ru

Лебедева Надежда Михайловна — профессор, департамент психологии, факультет социальных наук, и заведующая лабораторией, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Экспертный институт, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доктор психологических наук.

Контакты: nlebedeva@hse.ru

Татарко Александр Николаевич — доцент, департамент психологии, факультет социальных наук, ведущий научный сотрудник, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Экспертный институт, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доктор психологических наук.

Контакты: tatarko@yandex.ru

The Relationship between Values and Socio-Economic Attitudes among Korean and Russian Students

K. Choi^a, N.M. Lebedeva^a, A.N. Tatarko^a

^a National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnikskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

The article reviews the results of the study on the interaction of values and socio-economic views of Korean and Russian students. The theoretical basis for the research is the works by Russian and foreign authors in social, economic and cross-cultural psychology, as well as in institutional and behavioral economy. The theory of individual values by S. Schwartz was used for the study on values (Schwartz et al., 2012), as well as some works on interaction of culture and economy (Weber, 1978; Hofstede, 1980; Furham, 1984; Inglehart, 1997; Zhuravlev, Kupreychenko, 2007; Lebedeva, Tatarko, 2011). The objective of the research was the detection of universal and culture-specific correlations between individual values and socio-economic views of Russian and Korean students. The subjects were students of 14 to 30 years of age (157 Koreans and 211 Russians), living in Seoul (Republic of Korea) and Moscow (Russia) correspondingly. Socio-psychological survey was administered with the method of “snowball”, the content of the questionnaires in two languages was identical. The Korean version of the questionnaire was translated and adapted in accordance with the requirements of cross-cultural psychology – Think-aloud (Ericsson & Simon, 1980; Someren, Barnard, Sandberg, 1994). The results of the survey were calculated with SPSS and AMOS (exploratory factor analysis and structural equation modeling). The research showed that there are universal correlations of values Openness to Change with Positive attitude toward competition and between Self-transcendence and Satisfaction with material status and Importance of money. Also cultural-specific correlation was found between the block of values Openness to Change and Positive attitude toward competition in Russians and Koreans – which was positive and negative correspondingly. The acquired results and findings of the research can be used in drafting of recommendations in the sphere of cross-cultural business-consulting.

Keywords: individual values, economic attitudes, cross-cultural psychology.

References

- Bagozzi, R., Gurhan-Canli, Z., & Priester, J. (2002). *The social psychology of consumer behaviour*. Buckingham, UK: Open University Press.
- Cherrington, D. J. (1980). *The work ethic*. New York: American Management Association.
- Choi, K. W. (2001). A merged government ministry through organizational culture: A interpretative approach based on schema. *Review of Public Administration*, 35(3), 127–145. (на кор. яз.).
- Choi, J. W., & Lee, Y. H. (2014). Validation of the Korean version of the Portrait Values Questionnaire-Revised (PVQ-R). *The Korean Journal of Psychology*, 33(3), 553–593.

- Deineka, O. S. (2000). *Ekonomicheskaya psikhologiya* [Economic psychology]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press.
- Ericsson, K. A., & Simon, H. A. (1980). Verbal reports as data. *Psychological Review*, 87(3), 215–251.
- Furnham, A. (1984). Many sides of the coin: The psychology of money usage. *Personality and Individual Differences*, 5(5), 501–509.
- Goodwin, C., & Verhage, B. J. (1989). Role perceptions of services: a cross-cultural comparison with behavioral implications. *Journal of Economic Psychology*, 10(4), 543–558.
- Gorbacheva, E. I., & Kupreychenko, A. B. (2006). The attitude of the person to money: Moral contradictions in estimations and associations. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 27(4), 26–37.
- Hofstede, G. (1980). *Culture's consequences: International differences in work-related values*. Beverly Hills, CA: Sage.
- Hu, L. T., & Bentler, P. M. (1999). Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*, 6(1), 1–55.
- Inglehart, R. (1997). *Modernization and postmodernization: Cultural, economic, and political change in 43 societies* (Vol. 19). Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Karaganov, S. (2014, August 26). Vpered k Velikomou okeanu [Ahead to the Great Ocean]. *Rossiiskaya Gazeta*, p. 4. Retrieved from <http://rg.ru/2014/08/26/usilenie.html>
- Lebedeva, N. M., & Tatarko, A. N. (2011). *Tsennosti kul'tury i modeli ekonomicheskogo povedeniya* [Cultural values and models of economic behavior]. Moscow: Sputnik.
- Leung, K., & Bond, M. H. (2004). Social axioms: A model for social beliefs in multicultural perspective. *Advances in Experimental Social Psychology*, 36, 119–197.
- Lewis, A., Carrera, S., Cullis, J., & Jones, P. (2009). Individual, cognitive and cultural differences in tax compliance: UK and Italy compared. *Journal of Economic Psychology*, 30(3), 431–445.
- Schwartz, S. H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology*, 25(1), 1–65.
- Schwartz, S. H. (2003). A Proposal for Measuring Value Orientations across Nations. Chapter 7 in the Questionnaire Development Package of the European Social Survey (pp. 259–319).
- Schwartz, S. H. (2014). Rethinking the concept and measurement of societal culture in light of empirical findings. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 45(1), 5–13.
- Schwartz, S. H., & Bilsky, W. (1990). Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and cross-cultural replications. *Journal of Personality and Social Psychology*, 58(5), 878.
- Weber, M. (1978). *Economy and society: An outline of interpretive sociology*. Berkeley: University of California Press.
- Wharton, J. D., & Harmatz, H. R. (1989). An exploratory investigation of how cultural attitudes relate to life insurance holdings: A cross-cultural comparison. *Journal of Economic Psychology*, 10(2), 217–227.
- Zhuravlev, A. L., & Kupreychenko, A. B. (2005). *Problemy ekonomicheskoi psikhologii* [Issues of economic psychology]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Zhuravlev, A. L., & Kupreychenko, A. B. (2007). *Ekonomicheskoe samoopredelenie: Teoriya i empiricheskie issledovaniya* [Economic self-determination: Theory and empirical research]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.

Keunwon Choi — postgraduate student, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics.
Research area: values, economic representation, adaptation.
E-mail: gchoi@hse.ru

Nadezhda M. Lebedeva — professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, laboratory head, International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research, Expert Institute, National Research University Higher School of Economics, D.Sc.
E-mail: nlebedeva@hse.ru

Alexander N. Tatarko — associate professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, senior researcher, International Laboratory for Socio-Cultural Research, National Research University Higher School of Economics, D.Sc.
E-mail: tatarko@yandex.ru

Статьи

ФУНКЦИИ ЛИЧНОСТНЫХ РЕСУРСОВ В СИТУАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Т.Ю. ИВАНОВА^а, Д.А. ЛЕОНТЬЕВ^а, Е.И. РАССКАЗОВА^{а,б}

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

^б *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1*

Резюме

Работа посвящена выявлению вклада личностных ресурсов (смысложизненных ориентаций, оптимизма, жизнестойкости, толерантности к неопределенности, самоэффективности) в динамику субъективного благополучия в условиях экономического кризиса. Личностные ресурсы выполняют в ситуации экономического кризиса фильтрующую и буферную функции, опосредуя как оценку человеком влияния кризиса на его жизнь, так и то, каким образом оценка кризиса сказывается на изменении субъективного благополучия через год. 126 взрослых жителей Москвы участвовали в исследовании отношения к кризису, личностного потенциала и субъективного благополучия в разгар экономического кризиса в мае–июне 2009 г.; через 14–16 месяцев у 86 человек из первоначальной выборки повторно оценивался уровень субъективного благополучия. Было показано, что оценка кризиса как повлиявшего на жизнь в большей степени связана с личностными ресурсами, чем с социодемографическими факторами. Выраженность фильтрующей функции не одинакова: если для осмысленности жизни и копинг-стратегии самоконтроля она подтверждается полностью, то относительно оптимизма, жизнестойкости и копинг-стратегии «планирование» она выражена лишь на уровне тенденции. Буферная функция выражена в большей степени, чем фильтрующая, и выявлена как для каждого ресурса в отдельности, так и для интегрального показателя личностных ресурсов (ИРЛ). Однако буферная функция ИРЛ была выявлена лишь в отношении динамики удовлетворенности жизнью, но не витальности: при низком уровне ИРЛ удовлетворенность жизнью через год значительно более зависит от оценки кризиса, чем при высоком уровне; более того, при высоком уровне личностного потенциала удовлетворенность жизнью при втором замере «парадоксально» выше у тех, кто считает, что кризис повлиял на их жизнь.

Ключевые слова: личностные ресурсы, субъективная оценка влияния экономического кризиса, буферная функция личностных ресурсов, динамика субъективного благополучия.

Все бóльшую популярность в науках о человеке приобретает взгляд, согласно которому полноценный анализ и понимание долгосрочных эффектов экономических и политических явлений требуют учета социальных и психологических процессов, которые развиваются на их фоне (Sirgy et al., 2006). С этой точки зрения экономический кризис может выступать как *модель* долгосрочной ситуации, связанной с объективными изменениями в жизни людей (потеря работы, снижение уровня финансового благополучия и т.п.), угрозой возможных изменений (вследствие экономической нестабильности) и выбором как личностной позиции по отношению к кризису (например, «поддаваться ли панике»), так и стратегий совладания с возможным стрессом.

О важной роли субъективной оценки кризиса и ожиданий от будущего в финансовом поведении свидетельствуют и экономические исследования кризиса 2008–2009 гг. в России (Ибрагимова, Кузина, 2009), который выступал в качестве эмпирической модели и в нашем исследовании: хотя ожидания и представления людей не полностью соответствуют их реальным заработкам, они связаны с готовностью к тратам и изменениям в поведении с течением времени.

Следует отметить, что идея использования нестабильной внешней ситуации как модели психологического стресса и кризиса, своеобразного «естественного эксперимента» не нова (например: Maddi, 1987). Ее теоретические основания восходят, с одной стороны, к транзактной модели стресса, учитывающей роль оцен-

ки, в том числе предвосхищающей, сложившейся ситуации и ресурсов, доступных для совладания (Lazarus, 2006; Folkman et al., 1979). С другой стороны, немаловажный вклад в модели такого рода внесли гуманистическая и экзистенциальная традиции, в перспективе которых жизненная ситуация рассматривается как ставящая своеобразный «вопрос» перед человеком о нем самом, а человек выбирает: «слышать» и «выдерживать» эти вопросы (Тиллих, 1995; Франкл, 1990), — что может приводить к актуализации и развитию принципиально новых возможностей (например, см. понятие «трансформационное совладание» — Maddi, 2001). В отечественной психологии характерным примером является концепция Ф.Е. Василюка (1984), который определяет критическую ситуацию как ситуацию невозможности реализации внутренних потребностей своей жизни (мотивов, стремлений, ценностей и пр.). В крайнем своем проявлении такого рода ситуации требуют участия личностной рефлексии и пересмотра психологических оснований своей деятельности (Зейгарник и др., 1989). В целом это указывает на возможность положительной функции кризисных ситуаций в жизни человека и ключевую роль личностных факторов в понимании и переживании трудных жизненных ситуаций.

Традиционно личностные ресурсы рассматриваются в контексте совладания как обеспечивающие возможность успешного преодоления стрессов и совладания с жизненными трудностями (Baltes, 1987; Бодров, 2000; Лазарус, 1970; Maddi, Koshala, 1984; Hobfoll, 2011; Муздыбаев, 1998;

Крюкова, 2004), как средства (инструменты), используемые для трансформации взаимодействия со стрессогенной ситуацией, способствующие психологической устойчивости (Водопьянова, 2009). Существующие эмпирические данные свидетельствуют в пользу важной роли личностных ресурсов в сохранении психологического благополучия в стрессогенных ситуациях: проблемы, связанные с трудовой деятельностью (Демин, 2004; Cole et al., 2009); материальная недостаточность (Муздыбаев, 2001); экономическая нестабильность и депривация (Shteyn et al., 2003); последствия природных катастроф (Benight, Harper, 2002; Ironson et al., 1997) и др.

Например, по данным 4-летнего лонгитюдного исследования (Holan, Moos, 1991), вклад личностных (уверенность в себе, готовность к действиям) и социальных (поддержка со стороны семьи) ресурсов в снижении уровня депрессии зависит от стрессогенности ситуации: при низком уровне стресса влияние прямое, при высоком — в качестве медиатора этой связи выступают адаптивные копинг-стратегии. Позже данный эффект получил поддержку в отношении социальных изменений (Gruner, Pinqart, 2011): оптимизм и социальная поддержка предотвращают развитие депрессивных симптомов в условиях повышенных социальных требований (на работе, в семье, в общении). А исследование психологических последствий экономической нестабильности для российских женщин (Shteyn et al., 2003) показало, что потери в результате экономического кризиса связаны с повышением психологического стресса

как напрямую, так и косвенно — их влияние выше при низком уровне компетентности и воспринимаемой социальной поддержки.

Следует отметить, что к настоящему времени в психологии личности накоплен широкий круг эмпирических данных, показывающих, что личностные ресурсы выступают не только в качестве предикторов, а в качестве модераторов и медиаторов, опосредствуя связь между стрессогенными событиями и психологическим состоянием человека (Wise, Stake, 2002; Xanthopoulou et al., 2007; Luthans et al., 2008; Mastenbroek, 2014). Описаны различные эффекты, которые личностные ресурсы оказывают на психологическое благополучие, выполняя роль регуляторов различных процессов: оценки (например, благодаря личностным ресурсам стрессогенная ситуация оценивается как не угрожающая, а возможности совладания — как достаточные, что препятствует развитию стресса) (Jerusalem, Schwarzer, 1992; Schwarzer, 1999), контроля и управления поведением, от их уровня зависит реакция на стресс и особенности совладания (например, личностные ресурсы способствуют использованию в условиях стресса адаптивных копинг-стратегий — Thoits, 1994; Baumeister et al., 2007; Сергиенко, 2009), предотвращения от стрессов, поддержания психологического благополучия и предотвращения его снижения (Shteyn et al., 2003; Turner et al., 2004; Benight, Harper, 2002; Cole et al., 2009; Culbertson et al., 2010).

Данная работа посвящена исследованию функций личностных ресурсов в ситуации экономического

кризиса. *Целью* нашего исследования является изучение функциональной роли личностных ресурсов в ситуации угрозы благополучию (на модели экономического кризиса).

Предметом исследования являются функции, которые выполняют личностные ресурсы в поддержании психологического благополучия при столкновении со стрессовой ситуацией, вызванной экономическим кризисом.

В рамках данной статьи мы рассмотрим две функции личностных ресурсов, которые назовем: фильтрующая и буферная — в соответствии с той ролью, которую они выполняют относительно психологического благополучия.

Фильтрующая функция. Личностные ресурсы участвуют в процессе когнитивной оценки степени влияния кризиса, за счет придания личностного смысла ситуации. Сами по себе они не несут оценку, а способствуют коррекции информации на входе, выполняя функцию «фильтра». В стрессогенной ситуации они способствуют оценке ситуации как менее угрожающей (и в отношении текущей ситуации, и в отношении ее развития в будущем), а также оценке своих ресурсов, необходимых, чтобы справиться с кризисом, как достаточных. При этом доминирующий вектор влияния будет различаться для разных конструкторов. В частности, оптимизм в большей степени связан с оценкой будущего и характеризуется предрасположенностью к позитивной переоценке событий, жизнестойкость связана с оценкой происходящих событий, самоэффективность — с оценкой собственной способности совладать с происходя-

щими событиями и способности к эффективной деятельности. Фильтрующая функция является, в частности, и защитной, так как проявляется в снижении чувствительности и уязвимости к проблеме кризиса, в результате чего эта потенциальная проблема не только отсутствует в сознании человека (отрицается), но и не проявляется в каких-либо нарушениях его жизнедеятельности и эмоционального состояния.

Буферная функция. Личностные ресурсы препятствуют развитию стресса и предотвращают снижение психологического благополучия под влиянием стрессогенных событий, связанных с экономическим кризисом. Так, широкий спектр негативных переживаний, связанных с экономическим кризисом (как по поводу произошедших, так и по поводу возможных в будущем изменений), приводит к снижению субъективного благополучия. Однако личностные ресурсы будут препятствовать ухудшению состояния в стрессогенных условиях; соответственно на эмпирическом уровне личностные ресурсы должны выступать в качестве модератора, опосредствующего вклад оценки влияния экономического кризиса в изменение субъективного благополучия с течением времени.

Таким образом, мы предполагаем, что:

1) личностные ресурсы выполняют фильтрующую функцию, опосредствуя субъективное восприятие степени влияния экономического кризиса на сознание и деятельность людей (гипотеза 1);

2) личностные ресурсы выполняют буферную функцию, поддерживая

психологическое благополучие и предотвращая его снижение. В случае ощущения влияния кризиса у респондентов с высокими показателями личностных ресурсов психологическое благополучие не изменится с течением времени в сравнении с теми, у кого показатели личностных ресурсов низкие (гипотеза 2).

Процедура и выборка

Исследование проводилось в два этапа. Первый этап проводился в течение двух месяцев (май–июнь) 2009 г. Жителям г. Москвы различных профессий, социального статуса, имеющим разный уровень достатка и качества жизни, предлагали принять участие в психологическом исследовании и заполнить тестовую батарею, состоящую из набора психологических методик и авторской анкеты. Количество участников первого этапа составило 127 человек, 60 мужчин и 67 женщин (средний возраст — 33 ± 8 лет). 62 человека (48%) состояли на момент исследования в браке, 16 человек (12%) — в разводе, 49 человек (38%) были холосты/не замужем. У 75 испытуемых (59%) не было детей, у 37 (29%) — был один ребенок, у 15 (11%) — два и более детей. Большинство респондентов работали в организациях частного сектора (79 человек, 62%); 18 (14%) занимались частным предпринимательством или были собственниками бизнеса; 8 (6%) человек были заняты в государственном секторе; 8 (6%) не работали или были на пенсии; 14 (11%) проходили курс обучения. Большинство респондентов были с высшим образованием (83 человека,

65%) или ученой степенью (21 человек, 16%). 61 человек (48%) оценивали финансовый достаток как средний, 51 человек (40%) — как низкий или относительно низкий, 15 испытуемых (11%) — как высокий. 27 респондентов отметили, что финансовое положение в их семье зависит полностью или в основном от них (21%), 44 человека (34%) — что частично от них, 56 (44%) — в незначительной степени или не зависит. Важно отметить, что эти ответы не зависели от финансового положения респондентов (по критерию Хи-квадрат Пирсона).

На втором этапе через 14–16 месяцев после первого тестирования, осенью 2010 г. участникам было предложено повторно заполнить несколько меньшую по объему батарею тестов. Из первоначальной выборки 15 человек отказались от участия в повторном опросе, 26 человек не удалось разыскать. Таким образом, во втором срезе выборка составила 86 человек (уровень ответов — 67%). С целью контроля фактора отказа от продолжения участия в исследовании проводилось сравнение возраста (t-критерий Стьюдента), пола, образования, семейного и финансового положения, количества детей, меры участия в финансовом положении семьи, профессии (Хи-квадрат Пирсона) у респондентов, продолживших участие в исследовании, и респондентов, не принимавших участия во втором этапе. Единственные различия касались профессии: не работающие респонденты практически все участвовали во втором срезе, и общее сокращение выборки произошло в основном за счет работающих. Таким образом, на

втором этапе выборка осталась достаточно репрезентативной по отношению к исходной.

Методический инструментарий

Первый этап исследования включал заполнение следующих инструментов.

А. Авторская анкета включала 15 вопросов с закрытым списком возможных ответов и использовалась для выявления социодемографических факторов и субъективной оценки изменений, произошедших в жизни испытуемых за последние полгода, а также влияния экономического кризиса на их жизнь. Первая часть включала 9 вопросов, касающихся возраста, пола, образования, финансового положения, вклада, который респондент вносит в семейный бюджет, семейного положения, наличия и количества детей, профессионального статуса. Вторая часть включала 6 вопросов, предположительно представляющих косвенные индикаторы благополучия:

1. Изменение профессиональных перспектив оценивалось при помощи вопроса: «За последние полгода ваши профессиональные перспективы (доходы, карьера, профессиональное образование)... заметно улучшились, слегка улучшились, не изменились, слегка ухудшились, заметно ухудшились».

2. Для оценки изменений в уровне доходов использовался следующий вопрос: «Ваши реальные доходы за последние полгода... заметно увеличились, слегка увеличились, не изменились, слегка уменьшились, заметно уменьшились».

3. Изменение в самочувствии оценивалось при помощи вопроса: «Последние полгода вы чувствуете себя... лучше, чем раньше; так же хорошо, как раньше; нормально, как всегда; так же плохо, как раньше; хуже, чем раньше».

4. Для оценки изменений в возможностях отдыха использовался вопрос: «В этом году ваши возможности отдыха... значительно лучше, чем раньше; немного лучше, чем раньше; такие же, как и раньше; немного хуже, чем раньше; сильно хуже, чем раньше».

5. Кроме того, в качестве индикатора благополучия был включен вопрос: «Количество употребляемого вами алкоголя (иных стимуляторов)... возросло, не изменилось, уменьшилось, никогда не употреблял».

6. Субъективная оценка влияния кризиса на жизнь проводилась при помощи вопроса: «На ваш взгляд, насколько экономический кризис повлиял на вашу жизнь... сильно повлиял, отчасти повлиял, вряд ли повлиял, никак не повлиял».

Б. Психодиагностические методики

1. *Шкала удовлетворенности жизнью* (SWLS; Diener et al., 1985; Осин, Леонтьев, 2008) — скрининговая методика оценки общей удовлетворенности жизнью.

2. *Опросник диспозиционной витальности* (Ryan, Frederick, 1997; Александрова, 2011), предназначенный для определения диспозиционной витальности как черты личности.

3. *Тест смысловых ориентаций* (СЖО; Леонтьев, 1992) направлен на диагностику различных аспектов переживания осмысленности жизни и включает пять субшкал:

цели в жизни, процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни, результативность жизни или удовлетворенность самореализацией, локус контроля — Я, локус контроля — жизнь или управляемость жизнью.

4. *Опросник толерантности к неопределенности* (MSTAT-I; McLain, 1993; Луковицкая, 1998) разработан для оценки толерантности к неопределенности как способности переносить неопределенные и неоднозначные ситуации.

5. *Тест диспозиционного оптимизма* (LOT; Scheier, Carver, 1985; Гордеева и др., 2010). Оптимизм — обобщенные ожидания того, что в будущем будут скорее происходить хорошие события, чем плохие; пессимизм — выраженность более негативных ожиданий относительно будущего.

6. *Тест жизнестойкости* (Maddi, Khoshaba, 2001; Леонтьев, Рассказова, 2006) направлен на диагностику системы диспозиций, способствующих преодолению стресса. Включает три шкалы: вовлеченность, контроль и принятие риска.

7. *Опросник общей самооффективности* (OOSE; Шварцер и др., 1996) измеряет общую уверенность в своих силах добиться поставленной цели.

8. *Опросник Способы совладающего поведения* (ССП; Lazarus, Folkman, 1984; Вассерман и др., 2009) включает восемь шкал, соответствующих следующим способам преодоления стресса: конфронтация, дистанцирование, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, избегание, планирование решения проблемы, положительная переоценка.

На втором этапе респонденты повторно отвечали на вопросы анкеты, а также заполняли шкалу удовлетворенности жизнью и опросник диспозиционной витальности с целью выявления изменения в их субъективном благополучии.

Переходя к операционализации конструктов личностных ресурсов и субъективного благополучия, следует сделать важную оговорку: поскольку изменения в уровне витальности и субъективного благополучия зависят от их исходного состояния, проводился дополнительный статистический контроль этих переменных с целью выявить независимый от него вклад личностных ресурсов в изменения удовлетворенности жизнью и витальности.

Результаты

Результаты первого замера

Субъективная оценка влияния кризиса и косвенные индикаторы неблагополучия

По данным первого замера, 13 респондентов (10.2%) считали, что кризис никак не повлиял на их жизнь, 24 человека (18.9%) — что вряд ли повлиял, 80 человек (63.0%) — отчасти повлиял и 10 человек (7.9%) — сильно повлиял. В связи с небольшим количеством респондентов в выделенных подгруппах в дальнейшем использовалось деление на две основные группы: считающих, что кризис повлиял на их жизнь (отчасти или сильно — 90 человек, 70.9%), и отрицающих его существенное влияние (37 человек, 29.1%).

Что касается косвенных индикаторов неблагополучия (таблица 1), в среднем респонденты отмечали ухудшение или неизменность финансовой ситуации и возможностей отдыха, улучшение или неизменность самочувствия. В отношении профессиональных перспектив ответы «ухудшились/улучшились/не изменились» распределились практически равномерно. Практически никто не указал на увеличение употребления алкоголя. По всем индикаторам, кроме употребления алкоголя, респонденты, ощущающие влияние кризиса, отмечали значимо более негативные изменения, нежели респонденты, не заметившие влияния кризиса на свою жизнь: они чаще говорили о негативных изменениях в профессиональных перспективах, финансовом благополучии и отдыхе и отмечали отсутствие изменения самочувствия (тогда как рес-

понденты, не заметившие влияния кризиса, были склонны говорить об улучшении самочувствия за последние полгода).

Социодемографические факторы субъективной оценки влияния кризиса

Субъективная оценка влияния кризиса на жизнь не зависела от пола, возраста, семейного положения, уровня образования, количества детей, вклада в финансовое благополучие семьи и финансового благосостояния. Однако она была связана с субъективными оценками финансового благополучия ($\chi^2 = 6.2$, $df = 2$, $p < .05$): так, о влиянии кризиса на свою жизнь говорили 68.6% респондентов, оценивших свое финансовое состояние как низкое, 78.7% из тех, кто оценил свое финансовое положение как среднее, и лишь 46.7% субъективно

Таблица 1

Изменения в косвенных индикаторах благополучия на последние полгода (субъективные оценки)

Косвенные индикаторы неблагополучия	Ухудшились (в отношении алкоголя – увеличились)	Не изменились	Улучшились (в отношении алкоголя – уменьшились)	Сравнение тех, кто ощутил влияние кризиса, и тех, кто не ощутил: χ^2 ($df = 2$)
Профессиональные перспективы	34 (26.8%)	46 (36.2%)	47 (37.0%)	7.1*
Доходы	59 (46.5%)	51 (40.2%)	17 (13.4%)	8.5*
Самочувствие	10 (7.9%)	85 (66.9%)	32 (25.2%)	9.8**
Возможности отдыха	42 (33.1%)	69 (54.3%)	16 (12.6%)	10.5**
Употребление алкоголя	7 (5.5%)	101 (79.5%)	19 (15.0%)	2.4

* $p < .05$, ** $p < .01$.

состоятельных людей. Иными словами, о влиянии кризиса чаще говорили респонденты, считающие себя плохо и средне обеспеченными. Отмечено отсутствие значимых связей между оценкой влияния кризиса и субъективным изменением профессиональных перспектив и доходов. Оценки изменений в различных сферах за последнее полугодие от социодемографических факторов также не зависели.

Роль личностных ресурсов в субъективной оценке влияния кризиса

Субъективная оценка влияния кризиса на жизнь практически не зависит от социодемографических факторов. Однако она связана с личностными ресурсами и благополучием. Так, у респондентов, не заметив-

ших влияния кризиса на свою жизнь, был значимо выше уровень диспозиционной витальности и удовлетворенности жизнью, а также отдельные субшкалы СЖО – процесс и жизненный результат. Напротив, у респондентов, считавших, что кризис повлиял на их жизнь, более выражен копинговый механизм самоконтроля (см. таблицу 2). Значимых различий по жизнестойкости, толерантности к неопределенности, оптимизму, самоэффективности, подавляющему большинству копингов, общему баллу осмысленности жизни и некоторым субшкалам СЖО между этими двумя группами выявлено не было, хотя в отдельных случаях различия достигали уровня статистической тенденции.

Данные, приведенные в таблице 2, позволяют предположить сравнительную независимость оценки влияния

Таблица 2

Роль личностных ресурсов в субъективной оценке влияния кризиса (указаны только значимые различия и различия на уровне тенденции)

Личностные ресурсы	Кризис не повлиял		Кризис повлиял		t	p
	M	SD	M	SD		
Диспозиционная витальность	34.2	8.7	30.8	6.6	2.2	.03
Оптимизм	60.1	7.5	57.3	8.5	1.8	.08
Смыслжизненные ориентации (общий балл)	110.0	13.6	105.1	14.5	1.8	.08
СЖО – процесс	33.3	5.1	30.7	5.4	2.5	.01
СЖО – результат	28.8	4.5	27.0	3.7	2.4	.02
СЖО – локус контроля – жизнь	33.0	4.9	30.9	5.6	1.9	.06
Жизнестойкость – вовлеченность	40.4	6.7	38.0	6.5	1.9	.06
Удовлетворенность жизнью	24.3	5.4	21.8	5.6	2.3	.03
Совладание – самоконтроль	12.7	3.2	13.9	2.8	-2.1	.04
Совладание – планирование	12.2	3.2	13.3	2.7	-2.0	.05

кризиса от личностных ресурсов. Действительно, достаточным условием субъективного благополучия, независимо от ресурсов личности, выступают благоприятные обстоятельства (или их восприятие как благоприятных для себя); если же внешняя ситуация не вполне благоприятна, сохранять высокий уровень психологического благополучия позволяет наличие выраженных личностных ресурсов, обеспечивающих контроль над ситуацией, своими переживаниями и задающих возможности преодоления негативных последствий этой ситуации. Это означает, что личностные ресурсы сказываются в большей степени на благополучии человека в условиях негативной оценки влияния кризиса и в меньшей степени — на самой оценке влияния кризиса.

Вклад личностных ресурсов и субъективной оценки кризиса в витальность и субъективное благополучие

В соответствии с поставленными задачами мы предполагали, что личностные ресурсы не только связаны с субъективной оценкой кризиса, но и определяют то, как эта оценка скажется на благополучии (т.е. выполняют функцию опосредствования).

Для проверки этой гипотезы на первом этапе мы факторизовали переменные, которые, согласно теоретической модели и предыдущим исследованиям личностного потенциала (Леонтьев, 2011), могут быть отнесены к личностным ресурсам, такие, как жизнестойкость, толерантность к неопределенности, осмысленность жизни, оптимизм и самооффективность. Мы предпола-

гали, что на основании факторного анализа может быть выделен единый фактор ресурсов личности. По результатам был выделен один фактор с собственным значением, превышающим единицу (2.5), который объяснял 50.0% дисперсии, что на данном этапе мы считаем достаточным для того, чтобы использовать его в качестве интегрального показателя в дальнейшей обработке данных. С достаточными факторными нагрузками (0.53–0.86 по модулю) в фактор входят оптимизм, осмысленность жизни, жизнестойкость, толерантность к неопределенности. Самоэффективность входит в фактор с небольшой (Наследов, 2004) положительной нагрузкой (0.41). На основании этих результатов мы ввели комплексную переменную интегрального ресурса личности (ИРЛ): при этом факторные нагрузки использовались для определения весов коэффициентов регрессионного уравнения.

На втором этапе анализировались вклады личностных ресурсов (ИРЛ) и субъективной оценки кризиса в удовлетворенность жизнью и витальность. Для этого проводилась серия анализов модерации — метода, основанного на иерархическом регрессионном анализе и позволяющего оценить вклад как отдельных переменных, так и взаимодействия между ними (Field, 2005). Переменная наличия/отсутствия влияния кризиса по субъективным оценкам кодировалась как 1 (есть влияние) или 0 (нет влияния); затем значения ИРЛ и переменной субъективной оценки влияния кризиса перемножались. В итоге получалась вторичная переменная, характеризующая

взаимодействие личностных ресурсов и субъективной оценки влияния кризиса. Далее для двух зависимых переменных (удовлетворенность жизнью и витальность) проводился иерархический регрессионный анализ: на первом шаге в модель в качестве независимой была включена переменная личностных ресурсов; на втором к ней добавлялась переменная оценки кризиса; на третьем — переменная, характеризующая взаимодействие между ними. В случае, если субъективная оценка кризиса имеет собственный (независимый от личностных ресурсов) вклад в дисперсию удовлетворенности жизнью и витальности, второй шаг должен приводить к значимому увеличению процента объясняемой дисперсии R^2 , а в случае, если имеет место взаимо-

действие переменных — такое увеличение должно происходить на третьем шаге.

Как и ожидалось в соответствии с ранними данными (Леонтьев, 2011), и удовлетворенность жизнью, и витальность тесно связаны с личностными ресурсами. Однако полученные данные позволяют предполагать, что независимо от этого негативная оценка респондентами влияния кризиса на их жизнь может быть связана со снижением витальности и со снижением удовлетворенности жизнью, хотя эти связи достигают лишь уровня тенденции (таблица 3). Не выявлено влияния взаимодействия личностных ресурсов и субъективной оценки кризиса на удовлетворенность жизнью и витальность.

Таблица 3

Вклад оценки кризиса в удовлетворенность жизнью и витальность: независимый от личностных ресурсов и опосредствованный личностными ресурсами (результаты анализа модерации)

Переменные в модели	Зависимая переменная			
	Удовлетворенность жизнью		Витальность	
	ΔR^2	β	ΔR^2	β
Шаг 1 ИРЛ	.32**	.57**	.34**	.58**
Шаг 2 ИРЛ Оценка кризиса	.02 ^T	.55** -.12 ^T	.02 ^T	.56** -.14 ^T
Шаг 3 ИРЛ Оценка кризиса Взаимодействие ИРЛ и оценки кризиса	.01	.41** -.13 ^T -.17	.01	.68** -.13 ^T -.14
Общий процент объясняемой дисперсии R^2	.34**		.36**	

^T $p < 0.1$, * $p < 0.05$, *** $p < 0.01$.

*Результаты второго замера***Вклад личностных ресурсов и субъективной оценки кризиса в изменение витальности и удовлетворенности жизнью через год**

Целью данного этапа обработки данных было выявление вклада личностных ресурсов (субъективной оценки кризиса и их взаимодействия) в то, каким образом изменяются удовлетворенность жизнью и витальность через год после первого замера. По сравнению с предыдущим этапом здесь возникает дополнительная трудность: и удовлетворенность жизнью, и витальность – стабильные характеристики, и их уровень при втором замере сильно коррелирует с их уровнем при первом замере. Кроме того, изменения в удовлетворенности жизни и витальности могут зависеть не только от их уровня в начале исследования, но и от взаимодействия их уровня в начале исследования с субъективными оценками кризиса. Например, вне всякой зависимости от личностных ресурсов потенциала у витальных и удовлетворенных людей субъективная оценка ситуации как кризисной не приводит к изменениям в их благополучии, а у людей недовольных вызывает еще большее резкое снижение удовлетворенности и витальности. Переходя к операционализации конструктов личностных ресурсов и субъективного благополучия, следует сделать важную оговорку: поскольку изменения в уровне витальности и субъективного благополучия зависят от их исходного состояния, проводился дополнитель-

ный статистический контроль этих переменных – с целью выявить независимый от него вклад личностных ресурсов в изменения удовлетворенности жизнью и витальности.

Для того чтобы учесть вклад перечисленных дополнительных факторов, каждый из двух выполненных нами анализов модерации (для предсказания удовлетворенности жизнью и для предсказания витальности) состоял из пяти шагов. На первом шаге в анализ включалась сама зависимая переменная, но при первом замере, т.е. мы контролировали зависимость изменений удовлетворенности жизнью и витальности от того, какими они были в прошлом. На втором шаге в модель добавлялась переменная субъективной оценки кризиса. На третьем – переменная, характеризующая взаимодействие субъективной оценки кризиса и зависимой переменной при первом замере (например, произведение удовлетворенности жизнью при первом замере и субъективной оценки кризиса). Четвертый шаг включал переменную личностных ресурсов, пятый – переменную, характеризующую взаимодействие личностных ресурсов и субъективной оценки кризиса. Если личностные ресурсы опосредствуют влияние субъективной оценки кризиса на изменение субъективного благополучия – независимо от самой оценки и предшествующего уровня благополучия, – пятый шаг модели должен приводить к значимому увеличению процента объясняемой дисперсии R^2 .

В обоих случаях показатели удовлетворенности жизнью и витальности при первом замере тесно связаны с показателями при втором замере

(таблица 4). После статистического контроля этого эффекта субъективная оценка кризиса не сказывается напрямую на изменении благополучия. Однако добавление в модель взаимодействия витальности и субъективной оценки кризиса приводит к

увеличению процента объясняемой дисперсии на уровне тенденции. Для лучшей иллюстрации этого эффекта мы разделили респондентов на группы с высоким и низким изначальным уровнем витальности: как видно на рисунке 1, при высоком уровне ви-

Таблица 4

Вклад оценки кризиса в удовлетворенность жизнью и витальность: независимый от личностных ресурсов потенциала и опосредствованный личностными ресурсами (результаты анализа модерации)

Переменные в модели	Зависимая переменная			
	Удовлетворенность жизнью – замер 2		Витальность – замер 2	
	ΔR^2	β	ΔR^2	β
Шаг 1 Зависимая переменная – замер 1	.53**	.72**	.19**	.43**
Шаг 2 Зависимая переменная – замер 1 Оценка кризиса	.00	.72** -.02	.01	.41** -.12
Шаг 3 Зависимая переменная – замер 1 Оценка кризиса Взаимодействие зависимой переменной – замер 1 и оценки кризиса	.00	.67** -.15 .13	.04 ^T	.14 -.96* .85 ^T
Шаг 4 Зависимая переменная – замер 1 Оценка кризиса Взаимодействие зависимой переменной – замер 1 и оценки кризиса Личностные ресурсы	.01	.68 -.23 .21 -.09	.06**	.02 -.82 ^T .73 ^T .30*
Шаг 5 Зависимая переменная – замер 1 Оценка кризиса Взаимодействие зависимой переменной – замер 1 и оценки кризиса Личностные ресурсы Взаимодействие личностных ресурсов и оценки кризиса	.03*	.75** -.02 -.07 -.47* .45*	.00	.01 -.90 ^T .82 ^T .40 -.08
Общий процент объясняемой дисперсии R^2	.57**		.30**	

^T $p < 0.1$, * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

тальности субъективная оценка кризиса практически не сказывается на дальнейших ее изменениях; при низком изначальном уровне витальности представление, что кризис сказался на жизни человека, приводит к снижению витальности.

Личностные ресурсы вносят дополнительный независимый вклад в уровень витальности респондентов через год — этот эффект не зависит ни от исходного уровня витальности, ни от оценки кризиса.

Наконец, на последнем шаге регрессионного анализа отмечается значимое (хотя и небольшое) увеличение процента объясняемой дисперсии в предсказании удовлетворенности жизнью. Для иллюстрации данного эффекта мы разделили респондентов в зависимости от уровня личностных ресурсов по медиане на две группы: как видно на рисунке 2, при низком уровне личностных ресурсов удовлетворенность жизнью через год значительно сильнее зависит от

Рисунок 1

Вклад витальности при первом замере и субъективной оценки кризиса в уровень витальности через год

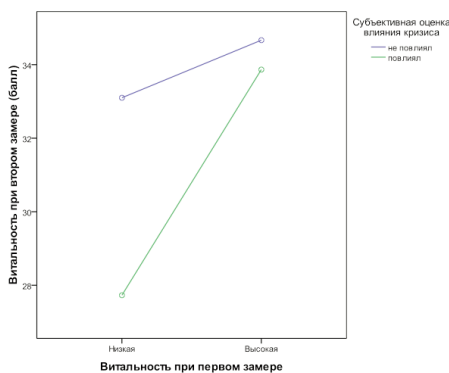
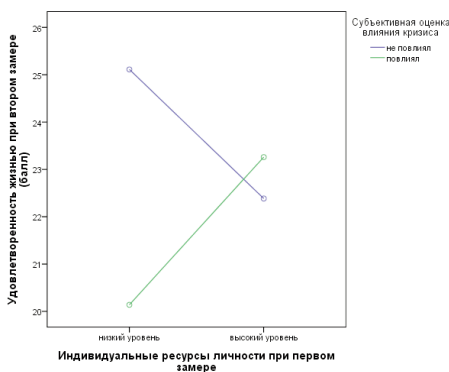

Рисунок 2

Вклад личностных ресурсов при первом замере и субъективной оценки кризиса в удовлетворенность жизнью через год

оценки кризиса, чем при высоком его уровне. Более того, при высоком уровне личностных ресурсов удовлетворенность жизнью при втором замере парадоксально выше у тех, кто считает, что кризис повлиял на их жизнь.

Обсуждение результатов

Субъективные критерии и психологические факторы оценки влияния кризиса на жизнь: фильтрующая функция. Согласно полученным в рамках первого замера результатам, оценка влияния кризиса связана с представлениями об изменениях, произошедших в профессиональной, финансовой сферах, с возможностями отдыха и самочувствием, однако ни один из этих показателей не определяет оценку респондентами влияния кризиса полностью. Это ставит вопросы о выборе критериев и протекании процесса оценивания, в том числе в какой степени они зависят от личностных ресурсов, — что является задачей дальнейших, в особенности качественных исследований. В соответствии с первым предположением субъективный вывод о наличии или отсутствии влияния кризиса на жизнь человека не зависит от социодемографических факторов и лишь в минимальной степени определяется личностными ресурсами (значимые эффекты получены в отношении осмысленности своей жизни как процесса и как результата). Тем не менее негативная оценка влияния кризиса связана с более низкой удовлетворенностью жизнью и витальностью. Иными словами, мы получили слабые свидетельства в пользу фильтрующей функции личностных ресур-

сов, которые требуют дальнейшей проверки в исследованиях. Можно предполагать более дифференцированное влияние личностных ресурсов на оценку ситуации: в частности, более высокий уровень самоконтроля может способствовать более внимательному отношению к кризису, беспокойству по поводу его последствий и превентивному совладанию (Schwarzer, Knoll, 2002). Однако дизайн данного исследования не позволяет развести собственно фильтрующую функцию личностных ресурсов, функцию регуляции эмоционального состояния (например, «паники» вследствие тревожных ожиданий) и функцию совладания с трудностями (активное совладание, превентивное совладание и т.п.).

Вклад личностных ресурсов в динамику субъективного благополучия при разной оценке влияния кризиса на жизнь: буферная функция. По результатам первого замера, вклады личностных ресурсов и оценки влияния кризиса были относительно независимы; значимого влияния взаимодействия (т.е. буферного эффекта) выявлено не было. Однако в отношении динамики субъективного благополучия через год картина была иной. Так, после статистического контроля удовлетворенности жизнью при первом замере удовлетворенность жизнью через год зависела от соотношения личностных ресурсов и субъективной оценки кризиса: при низком уровне личностных ресурсов удовлетворенность жизнью через год больше зависела от оценки кризиса, чем при высоких личностных ресурсах; при низком уровне личностных ресурсов признание влияния кризиса на жизнь было связано с более

низким уровнем удовлетворенности, тогда как при высоком уровне — с более высоким. Иными словами, как можно было ожидать, при благоприятной в целом ситуации личностные ресурсы не играют большой роли, однако при неблагоприятной ситуации их выраженность оказывается существенным фактором, влияющим на психологическое благополучие, что свидетельствует в пользу гипотезы о буферной функции личностных ресурсов в отношении удовлетворенности жизнью. Что касается витальности, то ее уровень при втором замере зависел от личностных ресурсов в начале исследования; и этот эффект не был опосредствован особенностями оценки кризиса. Можно предполагать, что изменения в уровне витальности определяются не учтенными в данной модели факторами (общий итоговый процент объясняемой дисперсии — 30%). Тот факт, что эффекты, выявленные при анализе модерации, значимые, но небольшие (2–6% дисперсии), делает необходимым обсуждение вопроса о практических следствиях из полученных результатов. Здесь важно учесть, что многочисленные данные о том, что и благополучие, и поведение человека во многом определяются благополучием и поведением в прошлом, никак не способствуют пониманию того, каким образом и в каких случаях благополучие и поведение все-таки изменяются. В этом смысле даже небольшие изменения в модели уточняют понимание собственно психологической структуры этих изменений и позволяют предпо-

лагать возможные пути помощи в стрессогенных ситуациях.

Выводы

Таким образом, согласно полученным данным, гипотеза о фильтрующей функции личностных ресурсов в отношении оценки влияния экономического кризиса подтверждается лишь частично в отношении переживания осмысленности своей жизни. При этом можно предполагать, что различные психологические факторы вносят специфический вклад в оценку кризиса и их роль может быть неоднозначной: так, респонденты с высоким уровнем осмысленности жизни, но низким уровнем самоконтроля реже считают, что кризис сказался на их жизни.

Буферная функция личностных ресурсов отчетливо проявилась в отношении удовлетворенности жизнью через год, но не витальности, что позволяет предполагать, что реализация буферной функции требует продолжительного времени и зависит от того, о какой составляющей субъективного благополучия идет речь. По всей видимости, витальность в целом в меньшей степени зависит от оценки кризиса и, хотя и тесно связана с личностными ресурсами, определяется и другими факторами.

В целом полученные данные поддерживают общую гипотезу о том, что в зависимости от специфической ситуации и особенностей саморегуляции личностные ресурсы могут выполнять различные функции (Леонтьев, 2011; Рассказова, 2011).

Литература

- Александрова, Л. А. (2011). Субъективная витальность как составляющая личностного потенциала. В кн. Д. А. Леонтьев (ред.), *Личностный потенциал: структура и диагностика* (с. 382–403). М.: Смысл.
- Бодров, В. А. (2000). Роль личностных особенностей в развитии психологического стресса. В кн. *Психические состояния. Хрестоматия*. СПб.: Питер.
- Василюк, Ф. Е. (1984). *Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций*. М.: Изд-во Московского университета.
- Вассерман, Л. И., Иовлев, Б. В., Исаева, Е. Р., Трифонова, Е. А., Щелкова, О. Ю., Новожилова, М. Ю., Вукс, А. Я. (2009). *Методика психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями*. СПб.: Психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева.
- Водопьянова, Н. Е. (2009). *Психодиагностика стресса. Серия «Практикум»*. СПб.: Питер.
- Гордеева, Т. О., Сычев, О. А., Осин, Е. Н. (2010). Разработка русскоязычной версии теста диспозиционного оптимизма (ЛОТ). *Психологическая диагностика*, 2, 36–64.
- Демин, А. Н. (2004). *Личность в кризисе занятости: стратегии и механизмы преодоления кризиса*. Краснодар: Кубанский государственный университет.
- Зейгарник, Б. В., Холмогорова, А. Б., Мазур, Е. С. (1989). Саморегуляция поведения в норме и патологии. *Психологический журнал*, 10(2), 122–131.
- Ибрагимова, Д. Х., Кузина, О. Е. (2009). Финансовое поведение населения России в условиях кризиса. *Аналитика ЛЭСИ*, 5, 6–39.
- Крюкова, Т. Л. (2004). *Психология совладающего поведения. Монография*. Кострома: Студия оперативной полиграфии «Авантитул».
- Лазарус, Р. С. (1970). Теория стресса и психофизиологические исследования. В кн. Л. Леви (ред.), *Эмоциональный стресс*. Л.: Медицина.
- Леонтьев, Д. А. (1992). *Тест смысложизненных ориентаций (СЖО)*. М.: Смысл.
- Леонтьев, Д. А. (2011). Личностный потенциал как потенциал саморегуляции. В кн. Д. А. Леонтьев (ред.), *Личностный потенциал: структура и диагностика* (с. 107–130). М.: Смысл.
- Леонтьев, Д. А., Рассказова, Е. И. (2006). *Тест жизнестойкости*. М.: Смысл.
- Луковицкая, Е. Г. (1998). *Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности* (Кандидатская диссертация, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).
- Муздыбаев, К. (1998). Стратегия совладания с жизненными трудностями. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 1(2), 102–112.
- Муздыбаев, К. (2001). Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегии совладания и индикаторы депривации. *Социологический журнал*, 1, 4–25.
- Наследов, А. Д. (2004). *Математические методы в психологии*. СПб.: Речь.
- Осин, Е. Н., Леонтьев, Д. А. (2008). Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия. В кн. *Материалы III Всероссийского социологического конгресса*. М.: Институт социологии РАН; Российское общество социологов.
- Рассказова, Е. И. (2011). Психологические факторы саморегуляции на разных этапах выполнения учебного задания. *Психологический журнал*, 32(2), 36–47.
- Сергиенко, Е. А. (2009). Контроль поведения: индивидуальные ресурсы субъектной регуляции. *Психологические исследования: электронный научный журнал*, 5(7). Режим доступа: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.07.2015).

- Тиллих, П. (1995). Мужество быть. В кн. П. Тиллих, *Избранное. Теология культуры* (с. 7–132). М.: Юрист.
- Франкл, В. (1990). *Человек в поисках смысла*. М.: Прогресс.
- Шварцер, Р., Ерусалем, М., Ромек, В. (1996). Русская версия шкалы общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема. *Иностранная психология*, 7, 71–77.
- Baltes, P. B. (1987). Theoretical propositions of life Spain developmental psychology: On the dynamics between growth and decline. *Developmental Psychology*, 23, 611–626.
- Baumeister, R. F., Schmeichel, B. J., & Vohs, K. D. (2007). Self-regulation and executive function: The Self as controlling agent. In A. W. Kruglanski & E. T. Higgins (Eds.), *Social psychology: Handbook of basic principles* (pp. 516–539). New York: Guilford Press.
- Benight, C. C., & Harper, M. L. (2002). Coping self-efficacy perceptions as a mediator between acute stress response and long-term distress following natural disasters. *Journal of Traumatic Stress*, 15(3), 177–186.
- Cole, K., Daly, A., & Mak, A. (2009). Good for the soul: The relationship between work, wellbeing and psychological capital. *The Journal of Socio-Economics*, 28, 464–474.
- Culbertson, S., Fullagar, C. J., & Mills, M. J. (2010). Feeling good and doing great: The relationship between psychological capital and well-being. *Journal of Occupational Health Psychology*, 15(4), 421–433.
- Diener, E., Emmons, R. A., Larsen, R. J., & Griffin, S. (1985). The Satisfaction With Life Scale. *Journal of Personality Assessment*, 49, 71–75.
- Field, A. (2005). *Discovering statistics using SPSS*. London: Sage Publications.
- Folkman, S., Schaefer, C., & Lazarus, R. (1979). Cognitive processes as mediators of stress and coping IV. In V. Hamilton & D. M. Warburton (Ed.), *Human stress and cognition: an information-processing approach* (pp. 265–298). London: John Wiley and Sons Ltd.
- Grumer, S., & Pinguart, M. (2011). Perceived changes in personal circumstances related to social change. *European Psychologist*, 16(1), 68–78.
- Hobfoll, S. (2011). Conservation of resources theory: its implication for stress, health, and resilience. In S. Folkman (Ed.), *The Oxford handbook of stress, health, and coping* (pp. 127–147). New York: Oxford University Press.
- Holahan, C. J., & Moos, R. H. (1991). Life stressor, personal and social resources and depression: a 4-year structural model. *Journal of Abnormal Psychology*, 100(1), 31–38.
- Ironson, G., Wynings, C., Schneiderman, N., Baum, A., Rodriguez, M., Greenwood D., Fletcher, M. A. (1997). Post-traumatic stress symptoms, intrusive thoughts, loss, and immune function after Hurricane Andrew. *Psychosomatic Medicine*, 59, 128–141.
- Jerusalem, M., & Schwarzer, R. (1992). Self-efficacy as a resource factor in stress appraisal processes. In R. Schwarzer (Ed.), *Self-efficacy: Thought control of action* (pp. 195–213). New York: Hemisphere.
- Lazarus, R. (2006). Emotions and interpersonal relationships: toward a person-centered conceptualization of emotions and coping. *Journal of Personality*, 74(1), 9–43.
- Lazarus, R., & Folkman, S. (1984). *Stress, appraisal and coping*. New York: Springer.
- Luthans, F., Steven, M., Bruce, J., Avolio, N., & Avey, J. (2008). The mediating role of psychological capital in the supportive organizational climate-employee performance relationship. *Journal of Organizational Behavior*, 29(2), 219–238.
- Maddi, S. R. (1987). Hardiness training at Illinois Bell Telephone. In J. P. Opatz (Ed.), *Health promotion evaluation* (pp. 101–115). Stevens Point, WI: National Wellness Institute.
- Maddi, S. (2001). The story of hardiness: 20 years of theorizing, research and practice. *Consulting Psychology Journal*, 54, 173–185.

- Maddi, S. R., & Koshaba, D. M. (1984). *Resilience at work: How to succeed no matter what life throws at you*. New York: AMACOM.
- Maddi, S. R., & Khoshaba, D. M. (2001). *Personal Views Survey III-R: Test development and internet instruction manual*. Newport Beach, CA: Hardiness Institute.
- Mastenbroek, N. J. J. M., Jaarsma, A. D. C., Scherpbier, A. J. J. A., Beukelen, P. van, & Demerouti, E. (2014). The role of personal resources in explaining well-being and objective performance: a study among young veterinary professionals. *European Journal of Work and Organizational Psychology, 23*(2), 190–202.
- McLain, D. L. (1993). The MSTAT-I: A new measure of an individual's tolerance for ambiguity. *Educational and Psychological Measurement, 53*(1), 183–189.
- Ryan, R. M., & Frederick, C. M. (1997). On energy, personality and health: Subjective vitality as a dynamic reflection of well-being. *Journal of Personality, 65*, 529–565.
- Scheier, M. F., & Carver, C. S. (1985). Optimism, coping, and health: Assessment and implications of generalized outcome expectancies. *Health Psychology, 4*(3), 219–247.
- Schwarzer, R. (1999). Self-regulatory processes in the adoption and maintenance of health behaviors. The role of optimism, goals, and threats. *Journal of Health Psychology, 4*, 115–127.
- Schwarzer, R., & Knoll, N. (2002). Positive coping: Mastering demands and searching for meaning. In S. J. Lopez & C. R. Snyder (Eds.), *Handbook of positive psychological assessment* (Chapter 25, pp. 393–409). Washington, DC: American Psychological Association.
- Shteyn, M., Schumm, J. A., Vodopianova, M., Hobfoll, S. E., & Lilly, R. (2003). The impact of the Russian transition on psychosocial recourses and psychological distress. *Journal of Community Psychology, 31*(2), 113–127.
- Sirgy, M. J., Michalos, A. C., Ferris, A. L., Easterlin, R. A., Patrick, D., & Pavot, W. (2006). The quality of life (QOL) research movement: past, present and future. *Social Indicators Research, 76*, 343–466.
- Thoits, P. A. (1994). Stressors and problem-solving: The individual as psychological activist. *Journal of Health and Social Behavior, 35*, 143–159.
- Turner, R. J., Taylor J., & Gundy, K. (2004). Personal resources and depression in the transition to adulthood: Ethnic comparison. *Journal of Health and Social Behavior, 45*, 34–52.
- Wise, D., & Stake, J. E. (2002). The moderating roles of personal and social resources on the relationship between dual expectations (for instrumentality and expressiveness) and well-being. *The Journal of Social Psychology, 142*(1), 109–119.
- Xanthopoulou, D., Bakker, A. B., Demerouti, E., & Schaufeli, W. B. (2007). The role of personal resources in the job demands–resources model. *International Journal of Stress Management, 14*, 121–141.

Иванова Татьяна Юрьевна — научный сотрудник, Международная лаборатория позитивной психологии личности и мотивации, факультет социальных наук, департамент психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Контакты: Tatiana.yivanova@gmail.com

Леонтьев Дмитрий Алексеевич — заведующий лабораторией, Международная лаборатория позитивной психологии личности и мотивации, факультет социальных наук, департамент психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доктор психологических наук, профессор.

Контакты: dmleont@gmail.com

Рассказова Елена Игоревна — ведущий научный сотрудник, Международная лаборатория позитивной психологии личности и мотивации, факультет социальных наук, департамент психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; доцент, кафедра клинической психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук.

Контакты: e.i.rasskazova@gmail.com

Functions of Personality Resources in a Situation of Economic Crisis

Tatiana Yu. Ivanova^a, Dmitry A. Leontiev^a, Elena I. Rasskazova^{a,b}

^a National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnikskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

^b Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract

The focus of the paper is the contribution of personality resources (optimism, hardiness, tolerance to ambiguity, self-efficacy, purpose in life), to the dynamics of subjective well-being under the pressure of economic crisis. As expected, personality resources have both filtering and buffering functions, influencing the subjective impact of economic crisis upon the life circumstances as well as subjective well-being. 126 adult Muscovites participated in the first wave of the study during the fervor of the crisis in Russia in Spring 2009 filling out the questionnaires addressing personal resources, subjective well-being, vitality, and questions about the impact of economic crisis on their life circumstances. In the second wave 18 months later the levels of subjective well-being and vitality were measured again in 86 of the participants. The results showed that the effect of the economic crisis was associated with personality resources more than with social-demographic data. The filtering function was revealed only for purpose in life and self-control coping while for hardiness, optimism and planning coping the effect was much weaker. Buffering function showed itself more pointedly than filtering one. Moreover, the buffering function was

shown for all the resources separately as well as for integral index of personality resources (IPR). However, buffering function was revealed only regarding the dynamics of subjective well-being as a dependent variable, but not for the dynamics of vitality. In particular, the subjective well-being of those who had low level of IPR depended more on the effect of economic crisis than in those who had high level of IPR. Even more, in the second wave for the participants who reported being highly affected by the crisis but had a high level of IPR showed high level of subjective well-being.

Keywords: personality resources, subjective estimation of the affect of economic crisis, buffering function of personality resources, dynamics of subjective well-being.

References

- Aleksandrova, L. A. (2011). Sub'ektivnaya vital'nost' kak sostavlyayushchaya lichnostnogo potentsiala [Subjective vitality as a component of personal potential]. In D. A. Leontiev (Ed.), *Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika* [Personal potential: Structure and diagnostics] (pp. 382–403). Moscow: Smysl.
- Baltes, P. B. (1987). Theoretical propositions of life span developmental psychology: On the dynamics between growth and decline. *Developmental Psychology, 23*, 611–626.
- Baumeister, R. F., Schmeichel, B. J., & Vohs, K. D. (2007). Self-regulation and executive function: The Self as controlling agent. In A. W. Kruglanski & E. T. Higgins (Eds.), *Social psychology: Handbook of basic principles* (pp. 516–539). New York: Guilford Press.
- Benight, C. C., & Harper, M. L. (2002). Coping self-efficacy perceptions as a mediator between acute stress response and long-term distress following natural disasters. *Journal of Traumatic Stress, 15*(3), 177–186.
- Bodrov, V. A. (2000). Rol' lichnostnykh osobennostei v razvitii psikhologicheskogo stressa [The role of personal characteristics in development of psychological stress]. In *Psikhicheskie sostoyaniya. Khrestomatiya* [Psychic states. A reading book]. Saint Petersburg: Piter.
- Cole, K., Daly, A., & Mak, A. (2009). Good for the soul: The relationship between work, wellbeing and psychological capital. *The Journal of Socio-Economics, 28*, 464–474.
- Culbertson, S., Fullagar, C. J., & Mills, M. J. (2010). Feeling good and doing great: The relationship between psychological capital and well-being. *Journal of Occupational Health Psychology, 15*(4), 421–433.
- Demin, A. N. (2004). *Lichnost' v krizise zanyatosti: strategii i mekhanizmy preodoleniya krizisa* [Personality in an employment crisis: Strategies and mechanisms of coping with crisis]. Krasnodar: Kuban State University.
- Diener, E., Emmons, R. A., Larsen, R. J., & Griffin, S. (1985). The Satisfaction With Life Scale. *Journal of Personality Assessment, 49*, 71–75.
- Field, A. (2005). *Discovering statistics using SPSS*. London: Sage Publications.
- Folkman, S., Schaefer, C., & Lazarus, R. (1979). Cognitive processes as mediators of stress and coping IV. In V. Hamilton & D. M. Warburton (Eds.), *Human stress and cognition: an information-processing approach* (pp. 265–298). London: John Wiley and Sons Ltd.
- Frankl, V. (1990). *Chelovek v poiskakh smysla* [Man in search of meaning]. Moscow: Progress. (Transl. of: Frankl, V. (1972). *Der Mensch auf der Suche nach Sinn*. Stuttgart: Klett. (in German))
- Gordeeva, T. O., Sychev, O. A., & Osin, E. N. (2010). Razrabotka russkoyazychnoi versii testa dispozitsionnogo optimizma (LOT) [The development of a Russian version of the test of dispositional optimism (LOT)]. *Psikhologicheskaya Diagnostika, 2*, 36–64.

- Grumer, S., & Pinguart, M. (2011). Perceived changes in personal circumstances related to social change. *European Psychologist*, 16(1), 68–78.
- Hobfoll, S. (2011). Conservation of resources theory: its implication for stress, health, and resilience. In S. Folkman (Ed.), *The Oxford handbook of stress, health, and coping* (pp. 127–147). New York: Oxford University Press.
- Holahan, C. J., & Moos, R. H. (1991). Life stressor, personal and social resources and depression: a 4-year structural model. *Journal of Abnormal Psychology*, 100(1), 31–38.
- Ibragimova, D. Kh., & Kuzina, O. E. (2009). Finansovoe povedenie naseleniya Rossii v usloviyakh krizisa [Financial behavior of Russian population in conditions of crisis]. *Analitika LESI*, 5, 6–39.
- Ironson, G., Wynings, C., Schneiderman, N., Baum, A., Rodriguez, M., Greenwood D., Fletcher, M. A. (1997). Post-traumatic stress symptoms, intrusive thoughts, loss, and immune function after Hurricane Andrew. *Psychosomatic Medicine*, 59, 128–141.
- Jerusalem, M., & Schwarzer, R. (1992). Self-efficacy as a resource factor in stress appraisal processes. In R. Schwarzer (Ed.), *Self-efficacy: Thought control of action* (pp. 195–213). New York: Hemisphere.
- Kryukova, T. L. (2004). *Psikhologiya sovladayushchego povedeniya: Monografiya* [The psychology of coping behavior: Monograph]. Kostroma: Avantitul.
- Lazarus R.C. (1970). Theory of Stress and psychological research. In L. Levi (Ed.), *Emotional stress*. Leningrad: Medicina.
- Lazarus, R. (2006). Emotions and interpersonal relationships: toward a person-centered conceptualization of emotions and coping. *Journal of Personality*, 74(1), 9–43.
- Lazarus, R., & Folkman, S. (1984). *Stress, appraisal and coping*. New York: Springer.
- Leontiev, D.A. (2011). Personal potential as self-regulation potential. In D. A. Leontiev (Ed.), *Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika* [Personal potential: Structure and diagnostics] (pp. 107–130). Moscow: Smysl.
- Leontiev, D. A. (1992). *Test smyslozhiznennykh orientatsii (SZhO)* [Life meaning orientations test]. Moscow: Smysl.
- Leontiev, D. A. (2011). Lichnostnyi potentsial kak potentsial samoregulyatsii [Personal potential as self-regulation potential]. In D. A. Leontiev (Ed.), *Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika* [Personal potential: Structure and diagnostics] (pp. 107–130). Moscow: Smysl.
- Leontiev, D. A., & Rasskazova, E. I. (2006). *Test zhiznestoikosti* [Hardiness test]. Moscow: Smysl.
- Lukovitskaya, E. G. (1998). *Sotsial'no-psikhologicheskoe znachenie tolerantnosti k neopredelenosti* [Social psychological meaning of tolerance to ambiguity] (PhD dissertation, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation).
- Luthans, F., Steven, M., Bruce, J., Avolio, N., & Avey, J. (2008). The mediating role of psychological capital in the supportive organizational climate-employee performance relationship. *Journal of Organizational Behavior*, 29(2), 219–238.
- Maddi, S. (2001). The story of hardiness: 20 years of theorizing, research and practice. *Consulting Psychology Journal*, 54, 173–185.
- Maddi, S. R. (1987). Hardiness training at Illinois Bell Telephone. In J. P. Opatz (Ed.), *Health promotion evaluation* (pp. 101–115). Stevens Point, WI: National Wellness Institute.
- Maddi, S. R., & Koshaba, D. M. (1984). *Resilience at work: How to succeed no matter what life throws at you*. New York: AMACOM.
- Maddi, S. R., & Khoshaba, D. M. (2001). *Personal Views Survey III-R: Test development and internet instruction manual*. Newport Beach, CA: Hardiness Institute.

- Mastenbroek, N. J. J. M., Jaarsma, A. D. C., Scherpbier, A. J. J. A., Beukelen, P. van, & Demerouti, E. (2014). The role of personal resources in explaining well-being and objective performance: a study among young veterinary professionals. *European Journal of Work and Organizational Psychology, 23*(2), 190–202.
- McLain, D. L. (1993). The MSTAT-I: A new measure of an individual's tolerance for ambiguity. *Educational and Psychological Measurement, 53*(1), 183–189.
- Muzdybayev, K. (1998). Strategiya sovladaniya s zhiznennymi trudnostyami. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsial'noi Antropologii, 1*(2), 102–112.
- Muzdybayev, K. (2001). The feelings of poverty as a social failure: The attribution of responsibility, and indicators of deprivation. *Sotsiologicheskii Zhurnal, 1*, 4–25.
- Nasledov, A. D. (2004). *Matematicheskie metody v psikhologii* [Mathematical methods in psychology]. Saint Petersburg: Rech'.
- Osin, E. N., & Leontiev, D. A. (2008). Aprobatsiya russkoyazychnykh versii dvukh shkal ekspressotsenki sub"ektivnogo blagopoluchiya [Approbation of Russian versions of two scales for express-evaluation of subjective wellbeing]. In *Materialy III Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa* [Proceedings of the Third All-Russian sociological congress]. Moscow: Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences; Russian Society of Sociologists.
- Rasskazova, E. I. (2011). Psychological factors of self regulation at different stages of educational task's fulfillment. *Psikhologicheskii Zhurnal, 32*(2), 36–47.
- Ryan, R. M., & Frederick, C. M. (1997). On energy, personality and health: Subjective vitality as a dynamic reflection of well-being. *Journal of Personality, 65*, 529–565.
- Scheier, M. F., & Carver, C. S. (1985). Optimism, coping, and health: Assessment and implications of generalized outcome expectancies. *Health Psychology, 4*(3), 219–247.
- Schwarzer, R. (1999). Self-regulatory processes in the adoption and maintenance of health behaviors. The role of optimism, goals, and threats. *Journal of Health Psychology, 4*, 115–127.
- Schwarzer, R., & Knoll, N. (2002). Positive coping: Mastering demands and searching for meaning. In S. J. Lopez & C. R. Snyder (Eds.), *Handbook of positive psychological assessment* (Chapter 25, pp. 393–409). Washington, DC: American Psychological Association.
- Schwarzer, R., Jerusalem, M., & Romek, V. (1996). Russkaya versiya shkaly obshchei samoeffektivnosti R. Shvartsera i M. Erusalema [Russian version of the general self-efficacy scale by R. Schwarzer and M. Jerusalem]. *Inostrannaya Psikhologiya, 7*, 71–77.
- Sergienko, E. A. (2009). Behavior control: individual resources of subject control. *Psikhologicheskie Issledovaniya, 5*(7). Retrieved from <http://psystudy.ru>
- Shteyn, M., Schumm, J. A., Vodopianova, M., Hobfoll, S. E., & Lilly, R. (2003). The impact of the Russian transition on psychosocial recourses and psychological distress. *Journal of Community Psychology, 31*(2), 113–127.
- Sirgy, M. J., Michalos, A. C., Ferris, A. L., Easterlin, R. A., Patrick, D., & Pavot, W. (2006). The quality of life (QOL) research movement: past, present and future. *Social Indicators Research, 76*, 343–466.
- Thoits, P. A. (1994). Stressors and problem-solving: The individual as psychological activist. *Journal of Health and Social Behavior, 35*, 143–159.
- Tillich, P. (1952). *The courage to be*. New Haven, CT/London: Yale University Press.
- Turner, R. J., Taylor J., & Gundy, K. (2004). Personal resources and depression in the transition to adulthood: Ethic comparison. *Journal of Health and Social Behavior, 45*, 34–52.

- Vasilyuk, F. E. (1984). *Psikhologiya perezhivaniya. Analiz preodoleniya kriticheskikh situatsii* [The psychology of experiencing. Analysis of resolution of life's critical situations]. Moscow: Moscow University Press.
- Vasserman, L. I., Iovlev, B. V., Isaeva, E. R., Trifonova, E. A., Shchelkova, O. Yu., Novozhilova, M. Yu., & Vuks, A. Ya. (2009). *Metodika psikhologicheskoi diagnostiki sposobov sovladaniya so stressovymi i problemnymi dlya lichnosti situatsiyami* [A technique of psychological diagnostics of coping with situations, which are stressful and problematic for personality]. Saint Petersburg: Saint Petersburg Bekhterev Psychoneurological Research Institute.
- Vodopianova, N. E. (2009). *Psikhodiagnostika stressa. Seriya "Praktikum"* [The psychodiagnosics of stress. Series 'Practicum']. Saint Petersburg: Piter.
- Wise, D., & Stake, J. E. (2002). The moderating roles of personal and social resources on the relationship between dual expectations (for instrumentality and expressiveness) and well-being. *The Journal of Social Psychology, 142*(1), 109–119.
- Xanthopoulou, D., Bakker, A. B., Demerouti, E., & Schaufeli, W. B. (2007). The role of personal resources in the job demands–resources model. *International Journal of Stress Management, 14*, 121–141.
- Zeigarnik, B. V., Kholmogorova, A. B., & Mazur, E. S. (1989). Samoregulyatsiya povedeniya v norme i patologii [Self-regulation of behavior in norm and pathology]. *Psikhologicheskii Zhurnal, 10*(2), 122–131.

Tatiana Yu. Ivanova — research fellow, International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation, School of Psychology, Faculty of Social Science, National Research University Higher School of Economics.
E-mail: Tatiana.y.ivanova@gmail.com

Dmitry A. Leontiev — head of International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation, School of Psychology, Faculty of Social Science, National Research University Higher School of Economics; D.Sc., professor.
E-mail: dmleont@gmail.com

Elena I. Rasskazova — leading research fellow, International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation, School of Psychology, Faculty of Social Science, National Research University Higher School of Economics; professor assistant, department of Clinical Psychology, Lomonosov Moscow State University; Ph.D.
E-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

УСИЛЕНИЕ КАТЕГОРИАЛЬНОГО ЭФФЕКТА ВОСПРИЯТИЯ С ПОМОЩЬЮ ПОНЯТИЙНЫХ КОМБИНАЦИЙ

А.А. КОТОВ^а, В.А. БЕЛЯЕВА^а, Т.Н. КОТОВА^б

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

^б *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 84*

Резюме

Объекты, относящиеся к одной категории, кажутся более сходными, чем объекты, в той же степени различающиеся по физическим параметрам, но не относящиеся к одной категории. Недавние исследования показали, что данный категориальный эффект восприятия значительно усиливается при назывании объектов общим именем (Котов и др., 2012; Луруап, 2008). В настоящем эксперименте мы усиливали категориальный эффект восприятия с помощью понятийных комбинаций — дополнительных определений к основному имени категории. Мы сравнивали проявления категориального эффекта восприятия в условиях типичных комбинаций («китайская ваза»), атипичных («вкусная ваза») и в условиях без понятийных комбинаций (только «ваза»). Испытуемые вначале называли демонстрируемые им объекты именем категории с разными типами понятийных комбинаций или без них и потом запоминали дополнительную визуальную информацию об объектах, включающую категориальные, т.е. часто встречаемые, и индивидуальные, редко встречаемые свойства. В результате исследования мы обнаружили, что во всех условиях как с понятийными комбинациями, так и без них испытуемые успешно формировали прототип категории и распознавали старые примеры категорий. Вместе с этим только в условиях с использованием понятийных комбинаций (и типичных, и атипичных) по отношению к объектам со сниженным количеством категориальной информации испытуемые демонстрировали категориальный эффект восприятия, т.е. считали эти объекты виденными ранее. При этом лишь при использовании типичных понятийных комбинаций, в отличие от использования атипичных, испытуемые успешно распознавали объекты с новыми признаками. Мы обсуждаем обнаруженные различия как проявление двух функций понятийных комбинаций в

категориальном эффекте восприятия — привлечение внимания к ядру категории и подчеркивание отличий категории от других категорий. Данные результаты сравниваются с семантическими моделями понятийных комбинаций (Hampton, 1987; Springer, Murphy, 1992).

Ключевые слова: категориальный эффект восприятия, понятийные комбинации, память, категориальное научение, речь.

Восприятие человека обладает важной особенностью — категориальным характером. Объекты воспринимаются человеком не только как обладающие заметными перцептивными признаками (например, круглая форма), но и как принадлежащие к каким-либо значащим для него категориям (например, яблоко). Категориальный эффект восприятия (КЭВ) выражается в двух взаимозависимых свойствах. Во-первых, при отнесении набора объектов к категории люди уделяют больше внимания общим для них, т.е. категориальным, признакам; а во-вторых, уделяют меньше внимания различным, или индивидуальным, признакам. Другими словами, категориальность восприятия проявляется в усилении межкатегориальных и уменьшении внутрикатегориальных различий между объектами в восприятии (Daoutis et al., 2006). Благодаря такому смещению в субъективных весах признаков, опознание новых объектов значительно ускоряется, ведь усилия по переработке перцептивной информации распределяются неравномерно: больше усилий отдается информационно значимым, категориальным свойствам объектов.

Недавние исследования установили тесную связь КЭВ с речью. Поскольку слова, которыми люди пользуются в повседневном обще-

нии для обозначения отдельных воспринимаемых предметов, чаще всего выступают и названиями для целых групп объектов, то их произношение обычно усиливает категориальные ожидания при восприятии предметов из одной категории (Waxman, Markow, 1995). Речь не всегда обладает таким влиянием на КЭВ: в доречевой период онтогенеза аналогичную функцию будут выполнять не имена предметов, а их перцептивно заметные признаки, например характерное движение частей предметов (Deng, Sloutsky, 2012).

Однако, начиная с трех лет, зрительный поиск предметов по категориально-релевантным признакам будет ускоряться при одновременном произношении для ребенка названия искомого предмета (Vales, Smith, 2014). Такое ускорение особенно проявляется в тех случаях, когда различие между группами предметов небольшое, в связи с чем дополнительная активация категориальных ожиданий может подчеркнуть разницу между ними (Luryan, 2008; Luryan, Spivey, 2009). Также роль речи в КЭВ можно обнаружить на физиологическом уровне. Предъявление объектов из разных категорий в правое поле зрения ускоряет обнаружение данного различия по сравнению с их предъявлением в левое поле зрения, за счет более близких связей зрительных областей

правого полушария с центрами речи (Gilbert et al., 2005, 2008). Наши исследования также показали, что речь усиливает КЭВ не только в момент близкого временного совпадения восприятия объектов и произношения названий, но и при произношении названий до восприятия перцептивных признаков, различающих объекты, за счет формирования упреждающих категориальных ожиданий (Котов и др., 2012).

В настоящем исследовании мы планируем расширить данные об области речевых единиц, участвующих в порождении и усилении КЭВ. В естественных условиях названия объектов редко предъявляются в изоляции от других слов, составляющих в совокупности фразы и предложения. При указании на целевой предмет часто бывает естественнее, помимо имени, указать и на определенное качество предмета: «Смотри, там кожаный чемодан».

Объединение главных слов с предикатами уточняет их значения, сообщает слушателям больше информации. Такое объединение управляется правилами синтаксиса, которые позволяют формировать из отдельных слов все большие языковые структуры. В психологии категоризации такие объединения слов называют понятийными комбинациями, в которых одно слово является модификатором (или определением), а другое — главным существительным (см.: Murphy, 2002, глава 12).

Одно из наиболее важных открытий, связанных с понятийными комбинациями, заключается в том, что их наличие может увеличить оценки типичности объектов, т.е. способствовать восприятию их как хоро-

ших примеров категории, например, словосочетание «черная кошка» — за счет смещения внимания к релевантному или типичному для категории признаку, а словосочетание «домашняя кошка» — за счет легкости воспоминания примеров категории (Hampton, 1987). Смещение внимания на определенный признак воспринимаемого объекта может также происходить и без наличия понятийных комбинаций. Например, слово «шляпа» непроизвольно смещает внимание в верхнюю часть визуальной сцены; а в словосочетании «ковбойская шляпа» для англоязычных испытуемых смещение становится более сильным за счет добавления образности (Estes et al., 2008).

Влияние понятийных комбинаций на репрезентацию примеров категории и сходства между ними выражается не только во внесении модификатором дополнительной информации. Как отмечают некоторые исследователи, понятийные комбинации помогают осуществлять выводы, связывающие между собой части нашего знания о мире. Например, испытуемые быстрее оценивают истинность суждений о свойствах объекта, который назван через понятийные комбинации («вареный сельдерей — *мягкий*»), чем без них («сельдерей — *зеленый*») (Springer, Murphy, 1992).

Цель нашего эксперимента состояла в том, чтобы проверить влияние понятийных комбинаций на усвоение испытуемыми новой категориальной информации и формирование КЭВ. В нашем предыдущем исследовании мы обнаружили, что КЭВ усиливается в присутствии названия объекта и практически пропадает,

если испытуемого попросить произносить не имя, а слово, дополнительно указывающее на местоположение объекта (Котов, Котова, 2013), например, «СПРАВА+кто». Произношение нерелевантного категории слова, обозначающего местоположение, подавляло внимание к категориальной информации. При этом, если испытуемый видел ту же фразу, но произносил название объекта, внимание к категориальной информации, напротив, увеличивалось. В настоящем эксперименте мы хотим проверить, будет ли наблюдаться усиление КЭВ при произношении слов-модификаторов, релевантных для категоризации.

Мы можем предположить несколько причин, по которым дополнительное произношение модификаторов категории помогает в активации КЭВ. Структура большинства естественных категорий организована по иерархическому принципу (Anderson, Bower, 1973; Collins, Loftus, 1975; Collins, Quillian, 1969) и часто подразумевает употребление базового имени и дополнительно к нему обозначения свойства в качестве самостоятельных имен субординатных категорий. Например, произнося «китайская ваза», имеют в виду отдельную группу vaz. Это приводит к повышению информативной емкости базовых категорий, поскольку к уже имеющимся признакам в базовой категории добавляются новые (например, признак возраста). Также употребление субординатных названий обычно воспринимается собеседником как намеренное указание на отдельные детали предметов, которые почему-то важны говорящему («Смотри, не задень эту китай-

скую вазу»). Таким образом, модификаторы привлекают внимание к базовому имени категории и, как мы предполагаем, могут выступать тем, что усиливает КЭВ.

Наш эксперимент построен по схеме, сходной с нашим предыдущим экспериментом (Котов, Котова, 2013). В качестве объектов для зрительного поиска мы использовали не изображения искусственных насекомых, а изображения предметов — вазы и чемодана. Испытуемые называли изображения этих предметов с помощью созданных нами понятийных комбинаций: сочетаний названия объекта и модификатора. После этого испытуемые видели и запомнили новую информацию — узоры на изображениях vaz и чемоданов, состоящие из часто встречаемых признаков, т.е. категориальных, и редко встречаемых, т.е. индивидуальных.

Одна из задач нашего эксперимента состояла в том, чтобы выяснить, зависит ли КЭВ от семантического значения модификаторов или только от их наличия. Для этого мы выбрали модификаторы двух различных видов: типичные для данных категорий (например, «хрустальная ваза») и атипичные, т.е. нерелевантные для них (например, «танцевальная ваза»). Так же, как и в предыдущем эксперименте, мы оценивали, насколько хорошо испытуемые запомнят категориальные и индивидуальные признаки объектов в условиях с использованием модификаторов того или иного вида и в условиях без модификаторов.

Метод

Испытуемые. В эксперименте приняли участие 47 испытуемых,

студенты начальных курсов. Возраст испытуемых варьировался от 17 до 26 лет ($M = 21$, $SD = 2.86$). Результаты двух испытуемых были исключены из анализа, в связи с неверным пониманием инструкции к тестовому заданию. В итоге все оставшиеся испытуемые были разделены на три группы: в первой и второй экспериментальных группах было по 18 испытуемых, в третьей контрольной группе — 9 испытуемых. В последней группе численность испытуемых была ниже, поскольку каждый испытуемый предоставлял в тесте в два раза больше необходимых ответов, чем испытуемый из экспериментальных групп.

Материал. Для эксперимента были выбраны объекты двух естественных категорий — «чемодан» и «ваза». К ним были подобраны по шесть типичных и атипичных модификаторов. Так, например, для чемодана типичным модификатором было слово «кожаный», и атипичным — «виниловый». Типичным модификатором для вазы, к примеру, было определение «хрустальная», а атипичным — «вельветовая». Полный список модификаторов для двух категорий приведен в Приложении.

Типичные модификаторы были отобраны на основе опроса отдельной группы из десяти испытуемых. Респондентов просили назвать по пять словосочетаний по типу «прилагательное + существительное» с существительными «чемодан» и «ваза». Наиболее часто повторяемые прилагательные (от четырех до пяти упоминаний) были отнесены к типичным модификаторам (см. Приложение). При этом в группу типичных модификаторов мы включили

преимущественно те определения, которые подходили лишь для одной из используемых нами категорий, т.е. обладали высокой диагностичностью. Так, часто упоминаемый модификатор «большой» можно использовать в сочетании и со словом «чемодан», и со словом «ваза», т.е. он не помогал отличить одну категорию от другой и в силу этого не был включен в экспериментальный материал.

Нетипичные модификаторы были взяты из материала других экспериментов о естественных категориях (Murphy, 2002, глава 12). Они также описывали различные свойства объектов (вкус, местоположение, материал), которые были типичными в других категориях и сами относились к различным категориям. Последний критерий был необходим для того, чтобы модификаторы в совокупности не создавали представления об общей категории. Таким образом, атипичность модификаторов выражалась в том, что они активировали семантические ассоциации о нерелевантных для главного слова свойствах.

В качестве объектов для каждой из двух категорий было создано силуэтное изображение чемодана и вазы. Эти изображения использовались для называния их соответствующими категориями и их модификаторами. На втором этапе эксперимента силуэтные изображения объектов были дополнены изображениями-признаками, состоящими из букв алфавита одного языка Юго-Восточной Азии. Эти буквы содержались в стандартном наборе шрифтов для текстового редактора MS Word; по предварительным опросам, мы

убедились, что они не знакомы испытуемым.

Процедура. Эксперимент проводился с каждым испытуемым индивидуально на ноутбуке с диагональю экрана 14 дюймов. Предъявление стимулов и фиксация ответов происходили при помощи программы PsychoPy v1.8.2 (Peirce, 2007). Испытуемых распределяли на три экспериментальные группы в случайном порядке. Каждый участник последовательно выполнял три этапа исследования: наименование, запоминание дополнительной информации об объектах и тестирование.

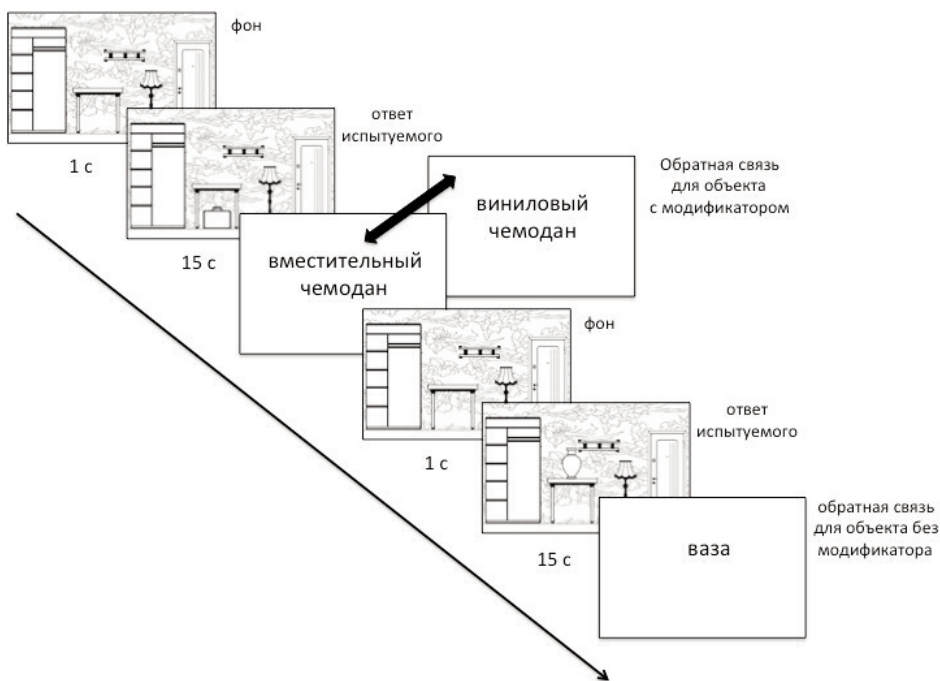
Этап наименования начинался с демонстрации на 1 сек фонового изображения комнаты с мебелью (рису-

нок 1), на котором появлялся силуэт чемодана или силуэт вазы. Изображения чемодана или вазы могли появиться в одном из шести мест в комнате. В инструкции участникам первой группы предлагалось для начала запомнить местоположение в комнате для шести объектов одной категории, например чемодана, названных понятийными комбинациями (одним из модификаторов и названием категории). Так, если чемодан стоит под столом, то это «вместительный чемодан» (Приложение, последняя колонка).

Во время выполнения задания испытуемый, увидев, что изображение чемодана появилось под столом, должен был произнести вслух слова

Рисунок 1

Структура пробы на этапе наименования в экспериментальных группах

«вместительный чемодан». Силуэты другой категории, в данном случае вазы, назывались без связи с местоположением, и модификаторы для их названий не предлагались. Вне зависимости от месторасположения изображения вазы, испытуемый каждый раз должен был произносить только слово «ваза». Таким образом, в случае называния категории с модификаторами испытуемые вынуждены были активно использовать разные варианты модификатора: подбирать нужный под определенную ситуацию. Объединение в рамках одного экспериментального условия категорий с модификаторами и без них было необходимо для сравнения влияния понятийных комбинаций внутри процедуры по каждому испытуемому.

Изображение предмета демонстрировалось на протяжении 15 сек, и за это время испытуемый должен был назвать модификатор и название категории для одного предмета или только название категории для другого. После ответа испытуемый нажимал на клавишу «пробел», и на экране на 2 сек появлялся правильный ответ, т.е. соответствующий местоположению модификатор с названием категории или правильное название категории. Если испытуемый ошибался, он должен был произнести правильный ответ вслух.

Во время первого этапа испытуемым демонстрировались все варианты местоположений изображений вазы и чемодана (12 проб) по три раза. Если испытуемый на третьем повторе совершал ошибку, называя модификатор, его не допускали до следующего этапа. Таких испытуемых не было. Для контроля того, что

усиление КЭВ возникло не по отношению к конкретной категории, половина испытуемых заучивали связь модификаторов с местоположением для одной категории, а другая половина – для другой.

Испытуемые на этапе наименования разделялись на три группы в соответствии с тем, какие модификаторы им было нужно называть для одной из категорий. В первой экспериментальной группе испытуемые называли *типичные модификаторы*; во второй экспериментальной группе – *атипичные*; в третьей, контрольной, группе испытуемые выполняли задание *без модификаторов*, т.е. нужно было произносить вслух только названия двух категорий и соответственно не приходилось заучивать связь названия с местоположением.

В контрольной группе все ответы испытуемых на этапе наименования были аналогичны ответам испытуемых из экспериментальных групп, которые они давали для категории без модификаторов. Для того чтобы уровень знакомства с визуальными стимулами в контрольной группе был тем же, что и в экспериментальных группах, испытуемые в ней выполняли три блока тех же заданий, но без называния модификаторов. Соответственно каждый испытуемый из контрольной группы давал в два раза больше ответов соответствующего этому условию типа (без модификаторов), в связи с чем количество испытуемых в контрольной группе было в два раза меньше.

Второй и третий этапы были одинаковыми для испытуемых всех трех групп. На втором этапе, этапе *запоминания*, испытуемым предъявляли

8 различных изображений: 4 изображения на категорию «чемодана» и 4 на категорию «ваза» (рисунок 2). Эти изображения, помимо силуэта, содержали дополнительную информацию о категории. Внутри каждого силуэта на белом фоне были нарисованы четыре символа (буквы из иностранного алфавита).

Эти дополнительные к изображению силуэта признаки нужно было запомнить за 4 сек, после этого их заменяли визуальной маской, необходимой для того, чтобы избежать смешения новых признаков в зрительной рабочей памяти. Сочетания символов для каждой из двух категорий имели определенную структуру по принципу семейного сходства.

В таблице 1 приведена эта структура. Как видно по таблице, каждый из признаков мог принимать одно из

двух значений и принадлежность примера к одной из двух категорий задавалась не одним из признаков, а их совокупностью — три релевантных значения из четырех. Несмотря на искусственный характер признаков, именно такая структура свойственна многим естественным категориям (Murphy, 2002, глава 2).

Чтобы избежать смешения информации из двух категорий, значения признаков для категорий 1 и 2 были различными, например, значение «1» для признака «а» было разным у категории 1 и категории 2 (см. рисунок 2).

Все 8 изображений демонстрировались два раза в случайном порядке, таким образом, каждый испытуемый видел в совокупности 16 изображений.

На третьем этапе, этапе *оценки КЭВ*, мы измеряли степень КЭВ,

Рисунок 2

Стимулы для запоминания (слева) и прототип (справа)

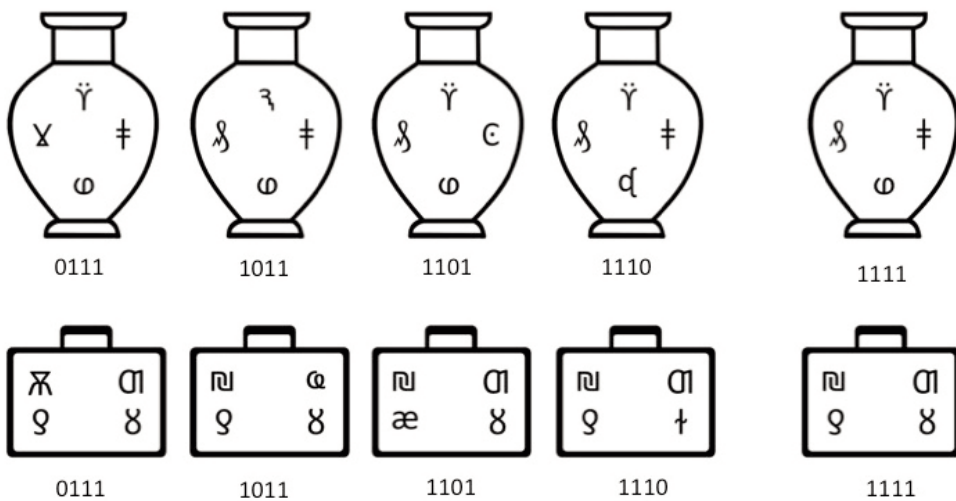

Таблица 1

Структура категорий: объекты-примеры категорий (1–10); признаки (a, b, c, d) и их значения (1 – часто встречаемое, категориальное, 0 – редко встречаемое)

		Категория 1				Категория 2			
		a	b	c	d	a	b	c	d
Объекты для запоминания	1	1	1	1	0	1	1	1	0
	2	1	1	0	1	1	1	0	1
	3	1	0	1	1	1	0	1	1
	4	0	1	1	1	0	1	1	1
Тестовые объекты: прототипы	5	1	1	1	1	1	1	1	1
Тестовые объекты: с новым значением	6	x	1	1	1	x	1	1	1
	7	1	x	1	1	1	x	1	1
Тестовые объекты: с уменьшенным количеством категориальных значений признаков	8	1	1	0	0	1	1	0	0
	9	0	0	1	1	0	0	1	1
	10	1	0	1	0	1	0	1	0

сформированного на этапе запоминания. Участникам эксперимента было продемонстрировано 16 объектов, старых, ранее предъявленных, и новых, разработанных в соответствии с проверяемыми нами гипотезами об активации КЭВ. Изображения объектов предъявлялись в случайном порядке на 6 сек каждое. За это время испытуемый должен был ответить, нажав на одну из двух клавиш, встречалось ли это изображение среди запоминавшихся им на втором этапе или нет. После каждого ответа на 2.5 сек предъявлялась маска.

Объекты, предъявлявшиеся на этапе оценки КЭВ, можно разделить на четыре группы. К первой группе относятся четыре старых, ранее предъявленных изображения из двух категорий. Остальные три группы объектов были в той или иной мере новыми для испытуемого (см. таблицу 1, *тестовые* объекты). Вторая

группа состояла из двух объектов, которые являлись прототипами для двух категорий, т.е. все четыре их признака имели категориальное значение. Данные объекты были новыми, поскольку в таком сочетании значения признаков не встречались на этапе запоминания ни разу. Однако каждое из значений в отдельности, напротив, было высоко встречаемым на этапе запоминания. Третья группа включала шесть объектов (по три на каждую категорию), два признака из которых принимали категориальное, т.е. часто встречающееся на этапе запоминания значение, и два признака принимали значения, которые редко демонстрировались на этапе запоминания. Таким образом, у этих объектов количество признаков, принимавших категориальное значение, было уменьшено по сравнению с объектами на этапе запоминания, у которых

категориальных значений всегда было три. В четвертой группе было четыре объекта, по два каждой категории, три признака у которых принимали категориальные значения и один признак принимал новое значение — символ, ни разу не предъявлявшийся ранее.

Экспериментальный план и гипотезы. Независимой переменной в эксперименте было наличие и тип модификаторов на этапе наименования: условие с *типичными модификаторами*, условие с *атипичными модификаторами* и условие *без модификаторов*. Зависимой переменной являлось количество положительных и отрицательных ответов испытуемого на вопрос о том, видел ли он тестовый объект ранее, на этапе запоминания.

Согласно нашей гипотезе, наименование объектов с помощью типичного для категории модификатора должно было усилить проявление категориального эффекта восприятия в отношении запоминаемой дополнительной категориальной информации. *Базовое* проявление КЭВ должно заключаться в том, что испытуемые будут давать положительные ответы (т.е. «видели») по отношению к старым примерам (объектам, действительно встречавшимся на этапе запоминания) и по отношению к прототипам категорий (объектам, все признаки которых принимают часто встречавшиеся значения, но в таком сочетании не виденные ранее). Такие ответы обусловлены правилом категоризации — суммацией наиболее часто встречаемых значений признаков.

Дополнительное проявление КЭВ может быть обнаружено на объектах

с уменьшенным количеством категориальных значений признаков, а также на объектах, один из признаков которых принимал новое значение. Чем сильнее категориальные ожидания испытуемых, тем чаще они должны давать ответы «видел» даже по отношению к объектам, у которых меньше категориальных значений, чем было у действительно виденных ими, и тем чаще они должны давать ответов «не видел» по отношению к примерам с новыми узорами.

В отношении экспериментальных групп мы предполагали, что употребление при назывании объектов категории типичных модификаторов должно увеличить КЭВ при запоминании категориальной информации. А называние без модификаторов или употребление атипичных модификаторов должно ослабить КЭВ.

Результаты

Несмотря на то что главные оценки влияния модификаторов на КЭВ мы получали на третьем этапе эксперимента — в тесте на распознавание старых и новых примеров категории, прежде всего, мы оценили усвоение испытуемыми связи модификаторов с местоположением на первом этапе эксперимента. Напомним, что по процедуре испытуемые на этапе наименования в двух экспериментальных условиях должны были после обнаружения силуэтного изображения в одном из мест комнаты вспомнить и произнести вслух соответствующий модификатор для одной категории. От количества неправильных ответов зависело, будет ли испытуемый допущен ко второму этапу эксперимента. Если

испытуемый делал хотя бы одну ошибку, то мы повторяли еще раз блок, состоящий из 12 таких проб.

В первом блоке связь модификатора с местоположением не усвоил ни один из испытуемых. Во втором блоке в группе с типичными модификаторами ошибки сделали 5 испытуемых и в группе с атипичными модификаторами — 4 испытуемых. В третьем блоке все 36 испытуемых из двух групп выполнили задание без ошибок. Таким образом, усвоение испытуемыми связи модификатора с местоположением практически не различалось для типичных и атипичных модификаторов. Называние атипичных модификаторов не вызывало существенных сложностей, хотя только в данной экспериментальной группе были такие ошибки, когда испытуемые называли модификатор по отношению к объектам категории, для которой он был не предусмотрен (например, при появлении вазы, когда по инструкции модификатор было необходимо называть при появлении чемодана).

На этапе *оценки КЭВ* мы кодировали каждый ответ испытуемого как правильный или неправильный. В случае если ему демонстрировали старый пример, то правильным ответом было «видел», во всех остальных случаях — при предъявлении прототипов, объектов с новым значением и объектов с уменьшенным количеством категориальных значений — правильным ответом было «не видел». Если испытуемый не успевал дать ответ в отведенное для этого время, его ответ исключался из обработки. В связи с этим сумма правильных и неправильных ответов в разных экспериментальных условиях не совпадала.

Ответы каждого испытуемого в отношении каждого из типов тестовых объектов были суммированы (таблица 2). В каждом экспериментальном условии для каждого из четырех типов тестовых объектов мы сравнивали распределение количества правильных и неправильных ответов с равномерным распределением по критерию χ^2 Пирсона. Если распределение не отличалось от равномерного, мы считали, что в отношении данного типа тестового объекта испытуемые не могли применить никакой стратегии категоризации. Если количество правильных ответов было больше количества неправильных в отношении предъявлявшегося, старого объекта, это означало, что испытуемые распознавали тестовый пример как виденный ранее; если же это было в случае нового, не предъявлявшегося ранее объекта, то испытуемые распознавали его как не виденный ранее.

Если же, наоборот, количество неправильных ответов было больше правильных (такое было возможно лишь в отношении новых примеров), то это означало, что испытуемые ошибочно полагают, что данный пример был виден ими ранее, хотя на самом деле он был новым. Мы считали, что это является следствием усиления внимания испытуемых к категориальным признакам и ослабления внимания к некатегориальным.

В таблице 2 выделены полужирным курсивом лишь те данные, в которых распределение правильных и неправильных ответов в соответствующих условиях отличалось от равномерного. В первую очередь, видно, что экспериментальные условия сходны друг с другом по уровню

Таблица 2

Успешность запоминания тестовых объектов (ответ: П – правильный; Н – неправильный)

Тип модификатора, употребляемый при назывании	Ответ	Тип тестового объекта			
		Старый	Прототип	С уменьшенным количеством категориальных значений	С новым значением признака
Использование типичных модификаторов					
Типичный	Н	13.9 (5)	94.1 (16)	75.5 (40)	28.6 (10)
	П	86.1 (31)	5.9 (1)	24.5 (13)	71.4 (25)
Без модификатора	Н	33.3 (12)	88.9 (16)	61.1 (33)	36.1 (13)
	П	66.7 (24)	11.1 (2)	38.9 (21)	63.9 (23)
Использование атипичных модификаторов					
Атипичный	Н	23.5 (8)	94.4 (17)	67.9 (36)	51.5 (17)
	П	76.5 (26)	5.6 (1)	32.1 (17)	48.5 (16)
Без модификатора	Н	28.6 (10)	100.0 (18)	63.0 (34)	47.1 (16)
	П	71.4 (25)	0.0 (0)	37.0 (20)	52.9 (18)
Без использования модификаторов					
Без модификатора	Н	22.2 (6)	92.9 (13)	65.0 (26)	33.3 (9)
	П	77.8 (21)	7.1 (1)	35.0 (4)	66.7 (18)

успешности в распознавании старых примеров и прототипов. Испытуемые во всех экспериментальных условиях как для объектов, которые они называли с использованием модификаторов, так и для объектов, называвшихся только именем категории, давали значимо больше правильных ответов при распознавании старых примеров, а при распознавании прототипов, напротив, больше неправильных ответов.

Например, в условиях с типичными модификаторами испытуемые давали 86.1% правильных ответов при распознавании старых примеров категории и 13.9% неправильных ($\chi^2(1) = 18.78$; $p < .001$). Для примеров категории, называвшейся без

модификаторов, это различие было слабее (66.7% и 33.3% соответственно), но все же значимо ($\chi^2(1) = 4.00$; $p < .05$). Сходное распределение в ответах было и в условии с атипичными модификаторами, и в условии без модификаторов ($p < .01$). В отношении примеров-прототипов ситуация была обратная: во всех условиях около 90% ответов испытуемых были неправильными — иными словами, они считали, что эти примеры они видели на этапе запоминания ($p < 0.001$).

Такое распределение в ответах в отношении старых примеров и прототипов демонстрирует наличие базового эффекта категориального научения. Испытуемые в отношении

всех категорий выделили часто встречающиеся, т.е. категориальные, значения признаков у искусственных объектов и сформировали правило категоризации для примеров двух категорий. Экспериментальное воздействие не оказало значительного влияния на этот базовый эффект. При этом, хотя испытуемые из всех трех экспериментальных групп были в равной степени готовы для категоризации высоко типичных примеров, они могли по-разному реагировать на примеры с уменьшенным количеством категориальных значений или на примеры, признаки которых приносили новые значения.

По отношению к объектам с уменьшенным количеством категориальных значений в случае, если испытуемые называли объекты данной категории понятийными комбинациями с типичными модификаторами, мы обнаружили такое же различие в количестве правильных и неправильных ответов, что и в отношении прототипов ($\chi^2(1) = 13.76$; $p < .001$). И при назывании комбинациями с атипичными модификаторами мы наблюдаем то же распределение в ответах ($\chi^2(1) = 6.81$; $p < .01$). Испытуемые давали больше неправильных ответов, чем правильных: им так же, как и в отношении прототипов, казалось, что эти примеры они уже встречали на этапе запоминания. Такое распределение ответов понятно в случае прототипов, включающих все частые значения признаков, но удивительно в отношении примеров с уменьшенным количеством категориальных значений. Они содержали всего два часто встречающихся значения и при этом два редко встречавшихся значения признаков.

Для испытуемых в условиях с типичными и атипичными модификаторами даже двух категориальных значений было достаточно, чтобы они сочли объекты похожими на виденные ранее.

Однако, как видно в таблице 2, во всех условиях по отношению к объектам с уменьшенным количеством категориальных значений, в случае если испытуемые называли объекты данной категории просто именем категории без модификаторов, распределение ответов не отличалось от равномерного ($p > .05$). Уменьшение количества категориальных значений не позволило в данном случае испытуемым отнестись к данным объектам как к представителям группы, увиденной ранее. Таким образом, мы видим, что именно наличие модификаторов (как типичных, так и атипичных) приводит к увеличению внимания к категориальным признакам.

В отношении тестовых объектов с новым значением признака лишь в случае названия объектов данной категории понятийными комбинациями с типичными модификаторами мы видим значимо большее число правильных ответов, чем неправильных ($\chi^2(1) = 6.43$; $p = .01$). Иными словами, одного нового значения признака было достаточно, чтобы испытуемые, опираясь на него, правильно распознавали, что эти примеры были новыми. Интересно, что даже наличие трех категориальных значений не мешало распознаванию этих примеров как новых. Во всех остальных экспериментальных условиях как при названии объектов понятийными комбинациями с атипичными модификаторами, так и при назывании без модификаторов в

отношении объектов с новым значением количество правильных ответов значимо не отличалось от количества неправильных ($p > .05$).

Кроме оценки успешности в распознавании старых и новых объектов, мы дополнительно оценили время ответа. Испытуемые отвечали быстрее в условиях с типичными модификаторами ($M = 2.49$, $SD = 1.01$, $SE = 0.07$) и без модификаторов ($M = 2.50$, $SD = 1.03$, $SE = 0.11$), чем в условиях с атипичными модификаторами ($M = 2.64$, $SD = 1.14$, $SE = 0.07$). Однако дисперсионный анализ не обнаружил влияния этого фактора на время ответа ($F(2; 672) = 1.37$, $p = .26$).

Что касается влияния типа тестовых объектов на время ответа, то мы обнаружили, что быстрее всего испытуемые давали ответы на объекты с новым значением признака ($M = 2.48$, $SD = 1.08$, $SE = 0.08$), практически такое же время ответа было на старые примеры ($M = 2.55$, $SD = 1.01$, $SE = 0.08$) и прототипы ($M = 2.54$, $SD = 1.21$, $SE = 0.12$), и медленнее всего испытуемые давали ответ на объекты с уменьшенным количеством категориальных значений ($M = 2.64$, $SD = 1.05$, $SE = 0.07$). Влияние этого фактора также не было значимым ($F(3; 672) = 0.77$, $p = .51$). Кроме того, дисперсионный анализ не обнаружил взаимодействия между факторами условий типа тестовых объектов и наличия модификаторов. Отсутствие различий во времени ответа обусловлено, по-видимому, тем, что выполняемое задание было комплексным, включающим запоминание вербальных ярлыков, их связи с местоположением объектов и новой категориальной информации. Из-за такого комплексного характе-

ра задания время ответа в целом было высоким — по всем тестовым объектам около 2.5 сек. В этих условиях более информативным остается анализ успешности выполнения заданий, чем анализ времени ответа.

В целом результаты демонстрируют, что если для примеров одной или двух категорий в их назывании не используются модификаторы, это не мешает выделению прототипа и распознаванию старых примеров категорий. Но использование модификаторов влияет на принятие решений о более сложных примерах: со сниженным количеством категориальной информации или содержащих новые признаки. Даже уменьшенного количества категориальных значений достаточно, чтобы испытуемые приняли решение о принадлежности объектов к группе увиденных ранее. Однако лишь использование при назывании объектов категории типичных модификаторов помогает испытуемым идентифицировать в примерах новые признаки.

Обсуждение

В проведенном нами исследовании мы изучали роль понятийных комбинаций в проявлении эффекта категориальности восприятия. Мы расширили данные о влиянии названия категории в КЭВ, обнаруженном ранее в исследованиях естественных и искусственных категорий (Лурия, 2008; Котов и др., 2012), показав его усиление при включении в название категории дополнительных определений — модификаторов. Мы обнаружили, что различные типы модификаторов — как типичные для категории,

так и атипичные — усиливают внимание к категориальным признакам, но лишь типичные модификаторы помогают распознанию новой для категории информации. Эти результаты были для нас частично неожиданными, поскольку мы предполагали, что КЭВ должен быть одинаковым при отсутствии модификаторов и при наличии атипичных модификаторов, нерелевантных для категории определений.

Наши предположения основывались на семантических моделях понятийных комбинаций (Hampton, 1987; Springer, Murphy, 1992), в которых функция модификаторов объясняется как смещением внимания к релевантным для категории признакам, так и возрастанием различимости примеров разных категорий. Наши результаты можно интерпретировать таким образом, что лишь использование типичных модификаторов приводит к обоим свойствам. При назывании объектов категории с помощью типичных модификаторов испытуемые в нашем эксперименте ложно распознавали как виденные ранее новые примеры с небольшим количеством категориальных значений признаков и правильно оценивали примеры с новыми узорами как ранее не виденные. При использовании же атипичных модификаторов наблюдалось лишь наличие первого механизма — усиления внимания к категориальным признакам.

Таким образом, семантические модели понятийных комбинаций, возможно, смешивают механизмы, участвующие в активации КЭВ под воздействием модификаторов категории. Мы полагаем, что само по себе наличие дополнительного определе-

ния по отношению к главному имени категории выполняет роль «усиления» весов признаков, образующих ядро категории. Механизм этого процесса не семантический, а скорее прагматический — его могут вызывать любые слова, которые рассматриваются испытуемым как указания на наличие подгрупп в основной категории. Подобные указания усиливают внимание испытуемых к принадлежности данных объектов к категории в целом.

Напротив, вариации значения слов-определений имеют действительно семантическое влияние на процессы категоризации, поскольку если слова-определения и слова-названия категории хорошо дополняют друг друга, их сочетание соотносится с предыдущими знаниями, хранящимися в семантической памяти, то такое определение может подчеркивать свойства одной категории в сопоставлении с другими, тематически и семантически с нею связанными или даже противопоставляемыми ей. Чем больше таких указаний, тем сильнее категория воспринимается как непохожая на другую категорию. В результате при использовании типичных модификаторов категория, с которой имеет дело испытуемый, словно бы несколько раз сравнивается с другими категориями и внимание испытуемого привлекается к возможным различиям между знакомыми и новыми признаками. Тогда как при использовании атипичных модификаторов внимание испытуемых привлекается только к сходству объектов данной категории, к частоте совпадения знакомых признаков.

Безусловно, мы не видим полной независимости семантического и

несемантического механизмов в наших данных. Скорее, можно говорить о привлечении внимания к ядру категории и к отличию ее от других категорий как о последовательных стадиях, или степенях, КЭВ.

Кроме того, необходимо учесть, что влияние модификаторов в целом было показано в нашем исследовании в условиях довольно специфического процесса научения, в котором представления о категории, называвшейся без модификаторов, были не задействованы. Дело в том, что для называния понятийных комбинаций испытуемые учились употреблять определенные слова (те или иные модификаторы) для обозначения определенных объектов (расположенных в тех или иных местах сцены), им не приходилось учиться этому для называния категории без модификатора. Процесс такого научения сам мог бы вызвать активацию КЭВ, обнаруженную нами в условиях с модификаторами: готовность признавать виденными ранее новые объекты с уменьшенным числом категориальных значений.

С другой стороны, такое научение может быть рассмотрено как необходимая часть несемантического, прагматического механизма влияния модификаторов: для того чтобы определение привлекало внимание к свойствам категории, к принадлежности объектов к некоей категории, необходимо указание на роль этих определений в процессе категоризации. В особенности такое указание было бы важно в случае атипичных

определений, не использовавшихся для категоризации внутри данной категории в обыденной жизни.

Обнаружение связи понятийных комбинаций и эффекта категориальности восприятия стало возможным благодаря сочетанию экспериментального материала из названий для естественных категорий (частотные оценки типичных определений для имен категорий) и структуры искусственных категорий (комбинация искусственных признаков в структуре по принципу семейного сходства). Такое сочетание может казаться нарушающим экологическую валидность. Однако в ходе развития, становления категорий такие ситуации вполне возможны. Так, известно, что первичное становление категоризации в онтогенезе происходит путем различения категорий по наиболее заметным признакам (Mareschal, Tan, 2007; Rakison, 2006), лишь после того как они будут выделены и закреплены в долговременной памяти, дети смогут находить новые связанные с ними и коррелирующие между собой признаки. При таком расширении круга категориальных признаков у детей, так же как и взрослых, большое значение имеют сопровождающие восприятие примеров названия категорий (Plunkett et al., 2008).

В совокупности результаты проведенного исследования поддерживают теоретическую позицию о значительной роли речи в привлечении внимания к категориальной информации в процессе восприятия.

Литература

- Котов, А. А., Котова, Т. Н. (2013). Произношение имен объектов и категориальный эффект восприятия. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(3), 75–85.
- Котов, А. А., Котова, Т. Н., Власова, Е. Ф., Агрба, Л. Б. (2012). Эффект интенции значения: как простое присутствие слова активизирует категоризацию. *Вопросы психолингвистики*, 2(16), 136–143.
- Anderson, J. R., & Bower, G. H. (1973). *Human associative memory*. Washington, DC: Winston.
- Collins, A. M., & Loftus, E. F. (1975). A spreading-activation theory of semantic processing. *Psychological Review*, 82, 407–428.
- Collins, A. M., & Quillian, M. R. (1969). Retrieval time from semantic memory. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 8, 241–248.
- Daoutis, C. A., Pilling, M., & Davies, I. R. L. (2006). Categorical effects in visual search for colour. *Visual Cognition*, 14(2), 217–240.
- Deng, W., & Sloutsky, V. M. (2012). Carrot eaters or moving heads: inductive inference is better supported by salient features than by category labels. *Psychological Science*, 23(2), 178–86.
- Estes, Z., Verges, M., & Barsalou, L. W. (2008). Head up, foot down object words orient attention to the objects' typical location. *Psychological Science*, 19(2), 93–97.
- Gilbert, A. L., Regier, T., Kay, P., & Ivry, R. B. (2005). Whorf hypothesis is supported in the right visual field but not the left. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 103(2), 489–494.
- Gilbert, A. L., Regier, T., Kay, P., & Ivry, R. B. (2008). Support for lateralization of the Whorf effect beyond the realm of color discrimination. *Brain and Language*, 105(2), 91–98.
- Hampton, J. A. (1987). Inheritance of attributes in natural concept conjunctions. *Memory and Cognition*, 15, 55–71.
- Lupyan, G. (2008). From chair to «chair»: A representational shift account of object labeling effects on memory. *Journal of Experimental Psychology: General*, 137(2), 348–369.
- Lupyan, G., & Spivey, M. J. (2009). Redundant spoken labels facilitate perception of multiple items. *Attention, Perception and Psychophysics*, 71(8), 481–489.
- Mareschal, D., & Tan, S. H. (2007). Flexible and context-dependent categorization by eighteen-month-olds. *Child Development*, 78(1), 19–37.
- Murphy, G. L. (2002). *The big book of concepts*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Peirce, J. W. (2007). PsychoPy – Psychophysics software in Python. *Journal of Neuroscience Methods*, 162(1–2), 8–13.
- Plunkett, K., Hu, J.-F., & Cohen, L. B. (2008). Labels can override perceptual categories in early infancy. *Cognition*, 106(2), 665–681.
- Rakison, D. H. (2006). Make the first move: how infants learn about self-propelled objects. *Developmental Psychology*, 42(5), 900–912.
- Springer, K., & Murphy, G. L. (1992). Feature availability in conceptual combination. *Psychological Science*, 3, 111–117.
- Vales, C., & Smith, L. B. (2014). Words, shape, visual search and visual working memory in 3-year-old children. *Developmental Science*, 1, 1–15.
- Waxman, S. R., & Markow, D. B. (1995). Words as invitations to form categories: Evidence from 12- to 13-month-old infants. *Cognitive Psychology*, 29(3), 257–302.

Приложение

Используемые в эксперименте модификаторы и их связь с месторасположением изображения

	Категория «чемодан»		Категория «ваза»		Расположение
	Типичный модификатор	Атипичный модификатор	Типичный модификатор	Атипичный модификатор	
1	вместительный	виниловый	разбитая	танцевальная	под столом
2	кожаный	духовный	китайская	вкусная	перед лампой
3	старый	жареный	цветочная	вельветовая	на столе
4	тяжелый	прощальный	хрустальная	людная	возле двери
5	удобный	пресный	хрупкая	цифровая	на полке
6	дорожный	парковый	древняя	пасхальная	в шкафу

Котов Алексей Александрович — старший научный сотрудник, лаборатория когнитивных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук.

Контакты: al.kotov@gmail.com

Беляева Валерия Андреевна — студент, департамент интегрированных коммуникаций, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Контакты: vabelyaeva94@gmail.com

Котова Татьяна Николаевна — старший научный сотрудник, лаборатория когнитивных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат психологических наук.

Контакты: tkotova@gmail.com

Enhancing the Effect of Categorical Perception by Means of Conceptual Combinations

A.A. Kotov^a, V.A. Belyaeva^a, T.N. Kotova^b

^a National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

^b Russian Academy of National Economy and Public Administration, 84 Vernadsky prosp., Moscow, 119571, Russian Federation

Abstract

Objects that fall into one category seem more similar than objects, which differ in their physical parameters to the same extent, but don't fall into one category. Recent research showed that this categorical perception effect significantly strengthens with giving objects a common name (Kotov et al., 2012; Lupyan, 2008). In the present experiment we intensified categorical perception effect by means of conceptual combinations – definitions, additional to the main name of the category. We compared the manifestation of categorical perception effect in the context of typical combinations ('Chinese vase'), atypical ('tasty vase') and in the context without conceptual combinations (simply 'vase'). In the beginning the subjects were giving objects, shown to them, categories with or without different types of conceptual combinations, and then memorized additional visual information about objects, which included categorical, i.e. frequent, and individual, i.e. rare qualities. As a result of the study we found out that in all contexts, both with conceptual combinations and without them, the subjects successfully formed prototype of category and recognized old examples of categories. Along with that, only under the conditions of usage of conceptual combinations (both typical and atypical) in relation to objects with reduced quantity of categorical information the subjects demonstrated categorical perception effect, i.e. considered these objects as seen before. Moreover, only with the usage of typical conceptual combinations, as distinct from the usage of atypical ones, the subjects successfully recognized objects with new qualities. We discuss the discovered differences as a manifestation of two functions of conceptual combinations in categorical effect of perception: drawing of attention to the category's core and underlining category's differences from other categories. Given results are compared with semantic models of conceptual combinations (Hampton, 1987; Springer, Murphy, 1992).

Keywords: effect of categorical perception, conceptual combinations, memory, category learning, language.

References

- Anderson, J. R., & Bower, G. H. (1973). *Human associative memory*. Washington, DC: Winston.
- Collins, A. M., & Loftus, E. F. (1975). A spreading-activation theory of semantic processing. *Psychological Review*, 82, 407–428.
- Collins, A. M., & Quillian, M. R. (1969). Retrieval time from semantic memory. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 8, 241–248.
- Daoutis, C. A., Pilling, M., & Davies, I. R. L. (2006). Categorical effects in visual search for colour. *Visual Cognition*, 14(2), 217–240.

- Deng, W., & Sloutsky, V. M. (2012). Carrot eaters or moving heads: inductive inference is better supported by salient features than by category labels. *Psychological Science*, *23*(2), 178–86.
- Estes, Z., Verges, M., & Barsalou, L. W. (2008). Head up, foot down object words orient attention to the objects' typical location. *Psychological Science*, *19*(2), 93–97.
- Gilbert, A. L., Regier, T., Kay, P., & Ivry, R. B. (2005). Whorf hypothesis is supported in the right visual field but not the left. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, *103*(2), 489–494.
- Gilbert, A. L., Regier, T., Kay, P., & Ivry, R. B. (2008). Support for lateralization of the Whorf effect beyond the realm of color discrimination. *Brain and Language*, *105*(2), 91–98.
- Hampton, J. A. (1987). Inheritance of attributes in natural concept conjunctions. *Memory and Cognition*, *15*, 55–71.
- Kotov, A. A., & Kotova, T. N. (2013). Object name pronunciation and the categorizing effect of perception. *Psychology Journal of Higher School of Economics*, *10*(3), 75–85. (in Russian).
- Kotov, A. A., Kotova, T. N., Vlasova, E. F., & Agrba, L. B. (2012). The effect of the category intention: How the mere presence of a word activates categorization. *Journal of Psycholinguistics*, *2*(16), 136–143.
- Lupyan, G. (2008). From chair to «chair»: A representational shift account of object labeling effects on memory. *Journal of Experimental Psychology: General*, *137*(2), 348–369.
- Lupyan, G., & Spivey, M. J. (2009). Redundant spoken labels facilitate perception of multiple items. *Attention, Perception and Psychophysics*, *71*(8), 481–489.
- Mareschal, D., & Tan, S. H. (2007). Flexible and context-dependent categorization by eighteen-month-olds. *Child Development*, *78*(1), 19–37.
- Murphy, G. L. (2002). *The big book of concepts*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Peirce, J. W. (2007). PsychoPy – Psychophysics software in Python. *Journal of Neuroscience Methods*, *162*(1–2), 8–13.
- Plunkett, K., Hu, J.-F., & Cohen, L. B. (2008). Labels can override perceptual categories in early infancy. *Cognition*, *106*(2), 665–681.
- Rakison, D. H. (2006). Make the first move: how infants learn about self-propelled objects. *Developmental Psychology*, *42*(5), 900–912.
- Springer, K., & Murphy, G. L. (1992). Feature availability in conceptual combination. *Psychological Science*, *3*, 111–117.
- Vales, C., & Smith, L. B. (2014). Words, shape, visual search and visual working memory in 3-year-old children. *Developmental Science*, *1*, 1–15.
- Waxman, S. R., & Markow, D. B. (1995). Words as invitations to form categories: Evidence from 12- to 13-month-old infants. *Cognitive Psychology*, *29*(3), 257–302.

Alexey A. Kotov – senior researcher, Laboratory for Cognitive Research, National Research University Higher School of Economics, Ph.D.
E-mail: al.kotov@gmail.com

Valeriya A. Belyaeva – student, School of Integrated Communications, National Research University Higher School of Economics.
E-mail: vabelyaeva94@gmail.com

Tatyana N. Kotova – senior researcher, Laboratory for Cognitive Research, Russian Academy of National Economy and Public Administration, Ph.D.
E-mail: tkotova@gmail.com

ОТ ВЗГЛЯДОВ Л.С. ВЫГОТСКОГО К СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ

В.М. РОЗИН^а

^а *Институт философии РАН, 119019, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1*

Резюме

В статье рассматривается концепция развития Л.С. Выготского. Обсуждаются ее недостатки с точки зрения современных научных представлений. Предлагается новая концепция развития, основанная на идеях шага развития, культурно-исторической и семиотической природы способностей и культуры жизни человека. Первая идея связана с различением экзистенциальных ситуаций, проблем, схем как средств разрешения этих проблем, новой реальности, видения и действий. Вторая — с культурно-исторической и семиотической трактовкой способностей человека. Третья — с культурологической характеристикой этапов развития человека. Общие положения иллюстрируются на примере анализа нескольких кейсов. Среди общих положений ряд новых для психологии гипотез. Например, автор разбирает следующий важный для психологии момент. Аристотель в работе «О душе» создает антропологические схемы, задающие новую, мы бы сегодня сказали, психологическую реальность, которая заставляет греков использовать созданные им правила, категории и образцы мысли. Когда греки привыкли к новой деятельности и реальности (на это, кстати, ушло почти два века), им стало казаться, что мышление и есть именно такой феномен, о котором писал Аристотель, и оно всегда было у человека. Эту иллюзию ученые разделяют до сих пор. Автор утверждает, что и другие способности человека, например память, воображение, эмоции, тоже представляют собой не натуральные, исходно присущие человеку феномены, а культурно-исторические и семиотические образования. Другая гипотеза касается периодизации психического развития. Автор считает, что периодизация развития человека должна основываться не на концепции возраста, а на другой — «культуры жизни человека». Ссылаясь на свои работы, он утверждает, что единым человек является только в биологическом плане, как культурное и духовное существо человек — не един. Существуют несколько «культур жизни человека»: «культура детства», «культура отрочества и юности», несколько «культур взрослого человека». Каждая культура жизни человека характеризуется особенностями жизнедеятельности и видения (сознания), а также характером социализации.

Ключевые слова: развитие, ситуация, проблемы, реальность, действия, понимание, видение, культуры жизни, знаки, схемы.

Не будет преувеличением утверждать, что в настоящее время понимание развития человека и психики, которым мы пользовались в прошлом столетии, неудовлетворитель-

но, вероятно, оно исчерпало себя. Приходится заново обсуждать, что собой представляет развитие, как его можно помыслить. Заново не означает — отбрасывая прежние взгляды,

а переосмысляя их. В этом отношении большой интерес представляет концепция Л.С. Выготского.

В методологическом плане последняя самая большая работа Выготского «Мышление и речь» основывается как раз на его концепции развития. Поясняя в начале книги общую программу исследований, он пишет: «Объединяющим моментом всех этих исследований является идея развития...» (Выготский, 1982, с. 23). У Л.С. Выготского можно выделить два разных, по сути, не связанных между собой понимания развития. С одной стороны, развитие Л.С. Выготский трактует биологически, в этом случае он употребляет такие выражения, как «рост» (мышления, значений, понятий), «проращивание», «почка», «самодвижение», «отбор». В этой модели отсчет развития мышления начинается чуть ли не с животного мира или с самого раннего детства.

«Не является для марксизма, — пишет Л.С. Выготский, — сколько-нибудь новым то положение, что в животном мире заложены корни человеческого интеллекта... во всяком случае, нет основания отрицать наличие генетических корней мышления и речи в животном царстве, и эти корни, как показывают все данные, различны для мышления и речи» (Там же, с. 112, 113).

В так понимаемом развитии мышления Л.С. Выготский различает отдельные этапы, промежуточные формы (ср. поиск промежуточных звеньев между человеком и обезьяной), незрелые, неустойчивые формы, которые постепенно созревают, усложняются, адаптируются к среде. С точки зрения подобной биологиче-

ской концепции мышление в самой простой зачаточной форме (как почка, семя) присутствует уже у совсем маленького ребенка, когда он осваивает первые значения слов, и в сложной развитой (понятийной) форме — у подростка и взрослого. По мнению Л.С. Выготского, развивается мышление под влиянием причин и факторов, трактуемых сугубо в естественно-научном ключе. Впрочем, в данном вопросе Л.С. Выготский действует вполне последовательно, реализуя свою установку на построение психологии как точной естественной науки, которую он четко сформулировал в 1927 г. в работе «Исторический смысл психологического кризиса (методологическое исследование)».

Однако наряду с биологическим представлением о развитии в «Мышлении и речи» мы находим совершенно другое понимание развития, вероятно, сложившееся под влиянием философских идей: развитие как механизм осознания, как способ овладения с помощью знаков собственными психическими процессами.

«Проблема, — пишет Л.С. Выготский, — заключается именно в этом, ибо развитие состоит в прогрессирующем осознании понятий и операций собственной мысли» (Там же, с. 212). «Центральным для этого процесса, как показывают исследования, является функциональное употребление знака или слова в качестве средства, с помощью которого подросток подчиняет своей власти собственные психические операции, с помощью которого он овладевает течением собственных психических процессов и направляет их деятельность на разрешение стоящей перед ним задачи» (Там же, с. 132).

Естественно ожидать, что Л.С. Выготский покажет, как связано первое квазибиологическое понятие, на основе которого он устанавливает основные закономерности развития детского мышления, со вторым понятием развития, а также каким образом оба эти понятия связаны с идеей использования слова-знака, понятия-знака. Однако в «Мышлении и речи» мы этого не находим.

Тем не менее отчасти все же можно понять, как Л.С. Выготский пытался связать введенные им два разных понятия развития: он предлагает различать развитие «эволюционного» и «революционного» типа. «Первый признак заключается в том, что при всяком изменении субстрата, лежащий в основе развивающегося явления, остается тем же самым... Единство как постоянство всего процесса развития, внутренняя связь между прошедшей стадией развития и наступившим изменением — вот второй основной признак, который входит в понятие развития» (Выготский, 1983, с. 149). Дальше Л.С. Выготский замечает, что с точки зрения такого понимания второе понимание многие психологи не считают развитием, отказываются «рассматривать культурный опыт ребенка», «приучение», «усвоение» и «воспитание» как акты развития (Там же, с. 149). Но, говорит Л.С. Выготский, — это тоже развитие, однако «революционного типа, иначе говоря, резкие и принципиальные изменения самого типа развития, самих движущих сил прогресса, а хорошо известно, что наличие революционных изменений наряду с эволюционными не является таким признаком, который исключал бы возможность прило-

жить понятие развития к этому процессу» (Там же, с. 151).

Анализируя второе понимание развития у Л.С. Выготского, А.А. Пузырей «додумывает Выготского до конца». «Развитие тут, — пишет А.А. Пузырей, — стало быть, происходит только в той мере, в которой совершается некоторое действие, направленное на развитие, то есть здесь “нечто” развивается в силу того, что его “развивают”... Это “процесс”, имеющий непременную “искусственную” компоненту — компоненту специального нашего действия. Мы должны были бы говорить здесь об особом роде действиях по перестройке или реорганизации психологического аппарата или режимов его работы. Еще раз: подобного рода действия можно назвать “психотехническими” действиями. Психика человека сама по себе, по мысли Л.С. Выготского, не имеет своих собственных законов развития и больше того — вообще не обладает развитием. Психическое и духовное развитие человека происходит всегда за счет особых, специально организуемых (вырабатываемых в истории и закрепляемых в культуре в самых различных подчас весьма неожиданных и экзотических формах) искусственных систем психотехнического действия, т.е. действия над психикой, т.е. действия по овладению и изменению психики с помощью применения специальных искусственных знаковых средств» (Пузырей, 1968, с. 85–86).

А.А. Пузырей, конечно, прав, утверждая, что исследование может быть разным, в частности, ориентированным на психотехническое развитие нового человека. Л.С. Выготский

периодически формулировал установку на подобное развитие, тем не менее его исследование этой установке не отвечало. Зато он последовательно реализовал естественно-научный подход. Впрочем, я не совсем точен. В «Истории развития высших психических функций» Л.С. Выготский действительно выстраивает такую онтологию, которая отвечает психотехнической установке. Но установке, не противоречащей естественно-научному подходу, как это утверждает А.А. Пузырей, а, напротив, реализующей именно ее, причем строго и дважды.

Так, Л.С. Выготский, с одной стороны, проводит аналогию между отношением человека-инженера к природе (такой человек овладевает природными процессами с помощью орудий и машин) и отношением развивающегося ребенка к своей собственной психике и поведению (которыми ребенок овладевает, научается управлять с помощью орудий-знаков). «Каждой определенной ступени в овладении силами природы необходимо соответствует определенная ступень в овладении поведением, в подчинении психических процессов власти человека... Человек вводит искусственные стимулы, сигнализирует поведение и при помощи знаков создает, воздействуя извне, новые связи в мозгу» (Выготский, 1983, с. 80).

С другой стороны, Л.С. Выготский ту же самую аналогию, правда, расширяя ее, распространяет и на отношения «внешнее — внутреннее», «социальное — психическое», доказывая, что интериоризация социального опыта и отношений по сути есть механизм воздействия активной

социальной среды («социального инженера» — родителя, педагога, друзей и т.д.) на психику ребенка, который в результате этого развивается. По мнению Л.С. Выготского, всякая функция человеческой психики первоначально складывается как внешняя, социальная форма общения между людьми, как трудовая или иная деятельность, и лишь затем, в результате интериоризации, становится компонентом психики человека. Не случайно, что в работе «Мышление и речь» Л.С. Выготский цитирует Жане, утверждающего, по мнению Л.С. Выготского, что «за властью слова над психическими функциями стоит реальная власть начальника и подчиненного, отношение психических функций генетически должно быть отнесено к реальным отношениям между людьми. Регулирование посредством слова чужого поведения постепенно приводит к выработке вербализованного поведения самой личности» (Выготский, 1982, с. 142).

Проводя глубокую аналогию внутреннего и психического с природными процессами, на которые воздействует инженер (один раз в форме социального опыта, а другой — активности самого ребенка), Л.С. Выготский, с одной стороны, может приписывать психике законы и имманентные изменения, т.е. развитие, напоминающее биологическое, с другой — утверждать, что использование знаков и интериоризация социального опыта как раз и запускают эти законы и изменения. Подобная психотехническая установка и онтология, безусловно, способствуют формированию нового («возможно-го») человека, но совсем не такого,

которого подразумевает А.А. Пузырей. Новый человек, по Л.С. Выготскому, вполне вписывается в вариант идеологического техницизма и марксизма, это инженер чужих и своей душ, вполне чуждый духовности и гуманитарной культуры. Мне такой подход чужд, хотя ряд идей Л.С. Выготского о роли знаков, перестройке психики, интериоризации социального опыта, развитии высших психических функций представляются интересными. Попробую теперь ввести основные положения о развитии, опирающиеся на мои методологические, культурологические, семиотические и антропологические исследования.

Первое, что стоит пересмотреть, — понимание факторов, обуславливающих развитие человека в культуре. Не только обучение, но и *СМИ*, и *семья*, и *друзья*, и во многих случаях самостоятельные поиски, чтение, размышления о своей жизни (другими словами, нужно учитывать еще один важный фактор — *личность* индивида). Да и обучение не равно само себе: одно дело дошкольное и начальное обучение, другое — среднее, третье — высшее, четвертое — гуманитарное, пятое — техническое, шестое — экономическое, седьмое — в идеологии тьюторства и т.д.

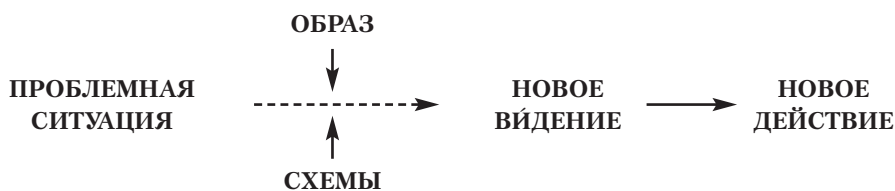
Вторая линия переосмысления, пожалуй, даже более существенная. Теоретические представления о развитии Л.С. Выготского и современных исследователей (философов, психологов, педагогов), к сожалению, не выглядят убедительными, не вообще, а с точки зрения вызовов времени и методологии, а также результатов многочисленных исследований в разных научных дисцип-

линах. Например, что значит овладение собственным поведением? Оно уже сложилось и его надо только описать, тогда причем здесь знаки как орудия преобразования психики? Или именно демонстрация внешних социальных отношений и действий, подкрепленных использованием знаков, *формирует* (конституирует) внутренний план психики? Но в этом случае что значит овладение? А как Л.С. Выготский понимает, что такое знак? Орудийное понимание знака трудно соотносить с представлениями современной семиотики.

Легко критиковать других, а вот что скажет сам автор? Начну я с такого положения. В развитии происходит не овладение собственным поведением, а его *конституирование*, *не знаки здесь главное, а схемы*. Схемы (чаще нарративные, чем графические) позволяют разрешить проблемы, вставшие перед человеком; в свою очередь проблемы кристаллизуются в экзистенциальных ситуациях, которые проживает человек. Изобретение новых или заимствование из культуры существующих схем позволяет переорганизовать внутренний опыт человека, в результате чего меняется его видение реальности и понимание. Психологически это воспринимается как открытие новых реалий (объектов, предметов, событий), а иногда — попадания в новый мир. Новое видение и понимание — условие и новых действий (поступков).

На рисунке 1 приведен один из «тактов развития». Понимаю, все это достаточно абстрактно, поэтому для облегчения понимания приведу один кейс.

Такт развития

Главный герой романа «Воскресение», князь Дмитрий Иванович Нехлюдов, еще будучи студентом, гостит у своих теток и соблазняет их 16-летнюю полугорничную, полувоспитанницу Катюшу Маслову. Сунув ей в последний день сторублевую бумажку, он уезжает. Катюша узнает, что она беременна, уходит от своих барышень-хозяев, а дальше ее судьба складывается очень печально. Ребенок умирает, и после ряда жизненных перипетий Маслова оказывается в доме терпимости. Семь лет спустя ее судят по подозрению в отравлении купца Смелькова, который весь день накануне и последнюю ночь перед смертью провел с Масловой в доме терпимости. Нехлюдов с ужасом узнает в подозреваемой соблазненную им девушку. Хотя Маслова была невиновна, но судебная ошибка приводит к тому, что ее осуждают на каторгу. Во время суда и после него в душе Нехлюдова идет борьба, которая заканчивается решением князя изменить свою жизнь и искупить вину перед Катюшей, что Нехлюдов и делает.

«Как загладить свой грех перед Катюшей? Нельзя же это оставить так. «Нельзя бросить женщину, которую я любил, и удовлетвориться тем, что заплачу деньги адвокату и избав-

лю ее от каторги, которой она и не заслуживает, загладить вину деньгами, как я тогда думал, что сделал, что должно, дав ей деньги».

И он живо вспомнил минуту, когда он в коридоре, догнав ее, сунул ей деньги и убежал от нее. «<...>— Только мерзавец, негодяй мог это сделать! И я, я тот негодяй и тот мерзавец! — вслух заговорил он. — Да неужели в самом деле, — он остановился на ходу, — неужели я в самом деле, неужели я точно негодяй? А то кто же? — ответил он себе. <...>»

«Разорву эту ложь, связывающую меня, чего бы это мне ни стоило, и признаю все и всем скажу правду и сделаю правду, — решительно вслух сказал он себе. <...>»

Он молился, просил Бога помочь ему, вселиться в него и очистить его, а между тем то, о чем он просил, уже совершилось. Бог, живший в нем, проснулся в его сознании. Он почувствовал себя им и потому почувствовал не только свободу, бодрость и радость жизни, но почувствовал все могущество добра. Все, все самое лучшее, что только мог сделать человек, он чувствовал себя теперь способным сделать» (Толстой, 1948).

Так все это выглядит для развивающегося человека. Перед нами настоящий такт развития. Что его

инициировало, запустило? Экзистенциальная ситуация, в которой оказался Нехлюдов; проблемы, возникшие при этом (как совместить любимый образ себя со своим же реальным поступком и его страшными последствиями, каким образом все исправить, можно ли это сделать, можно ли отказаться от своей привычной комфортной жизни и др.). Разрешает эти проблемы (пока в плане сознания) Нехлюдов с помощью разворачиваемых им нарративных схем: «только мерзавец, негодяй мог это сделать! И я, я тот негодяй и тот мерзавец!; да неужели в самом деле, неужели я в самом деле, неужели я точно негодяй?; а то кто же?; разорву эту ложь, связывающую меня, чего бы это мне ни стоило, и признаю все и всем скажу правду и сделаю правду». Выстроенные схемы кардинально переорганизуют внутренний мир (опыт) нашего героя, они вводят его в новую реальность, где есть Бог, совесть, желание искупить свою вину. Из романа мы знаем, что Нехлюдов нашел в себе силы именно так и поступить.

Кто-то может возразить, сказав, что нельзя сравнивать действия и поступок Нехлюдова, например, со школьными ситуациями. Я бы не согласился. Подлинное образование (и обучение), как правило, вовлекает учащихся в экзистенциальные ситуации, заставляет их изобретать схемы, приобщает к новым событиям, иногда вводит в новый мир. Более того, как я показываю в статье о детстве, построение схем доступно и детям, которые ими как бы мыслят (Розин, 2015б).

Если читатель принял эту гипотезу, то он, естественно, может спро-

сить: каким это образом схемы переорганизуют психику человека, что при этом происходит в плане развития индивида? Фактически на этот вопрос я отвечал в одной из своих первых книг «Визуальная культура и восприятие. Как человек понимает и видит мир». Там я разбирал феномен открытия маленьким ребенком изображения: сначала он не видит, что изображено, а просто линии и краски на бумаге, но вскоре открывает в них изображаемое (солнышко, траву, людей и пр.). Я показывал, что проблема, с которой ребенок столкнулся, а именно он не видит в рисунке то, о чем ему говорит взрослый (ни солнышко, ни зеленую траву, ни людей), заставляет его, во-первых, искать эти предметы, во-вторых, рано или поздно актуализировать свой опыт восприятия соответствующих предметов на определенных формах (линиях, красках). Тогда он прозревает, начинает видеть в этих формах солнышко, траву, людей. Обратим внимание, ведь изображаемые предметы (реальное солнце, трава, люди) ничего общего не имеют с графическими и колористическими формами, тем не менее ребенок почему-то увидел в них предметы, названные взрослым (Розин, 2015а). Спрашивается, почему, как это ему удалось?

Не потому ли, что, зацепившись за небольшое сходство форму, которая, кстати, стала видна лишь после того, как ребенок в поисках указанных предметов соединил их в своем воображении с линиями и красками на бумаге, наш герой смело приписал этим линиям и краскам сами предметы? Приписал, в смысле актуализовал (реализовал, воплотил) их в новой для них графической и колористической

форме. Уже Гельмгольц установил, что наше видение состоит из двух компонент — *сложившегося опыта восприятия предмета* и *получения о нем визуальной информации*. Я же в работах, посвященных объяснению природы сновидений и искусства, утверждаю, что в ряде случаев опыт восприятия предмета может актуализоваться без опоры на визуальную информацию. Может он реализоваться и не на своем «родном материале», а, скажем, «семиотическом», например графическом. Психологически же человек осознаёт этот процесс как появление нового предмета (Розин, 2015а; см. также: Розин, 2011, с. 256–384).

Другими словами, разрешая свою проблему, ребенок творит новые предметы — рисуночные солнышко, траву, людей. Получается, что переорганизация психики происходит в результате решения проблем, изобретения схем (в данном примере это нарисованное солнышко, трава, люди), актуализации имеющегося у индивида психического опыта (видения, слышания, ощущения) в материале знаков и схем, причем переорганизация никогда бы не произошла без помощи взрослых и желания ребенка не выпасть из коммуникации (уж если мама или папа говорят, что на бумаге есть солнышко, то, значит, его надо найти). В этом смысле переорганизация — процесс как субъективный, творческий, так и интерсубъективный, поставляющий сложившиеся знаки и схемы, заставляющий искать решение проблемы. Часто, как я показываю в статье «Детство как культурный и психологический феномен» (Розин, 2015б), дети, решая свои проблемы, сами

изобретают схемы, причем очень оригинальные. Само собой, что изобретением новых схем заняты ученые и художники, да и представители других профессий и практик.

Вторая наша идея состоит в том, что концепция интериоризации (усвоения) себя исчерпала и даже является тормозом. Она пришлась ко двору в социалистическом государстве с его идеями формирования нового социалистического человека (и Л.С. Выготский писал, что психология будет первой наукой, которая позволит создать нового человека и тем самым решить задачу, поставленную марксизмом). Социализация человека происходит не путем интериоризации внешних содержаний и деятельности, а построения учащимися собственных реальностей и действий, разворачивающегося, в частности, под влиянием образования. Приведу один пример.

На третьем курсе пединститута я пошел преподавать физику в школу. Я и сам не любил решать физические задачи, и знал, что и у моих учеников это получается плохо. Кроме того, мне казался неправильным метод обучения, когда учитель показывает, как решаются задачи одного типа, а затем учащиеся решают по 20–30 однотипных задач, пока как-то не овладевают методом (некоторые так и не научаются решать). Следуя концепции Г.П. Щедровицкого, утверждавшего необходимость изучения мышления, я решил изменить способ обучения задачам. Сначала проанализировал и представил в схемах способы решения задач определенного типа. Затем на двух-трех примерах показал своим ученикам, каким образом решается задача определенного

типа и как этот способ можно представить в схемах. Следующий шаг — опять на двух-трех примерах мы разбирали способ применения схем для новых случаев (тот же тип задач, но с другими данными). Последний шаг — учащиеся сами начинали решать задачи, используя схемы способа решения. Результат оказался прекрасным: я сократил вдвое время обучения задачам и почти все относительно легко научились их решать.

Можно ли этот процесс считать процессом интериоризации? Думаю, нет. Во-первых, различались способы решения (обычно задачи решаются без схем, а мои ученики стали решать задачи, освоив сначала на схемах способ решения). Во-вторых, они должны были сами научиться, т.е. открыть для себя новую реальность способа решения и его применения. Обычный способ решения однотипных задач меня не устраивал, но, конечно, новый способ решения я взял не с потолка, а получил на основе анализа и схематизации существующих решений однотипных задач. Чтобы ученики взяли этот новый способ, я погружал их в проблемную ситуацию (они не понимали, каким образом решать поставленные перед ними задачи) и затем помогал искать решение, предлагая соответствующие схемы способа решения. Мне могут возразить, сказав, что не надо было предлагать новый способ решения, лучше осваивать существующие. Однако, если этого не делать, педагог обрекает ученика искать непонятно что и непонятно где.

Стоит учесть и такое обстоятельство: наши способности сложились именно на основе схем и знаковых

систем. Например, что такое мышление? Оно формируется в античной культуре как способ решения проблем и построения непротиворечивых знаний. Завершает эту работу Аристотель, создав правила рассуждения и познания, а также категории и продемонстрировав образцы нового подхода. При этом он столкнулся с такой проблемой. Греки не хотели рассуждать и получать знания, пользуясь аристотелевскими правилами, категориями и образцами. Тогда Аристотель пишет работу «О душе», утверждая, что у человека есть особая способность — мышление, причем оно устроено таким образом, что предполагает обязательное использование аристотелевских правил и категорий.

Аристотель хочет подключить человека к созданной им логике, оправдать новый взгляд на вещи и эмпирию, выраженные с помощью категорий и понятий, объяснить, как создаются знания, категории и понятия. Восприятие (ощущение), по Аристотелю, решает задачу связи вещей и эмпирии с категориями и понятиями, воображение позволяет понять, как на основе одних знаний и понятий получают новые, а мышление трактуется именно как деятельность человека, пользующегося логикой, категориями и понятиями. Обсуждая, например, в «Аналитиках» способность к познанию начал, Аристотель указывает на индукцию, «ибо таким образом восприятие порождает общее» (Аристотель, 1952, с. 288). Но сходно Аристотель определяет в работе «О душе» ощущение как способность: «Ощущение есть то, что способно принимать формы чувственно воспринимаемых

предметов без их материи, подобно тому, как воск принимает оттиск печати без железа и без золота» (Аристотель, 1936, с. 73). Ясно, что восприятию (ощущению) Аристотель приписывает здесь такие свойства, которые позволяют понять связь начал с вещами и работой чувств.

Тот же ход он реализует относительно мышления. «Мышление о неделимом, — по Аристотелю, — относится к той области, где не может быть лжи. А то, где [встречаются] и ложь и истина, представляет собой соединение понятий... Впрочем, не всегда ум таков, но ум, предмет которого берется в самой его сути, [всегда усматривает] истинное, а не только устанавливает связь чего-то с чем-то» (Там же, с. 97, 99).

Другими словами, мышление, по Аристотелю, — это и есть рассуждения по правилам с использованием категорий. Важно, что именно категории и понятия задавали в мышлении подлинную реальность, причем эта реальность оказывалась идеальной и конструктивной.

Можно отметить и такой интересный для психологии момент. Аристотель создает антропологические схемы, задающие новую, мы бы сегодня сказали, психологическую реальность, которая заставляет греков использовать созданные правила, категории и образцы мысли. Когда греки привыкли к новой деятельности и реальности (на это, кстати, ушло почти два века), им стало казаться, что мышление — именно такой феномен, о котором писал Аристотель, и оно всегда было у человека. Эту иллюзию даже ученые разделяют до сих пор. Как я показы-

ваю, и другие способности человека, например память, воображение, эмоции, тоже представляют собой не натуральные, исходно присущие человеку феномены, а культурно-исторические и семиотические образования (Розин, 2007, с. 269–341; 2015в).

И в случае обучения формированию способностей, например способности решать физические задачи, необходимо, с одной стороны, освоение определенных операций, схем и действий с ними, а с другой — обнаружение самой реальности решения задач и способов их решения.

Третья основная наша идея такова: периодизация развития человека должна основываться не на концепции возраста, а на другой — «культуры жизни человека». В статье о детстве я пишу, что единым человек является только в биологическом плане, как культурное и духовное существо человек не един. Существуют несколько «культур жизни человека»: «культура детства», «культура отрочества и юности», несколько «культур взрослого человека». Каждая культура жизни человека характеризуется особенностями жизнедеятельности и видения (сознания), а также характером социализации; в первых двух культурах важное место отводится образованию.

Детство — это не только *самостоятельная культура жизни*, но и *начало* трудного перехода от одной жизни к другой (от «прамы» к личности). В детстве два основных способа освоения мира: *игра* и *становление первых социально значимых практик* (умения есть, пить, говорить, одеваться, общаться с взрослыми, помогать им и т.п.). В Я ребенка

имплицитно входят и его родители, которые могут быть рассмотрены как его «социальное тело». Но сегодня чуть ли не главный воспитатель — среда, гедонистически ориентированная культура. Мы, взрослые, сами не знаем, как жить. Отсюда детство — это «переход в переходы», в неопределенность. Как я уже отмечал, «мыслит» ребенок схемами.

Отрочество и юность — не менее самостоятельная культура жизни. Ее центральный процесс, во всяком случае в нашей новоевропейской культуре, — *становление личности* (не развитие личности, а только постепенное ее складывание через пробы и ошибки). Подростковая культура начинает формироваться, когда родители (общество) посылают ребенка в школу, где от него требуют действовать *самостоятельно*. В значительной степени и школа, и родители блокируют теперь для отрока возможность решать свои проблемы в сфере игры и фантазии (сказки). Напротив, объем обучения постоянно возрастает, а требование действовать рационально становится основным. Существенно изменяются и социальные отношения: вместо родительской опеки и поддержки складываются двусторонние властные (с педагогами и значимыми взрослыми) и равноправные (с друзьями) отношения.

Под давлением взрослых и школы распадается прамы, отрок *начинает переходить к самостоятельному поведению, учится управлять сам собой* (планирует свои занятия, позиционируется по отношению к другим, центрирует мир на своем Я, разделяет внутреннее и внешнее, происходят и прочие метаморфозы,

достаточно хорошо описанные в художественной и психологической литературе). Отрочество неотделимо от школы и образования, в связи с чем на первый план выдвигается не игра, а рациональные типы поведения (учеба, рассуждения, первые анализы последствий своих поступков и пр.).

У подростка самостоятельное поведение, опирающееся на образ себя, часто входит в противоречие с его реальным поведением и отношениями, которые сформировались в этот период. Возникшие при этом проблемы вызывают как негативные переживания, так и особые формы поведения — упрямство, конфликты, отрицание взрослых, самоуничтожение, стремление любой ценой доказать свою значимость и т.п. Но рано или поздно эти проблемы приводят к уточнению или смене образа себя, в результате чего начинается новый цикл развития подростка. Через такую неоднократную смену образа себя подросток нащупывает более реалистическую позицию в мире взрослых и осваивает более реалистические формы поведения (Розин, 2015б).

Взрослый человек — это сформированная личность, что не означает невозможности ее пересмотра (см. тот же пример с Нехлюдовым). Последний этап культуры взрослого человека — «культура старости». Как культура жизни старость складывается при условии, что общество *признает своеобразие жизни пожилых людей и создает специальные условия для такой жизни* (пенсии, социальное и медицинское обслуживание, определенные законы, льготы, забота со стороны семьи и пр.). Другое

условие — *усилия и работа самих пожилых людей и стариков: выстраивание своего рода концепции старости и ее реализация*. Третье — осмысление старости в культуре (литература, музыка, наука и пр.), создание, так сказать, «семиотики старости».

Так вот, если говорить о развитии, то оно по-разному протекает в разных культурах человека и резко меняется при переходе от одной культуры к другой. Различны в каждой культуре экзистенциальные ситуации и проблемы, с которыми человек сталкивается и которые разрешает. Различны способы их разрешения и схемы. Как следствие различны в каждой культуре жизни реальности и миры человеческого существования. По-разному развитие идет и в случае разных видов образования. Скажем, дошкольное и начальное школьное образование в основном представляет собой формирование, а высшее, а также с тьюторским сопровождением, наоборот, самообразование с участием и помощью педагога (Розин, 2014, с. 47–60).

Но что собой представляет само развитие, ведь не только такты изменений? Вероятно, это *направленность* шагов развития, так сказать, *логика их трансформаций*. От чего же они зависят? Ну, во-первых, как я утверждаю здесь, от особенностей культуры жизни. Во-вторых, от социального воздействия (образование, СМИ, семья, друзья), то, что обычно называют социализацией. В свою очередь, направленность образования определяется ее практиками и концепциями. В-третьих, развитие человека существенно зависит от его личности, поскольку она — источник самостоятельного поведения, лич-

ность выстраивает свою жизнь и понятный личности мир.

Один из примеров — развитие Павла Флоренского. Судя по воспитанию и увлечениям, юный Павел должен был вырасти полным атеистом и ученым с физикалистской ориентацией. Отец, которого Павел очень любил, ориентировал сына на занятия естествознанием, тщательно избегал тем, касающихся веры в Бога, а сам Павел основное свое школьное время посвятил физике и другим естественным наукам, что и закономерно привело его на физико-математический факультет Московского университета (окончил в 1904 г.).

И вдруг, когда Павел оканчивал тифлисскую гимназию, на поверхность его сознания вышла, прорвалась религиозная реальность, а старый мир, построенный на догматах науки, рухнул. Сначала на фоне неясных переживаний и тоски Павлу во сне пришла весть («...тончайший луч, который был незримым светом, не то — неслышным звуком, принес имя — **Бог**» (Священник Павел Флоренский, 1992, с. 195), которую по пробуждению он осознал так. «Мне это было **откровением**, открытием, ударом. От внезапности этого удара я вдруг проснулся, как разбуженный внешней силой, и, сам не зная для чего, но подводя итог всему пережитому, выкрикнул на всю комнату: “Нет, нельзя жить без Бога”» (Там же, с. 212) (это восклицание не что иное, как схема, разрешившая центральную проблему Павла). В целом описанный переворот выглядит как неожиданный и ничем не обусловленный. Но посмотрим внимательнее. Была в образовании Павла одна особенность — необычное

отношение к природе и ее освоение, природа понималась как живое существо и познавалась не отвлеченно, а проникновенно, пере-живательно, по-гётевски. Павел неоднократно подчеркивает, что любимым автором отца был Гёте, да и его тоже.

А вот в какую экзистенциальную ситуацию попал П. Флоренский. В те и последующие годы он все больше ощущал *противоречие между естественно-научным мировоззрением и своим реальным отношением к природе и жизни, между культивируемой отцом семейной замкнутостью и реальной жизнью вокруг*. Живое, экзистенциальное отношение к природе и погружение в богатство истории и культуры человечества никак не укладывались в сознании Павла в естественно-научную картину мира с ее жесткими единообразными законами. Чувство любви и уважения к человеку, погружение в историю и культуру не соответствовали семейной изоляции от общества. Терпимость и плюрализм отцовского мировоззрения, и Павел это чувствовал, не отвечали общей тенденции того времени участвовать в социальных преобразованиях, тенденции, основанной на естественно-научном мировоззрении и связанных с ним идеях социальной инженерии.

И вот когда Павел стал подрастать и задумываться над смыслом своей жизни, он почувствовал, что уже не может совмещать эти два понимания жизни, что в нем как бы против его воли вырастает новая реальность. Почему она была осознана в религиозном ключе? Это понятно, ведь идея Бога для Павла не только была тайной, но и оказалась отвечающей многим его устремлениям.

Действительно, Бог не только создал природу, но и пребывает в ней как живое начало, Бог олицетворял любимую Павлом семью (Отец, Сын, Богоматерь), но не узко, а, напротив, вселенски; размыкая тесный мир Флоренских, Бог вносил единство и смысл в хаос жизни и много чего еще.

Однако и старая реальность никуда не ушла, и Павел оказался распятым на кресте своих противоречивых устремлений — и к Богу, и к науке. В середине 1920-х гг. Павел Флоренский пишет об этом так: «Это была характерная болезнь всей новой мысли, всего Возрождения; теперь, задним числом, я могу определить ее как разобщенность человечности и научности. Бесчеловечная научная мысль — с одной стороны, бессмысленная человечность — с другой... Во мне *эти две стихии столкнулись с особой силой*, потому что возрожденческая научность была не внешним придатком и не оперением, а *вторую натурой*, и ее истинный смысл я понимал не потому, что научился от кого-то, а знал непосредственно, как *свои собственные желания*. Но этому пониманию противостоял не менее сильный опыт, возрожденческие замыслы в **корне** их отрицающий» (курсив мой. — В.Р.) (Там же, с. 217–218).

Однако новая реальность (опыт) еще была достаточно непонятной и противоречивой: что значит Бог в трех лицах, как он воплотился в человеке, что значит воскресение из мертвых, где теперь искать новую семью и прочие животрепещущие вопросы, на которые ответ могли дать только Священное Писание, святоотеческая литература, жизненный опыт и собственная мысль.

Поступая в Московский университет, Павел уже знал истину (подлинную реальность), но он в ней пока не укрепился, не прожил ее мышлением, никак иначе он не мог принять ни христианство, ни веру. Требовалась большая творческая работа не только по мыслительному и душевному освоению реальности Бога, но и по разрешению всех противоречий, связанных с принятием христианской веры. Именно этим Флоренский и занимается в дальнейшем: создает христианское учение, в котором разрешаются все основные его противоречия.

Примерно такое же решение принял задолго до Флоренского Эмануэль Сведенборг, включивший естественно-научные представления в христианское учение. А вот св. Августин в раннем Средневековье решает эту проблемы совершенно иначе. Он полностью уходит от рационального античного мышления в христианство. Можно предположить, что решение кардинальных экзистенциальных проблем личности отчасти ее и формирует

Мы видим в истории с Павлом Флоренским действие всех трех факторов, определяющих развитие человека: культуру подростковой жизни, образование и личность самого Павла Флоренского.

Последний вопрос: почему так трудно говорить о развитии человека в настоящее время, особенно в нашей стране? Потому, что мы живем в эпоху перехода и социальных кризисов, когда однозначное направление социализации и образования задать практически невозможно. Потому, что претерпевает метаморфозы культура жизни человека. Наконец, и потому, что личность не знает, куда

ей идти. В условиях неоднородной социальной и культурной среды, кризиса семьи и школы формирование нормальной личности, например, в России предельно затруднено. Многим подросткам недостает в семье любви и поддержки, а дальше с тем же отношением они часто сталкиваются и в школе. Родители, как правило, сами не могут разобраться в существующей социальной действительности, улица многолика, СМИ выбрасывают сценарии и образцы поведения, малопригодные для нормальной жизни. Общее снижение культуры, с одной стороны, и культивирование виртуальных форм жизни (игры, кинофильмы и пр.), с другой, способствуют формированию очень условных, странных, а нередко и девиантных структур сознания и форм поведения. В этой сложной ситуации каждый развивается, как может, а во многих случаях о развитии человека не приходится и говорить.

И все же определенный возможный тренд образования, а следовательно, и развития можно помыслить. Поскольку мы живем в условиях перехода, смены цивилизации, нетрудно предположить, что человек будет жить в другом мире – *новом* или *обновляющемся*. Какой этот мир будет конкретно – неизвестно, но он родится не без наших с вами усилий (лично каждого из нас и всех нас вместе). Кроме того, этот мир хотя и будет другим, предпосылками его выступит современность и наша история. Все это означает, что *новый человек* (не какой-то там ницшеанский сверхчеловек, а каждый из нас, если захочет пойти по этому пути) должен быть человеком *конструктивным* и *креативным*, ведь ему придется

конституировать новую реальность и жизнь. И одновременно он должен быть *человеком культуры и истории*, поскольку новая жизнь рождается не на пустом месте, в ней воспроизводится все то, что с исторической точки зрения оказалось инвариантным (разделение труда, познание и техника, личность и пр.), что будет работать в новых условиях, что можно переосмыслить и спасти для следующих поколений. Другими словами, все основные исторические и культурные реалии должны быть переосмыслены, во всех них новый человек должен установиться заново как личность.

Но человек не только личность, но и член социума, *социальный индивид*, и в этом качестве он нуждается в поддержке общества, в трансцендентальных смыслах и деиндивидуальных источниках энергии, которые новый человек, конечно, может найти готовыми, идентифицировав себя с какими-то социальными образованиями (это один из вариантов возможной новой жизни), но более правильный путь — конституирование собственной социальной среды, создание собственных жизненных ресурсов. Подобно современной корпорации, новый человек должен стать менеджером самого себя, создать собственный мир и траекторию жизни, способствовать становлению новых форм общительности, но — и это принципиально — с опорой на общие условия, на других и общество. При этом, поскольку новый человек заинтересован в качестве и характере этих общих условий, он должен активно включаться в жизнь общества, в политическую жизнь, уметь влиять на других людей,

достигать компромисса или консенсуса.

Можно указать и базовые способности нового человека. Способности воображения, без них трудно помыслить новые реальности и проживать их события. Способности рефлексии, позволяющие «останавливать» и артикулировать сложившиеся формы жизни, а также перестраивать их. Целый спектр способностей, дающих возможность, с одной стороны, учиться и переучиваться, с другой — заниматься самообразованием. Креативные способности (познавательные, проектные, организационные и др.), необходимые для практического воплощения новых идей и представлений. Спектр коммуникационных способностей — понимание, общение, разрешение конфликтов, достижение компромиссов, осуществление совместной деятельности, размежевание и др. Наконец, способности к личностной навигации, включая самоопределение, осознание своей обусловленности и ценностей, преодоление себя, идентификацию и разотождествление с определенными субъектами, выстраивание собственного скрипта, сопровождение его, разрешение экзистенциальных проблем и др.

Можно указать также некоторые черты желаемого образования. Оно должно воспроизводить центральные особенности современности (многообразие форм жизни, возможность выстраивать индивидуальную личную траекторию, корпоративность, сетевая общительность, культура современного мышления и пр.). В то же время образование — это жизнь определенной направленности (структурированности), т.е. для меня такая,

где есть место свободе, любви и помощи другим, порядку и защите, трезвому осмыслению действительности и одновременно идеальным установкам. Кроме того, образование — это все-таки образование, т.е. жизнь в рамках особого исторически сложившегося института (школа, помощь со стороны взрослых, особые технологии и т.п.).

Уже в настоящее время наука и знания перестают выступать единственными формами постижения действительности, а учебные предметы — формами содержания образования. Наряду с ними в современной культуре и производстве широко используются проекты и программы, языки искусства и инженерии, разные типы реконструкции и интерпретации, нарративы и произведения, игры и мн. др. Урок, лекция, семинар, учебник все больше осознаются как уходящие формы обучения и образования. Их начинают теснить метапредметные и рефлексивные знания, учебные игры и семинары, самостоятельные формы образования с использованием компьютера и Интернета. При этом происходит поляризация двух разных

способов работы: *постижения существующей реальности и творения новой.*

Учащиеся, вероятно, все больше будут переходить от овладения существующими знаниями и дисциплинами к выстраиванию для себя всех необходимых учебных средств, языков и форм, не исключая конструирования самой реальности. Они постепенно будут уяснять важность и логику общих социальных условий жизни, способы их использования, свою свободу в плане творчества, с одной стороны, и зависимость от людей и общих условий — с другой. Понятно, что при таком подходе почти каждое содержание образования (особенно в высшей школе) становится уникальным и требует индивидуальной методологии построения. «В идеале, — отмечает В. Марача, — теперь каждый учащийся должен получить возможность — с помощью преподавателей и тьюторов — *простроить собственный путь образования*» (Марача, 2002, с. 52).

Как мы видим, пересмотр представлений о развитии предполагает изменение во многих областях жизнедеятельности человека и общества.

Литература

- Аристотель. (1936). *О душе*. Партиздат.
- Аристотель. (1952). *Аналитики первая и вторая*. Л.: Госполитиздат.
- Выготский, Л. С. (1982). Мышление и речь. В кн. Л. С. Выготский, *Собрание сочинений* (т. 2). М.: Педагогика.
- Выготский, Л. С. (1983). История развития высших психических функций. В кн. Л. С. Выготский, *Собрание сочинений* (т. 3). М.: Педагогика.
- Марача В. (2002). Образование на рубеже веков: методологические соображения. В кн. *Образование 21 века: достижения и перспективы*. Рига.
- Пузырей, А. А. (1968). *Культурно-историческая теория Л.С. Выготского и современная психология*. М.: Изд-во Московского университета.

- Розин, В. М. (2007). *Философия образования. Этюды-исследования*. М./Воронеж: МПСИ/НПО «МОДЭК».
- Розин, В. М. (2011). *Природа и генезис европейского искусства (философский и культурно-исторический анализ)*. М.: Голос.
- Розин, В. М. (2014). *Конституирование и природа индивидуализации*. М./Тверь: «СФК-офис».
- Розин, В. М. (2015а). *Визуальная культура и восприятие. Как человек понимает и видит мир*. М.: ЛЕНАНД.
- Розин, В. М. (2015б). Детство как культурный и психологический феномен. *Мир психологии*, 1, 29–42.
- Розин, В. М. (2015в). Память современного человека: интерпретация в свете учения о психических реальностях и личности. *Мир психологии*, 2, 69–79.
- Священник Павел Флоренский. (1992). *Детям моим. Воспоминанья прошлых дней: Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание*. М.: Московский рабочий.
- Толстой, Л. Н. (1948). Воскресенье. В кн. Л. Н. Толстой, *Собрание сочинений* (т. 11). М.: Государственное изд-во БССР.

Розин Вадим Маркович — главный научный сотрудник, Институт философии РАН, доктор философских наук, профессор.
Сфера научных интересов: семиотика, культурология, гуманитарный подход.
Контакты: rozinvm@gmail.com

From L.S. Vygotsky's Views to the Contemporary Conception of Development

Vadim M. Rozin^a

^a *Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya str., Moscow, 119019, Russian Federation*

Abstract

In the article the L.S. Vygotsky's conception of development is reviewed. Its shortcomings are discussed from the perspective of contemporary scientific notions. New conception of development is proposed, based on the ideas of step of development, cultural-historical and semiotic nature of abilities and culture of man's life. The first idea is linked to differentiation of existential situations, problems, schemas as means for solving these problems, new reality, vision and action. The second idea is about cultural-historical and semiotic understanding of human abilities. The third one is about cultural characteristic of the human developmental stages. The general provisions are illustrated by the analysis of several cases. Among these general provisions there are

some new psychological hypotheses. For example, the author analyses following important point. Aristotle in his work *On the Soul* creates anthropological schemas that preset new, as we would say today, psychological reality, which makes Greeks use rules, categories and patterns of thought, created by him. When Greeks got used to this new activity and reality (which, a propos, took almost two centuries), it began to seem that cognition is exactly the phenomenon, which Aristotle described, and man always had got it. The scientists still share this illusion. As V. Rozin states, other human abilities, for example memory, imagination, emotions are also not natural, innately inherent in man phenomena, but cultural-historical and semiotic formations. Another hypothesis is about periodization of psychic development. The author writes that periodization of man's development has to be based not on the concept of age, but on the concept of "culture of man's life". Referring to his works, he states that man is integral only in the biological realm, but as a cultural and spiritual being man is not integral. There are several "cultures of man's life": "culture of childhood", "culture of adolescence and youth", several "cultures of adult man". Each culture of man's life is characterized by the specifics of activities and vision (consciousness), as well as the way of socialization.

Keywords: development, situation, problem, reality, action, understanding, vision, culture of life, signs, schemes.

References

- Aristotle. (1936). *O dushe* [On the soul]. Partizdat.
- Aristotle. (1952). *Analitiki pervaya i vtoraya* [First and second analytics]. Leningrad: Gospolitizdat.
- Maracha V. (2002). *Obrazovaniye na rubezhe vekov: metodologicheskkiye soobrazheniya* [Education at the turn of the century: methodological considerations]. *Obrazovaniye 21 veka: dostizheniya i perspektivy* [Education of the XXI century: achievements and perspectives]. Riga.
- Puzyrei, A. A. (1968). *Kul'turno-istoricheskaya teoriya L.S. Vygotskogo i sovremennaya psikhologiya* [Cultural-historical theory by L.V. Vygotsky and the contemporary psychology]. Moscow: Moscow University Press.
- Rozin, V. M. (2007). *Filosofiya obrazovaniya. Etyudy-issledovaniya* [The philosophy of education. Essays-studies]. Moscow/Voronezh: MPSI/NPO "MODEK".
- Rozin, V. M. (2011). *Priroda i genezis evropeiskogo iskusstva* (filosofskii i kul'turno-istoricheskii analiz) [The nature and genesis of the European art (philosophical and cultural-historical analysis)]. Moscow: Golos.
- Rozin, V. M. (2014). *Konstituirovaniye i priroda individualizatsii* [The construction and nature of individualization]. Moscow/Tver: SFK-ofis.
- Rozin, V. M. (2015a). *Vizual'naya kul'tura i vospriyatie. Kak chelovek ponimaet i vidit mir* [Visual culture and perception. How man understands and sees the world]. Moscow: LENAND.
- Rozin, V. M. (2015b). Childhood as a cultural and psychological phenomenon. *Mir Psikhologii*, 1, 29–42.
- Rozin, V. M. (2015c). Memory of the modern person: interpretation in the light of the doctrine on mental realities and personality. *Mir Psikhologii*, 2, 69–79.
- Pavel Florenskii, priest. (1992). *Detyam moim. Vospominan'ya proshlykh dnei: Genealogicheskie issledovaniya. Iz solovetskikh pisem. Zaveshchanie* [To my children. Memories from the days past: Genealogical studies. From letters from Solovki. Last will]. Moscow: Moskovskii Rabochii.

-
- Tolstoy, L. N. (1948). Voskresen'e [Resurrection]. In L. N. Tolstoy, *Sobranie sochinenii* [Collected works] (Vol. 11). Moscow: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo BSSR.
- Vygotsky, L. S. (1982). Myshlenie i rech' [Thinking and speech]. In L. S. Vygotsky, *Sobranie sochinenii* [Collected works] (Vol. 2). Moscow: Pedagogika.
- Vygotsky, L. S. (1983). Istoriya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsii [The history of development of higher psychic functions]. In L. S. Vygotsky, *Sobranie sochinenii* [Collected works] (Vol. 3). Moscow: Pedagogika.

Vadim M. Rozin — leading research fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, D. Sc., professor.
Research area: semiotics, culturology, humanistic approach.
E-mail: rozinvm@gmail.com

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ВЕРСИЯ ШКАЛЫ ОЦЕНКИ ОТНОШЕНИЙ

О.А. СЫЧЕВ^а

^а ФГБОУ ВПО «Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина»,
659333, Россия, Алтайский край, Бийск, ул. Короленко, д. 53

Резюме

В статье представлены результаты разработки русскоязычной версии Шкалы оценки отношений С. Хендрик. В отличие от известных в нашей стране тестов удовлетворенности браком данная методика характеризуется удобством в применении, экономичностью и пригодностью для диагностики удовлетворенности как супружескими, так и другими близкими отношениями взрослых. Апробация предложенной русскоязычной версии проводилась на трех выборках (общим объемом $N = 602$), включающих студентов, сотрудников бюджетных организаций и пользователей Интернета разного возраста (проходивших исследование в форме онлайн-тестирования), состоящих в официальном браке или в добрачных отношениях. Результаты конфирматорного факторного анализа подтвердили одномерную структуру методики (с наличием ковариации, отражающей особенности реагирования испытуемых на обратные пункты шкалы). Методика показала отличную надежность по внутренней согласованности (альфа Кронбаха 0.84–0.89) и ретестовую надежность (более 0.70). Конвергентная валидность подтверждается высокими корреляциями с двумя методиками диагностики удовлетворенности браком ($r = 0.82$ и 0.88). В пользу конструктивной валидности свидетельствует наличие предсказуемых корреляций со шкалами стилей любви, привязанности, субъективного благополучия и счастья. Выявлена умеренная связь результатов шкалы со склонностью к самообману. Значимое влияние на удовлетворенность отношениями показали факторы пола, семейного положения и их взаимодействие, причем наибольший уровень удовлетворенности оказался характерен для мужчин, состоящих в браке. Хотя удовлетворенность отношениями у мужчин значимо выше, чем у женщин, величина различий невелика (d Коэна = 0.25). Анализ дифференциального функционирования пунктов шкалы показал их независимость от пола при наличии связи с семейным положением, что может отражать разную интерпретацию некоторых пунктов лицами, состоящими в отношениях разного типа. Полученные результаты позволяют рекомендовать предложенную версию методики в качестве инструмента оценки удовлетворенности супружескими или иными близкими отношениями взрослых.

Ключевые слова: удовлетворенность отношениями, шкала оценки отношений, стили любви, стили привязанности, субъективное благополучие.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 15-16-22003 «Социально-демографические и психологические факторы удовлетворенности отношениями в молодых семьях Алтайского края».

Теоретические основы исследования

В психологических исследованиях супружеских отношений, как правило, одно из центральных мест занимает проблема удовлетворенности супругов браком. Выступая в качестве одного из важнейших индикаторов благополучия семьи, удовлетворенность супругов связана с устойчивостью брака, что свидетельствует о важности этой проблемы для решения практических задач в области психологического консультирования и социальной поддержки семьи. Хотя супружеские отношения во многом отличаются от других романтических отношений (например, добрачных), их психологические истоки, включающие, в первую очередь, чувства любви и привязанности к партнеру, являются общими. Следовательно, разумной представляется попытка общего подхода к определению и оценке удовлетворенности романтическими отношениями, основанного на представлениях об их единой психологической сущности независимо от стадии развития отношений (добрачной, супружеской) или их формы (официальный брак, незарегистрированный брак, гостевой брак и пр.).

Подобный подход предложили С. Хендрик и К. Хендрик, которые определяют удовлетворенность отношениями через субъективные переживания партнеров по поводу их взаимоотношений, в отличие от адаптации (*adjustment*), проявляющейся на уровне поведения и взаимодействия друг с другом (Hendrick, Hendrick, 1997). По мнению этих авторов, супруги могут демонстриро-

вать достаточно хорошую взаимную адаптацию, проявляющуюся в согласии по поводу важных семейных функций и отсутствии конфликтов, но при недостаточном удовлетворении их эмоциональных потребностей удовлетворенность отношениями может быть невысока. В то же время встречаются относительно удовлетворенные своими отношениями пары, имеющие глубокую эмоциональную близость, которые при этом могут не находить согласия по довольно важным вопросам и спорить, демонстрируя не слишком успешное приспособление друг к другу на поведенческом уровне. В основу Шкалы оценки отношений было положено такое понимание удовлетворенности отношениями, которое акцентирует внимание на субъективном эмоциональном опыте взаимоотношений, отражающем удовлетворенность психологических потребностей партнеров.

Удовлетворенность отношениями представляет интерес для психологов, прежде всего, ввиду того, что она оказывает существенное влияние на развитие отношений в будущем (Hendrick, 1988). Вместе с тем важно учитывать тот факт, что удовлетворенность не является единственным фактором, определяющим развитие отношений: даже в парах с относительно высокой удовлетворенностью отношения могут прекратиться при недостаточной мотивации к их сохранению. Напротив, при некоторых обстоятельствах весьма стабильными оказываются пары с относительно низкой удовлетворенностью (Rusbult, Buunk, 1993). Удовлетворенность отношениями демонстрирует связь с общей удовлетворенностью

жизнью (Scorsolini-Comin, dos Santos, 2012), а также с показателями соматического и психического здоровья (Guerrero et al., 2011). Наконец, удовлетворенность отношениями может представлять интерес как самостоятельный показатель психологического благополучия и удовлетворенности жизнью в одной из ее важнейших сфер — близких отношениях.

К числу наиболее важных факторов удовлетворенности отношениями относятся, в первую очередь, особенности любви и привязанности. Еще тридцать лет назад в статье, посвященной описанию самой известной отечественной методики диагностики удовлетворенности браком, ее авторы констатировали: «Достаточно доказанным является тезис о том, что основным фактором, скрепляющим супружеские союзы, являются эмоциональные узы — любовь, эмоциональная привязанность» (Столин и др., 1984, с. 54). Многочисленные факты в подтверждение этого тезиса были получены в исследованиях, проведенных зарубежными психологами в последние десятилетия.

Значительный вклад в исследование любви как фактора удовлетворенности отношениями принадлежит С. Хендрик и К. Хендрик, развивающим концепцию стилей любви Дж.А. Ли. В проведенном ими обзоре приводится множество данных о том, что для мужчин и женщин различных национальностей, состоящих в браке с различным стажем отношений или состоящих в добрачных отношениях, стили любви являются весьма существенным фактором удовлетворенности отношениями

(Hendrick, Hendrick, 1997). О значении стилей любви говорит тот факт, что их вклад в удовлетворенность отношениями, как правило, превышает вклад различных свойств личности. Другой существенный фактор удовлетворенности отношениями — стили романтической привязанности взрослых. Обобщение результатов исследований свидетельствует о том, что наиболее высокие оценки отношений демонстрируют лица с надежным стилем привязанности, в то время как лицам с амбивалентным и избегающим стилями в целом свойственна значительно меньшая удовлетворенность (Koski, Shaver, 1997).

В нашей стране при исследовании благополучия супружеских отношений обычно использовалось понятие удовлетворенности браком, причем в качестве его основных факторов рассматривались личностные особенности и психологическая совместимость супругов, согласованность их ценностей, ролевых ожиданий, стереотипов и установок (Андрева, 2005; Сопун, Лидерс, 2007). В подобных исследованиях чаще всего применяются такие методики, как «Опросник удовлетворенности браком», разработанный В.В. Столиным, Т.А. Романовой, Г.П. Бутенко (Столин и др., 1984), и «Тест на удовлетворенность браком» Ю.Е. Алешинной, Л.Я. Гозмана и Е.М. Дубовской (Алешина и др., 1987). Разработанные в середине 1980-х гг., эти опросники до сих пор составляют основной инструментарий в исследованиях супружеских отношений. К числу их несомненных достоинств можно отнести довольно высокую надежность и валидность, относительную

простоту проведения и обработки результатов, доступность информации и наличие большого числа опубликованных работ. Вместе с тем можно указать и на некоторые общие недостатки этих методик. Сравнительно большое число заданий для одномерной шкалы (24 в опроснике В.В. Столина и 16 в тесте Ю.Е. Аleshиной) в сочетании с не слишком удобной формой заданий требует лишних затрат времени и усилий со стороны испытуемого, затрудняя использование методик в составе объемных тестовых батарей. Формулировки заданий таковы, что эти методики оказываются малоприспособлены для исследования отношений, выходящих за рамки официального брака. Несмотря на длительный опыт использования опросника Столина в нашей стране, до настоящего времени недостаточно данных относительно статистических норм по этой методике. Таким образом, актуальной задачей является разработка новой методики, не уступающей рассмотренным по психометрическим характеристикам и лишенной их недостатков.

Характеристика методики

Шкала оценки отношений была предложена С. Хендрик в 1988 г. для оценки удовлетворенности отношениями супружеских пар и пар, не состоящих в браке (Hendrick, 1988). Данная методика включает 7 заданий, каждое из которых предполагает оценку по пятибалльной шкале Лайкерта (см. в приложении: Шкала оценки отношений). В некоторых публикациях упоминаются версии этой методики с семибалльной шка-

лой ответов, однако такой вариант является значительно менее распространенным (Dinkel, Balck, 2005).

Шкала оценки отношений была адаптирована в разных странах, так что в настоящее время можно обнаружить сведения о версиях этой методики на немецком, португальском и шведском языках (Dinkel, Balck, 2005; Cassepp-Borges, Pasquali, 2011; Rask et al., 2010). Результаты разных версий шкалы оценки отношений показывают умеренные и высокие корреляции с тестами, оценивающими удовлетворенность супругов браком, приемлемую ретестовую надежность и устойчивые психометрические показатели в группах испытуемых разной национальности и возраста. Для всех версий методики были получены высокие оценки надежности по внутренней согласованности (в пределах .85–.89). Для оригинальной версии шкалы, по данным С. Хендрик (1988), коэффициент надежности по внутренней согласованности (α Кронбаха) составляет .86, а корреляции заданий со шкалой лежат в пределах от .57 до .76. Наиболее убедительным свидетельством конвергентной валидности данной методики является высокая корреляция с показателями по шкале адаптации в диадических отношениях (DAS) (Hendrick, 1988; Vaughn, Matyastik Baier, 1999).

Хорошая прогностическая валидность шкалы была показана в исследовании С. Хендрик (1988) на 30 добрачных парах. Результаты исследования свидетельствуют о высокой точности прогноза развития отношений спустя три месяца после тестирования (для пар, сохранивших отношения, точность прогноза

составляла 91%, для расставшихся пар – 86%). Это означает, что шкала удовлетворенности отношениями не только характеризует текущую удовлетворенность, но и в некоторой мере позволяет предсказать стабильность отношений в будущем. Косвенно о хороших психометрических характеристиках методики также свидетельствует тот факт, что в парах обычно обнаруживается высокая корреляция между удовлетворенностью отношениями у партнеров (Hendrick, Hendrick, 1997).

Данная методика разрабатывалась автором как одношкальная, и в большинстве исследований, выполненных с помощью факторного анализа, подтверждается именно такая ее структура. Иногда можно обнаружить сведения о возможных двухфакторных решениях. Например, на шведской версии шкалы удовлетворенности отношениями было выявлено два фактора, которые были интерпретированы как «Отношения, основанные на удовлетворении потребностей» и «Отношения, основанные на любви и преданности» (Rask et al., 2010). Тем не менее большая часть эмпирических исследований на различных версиях методики подкрепляет вывод об однофакторной структуре методики.

Таким образом, к числу достоинств этой методики можно отнести, во-первых, ее направленность на оценку удовлетворенности отношениями партнеров, которые могут состоять или не состоять в браке. Гибкость методики делает возможным ее использование для оценки различных отношений, не укладывающихся в представления о браке в юридическом смысле (например,

добрачные отношения, незарегистрированный брак, отношения в ЛГБТ-парах и пр.). Более того, после небольшой модификации утверждений (Renshaw et al., 2011) была предложена новая версия методики (RAS-G), пригодная для оценки удовлетворенности не только романтическими, но и любыми другими отношениями с окружающими людьми. Во-вторых, краткость и экономичность в отношении затрат времени на проведение и обработку результатов также являются важными плюсами методики. В-третьих, отличные психометрические показатели данной шкалы гарантируют высокую достоверность результатов. В-четвертых, распространенность методики в разных странах и наличие адаптаций на разных языках открывают новые возможности кросс-культурных исследований. Рассмотренные достоинства шкалы оценки отношений убеждают в актуальности работы по адаптации данной методики.

Организация и методы исследования

Целью исследования стала разработка русскоязычной версии Шкалы оценки отношений. Разрешение на адаптацию Шкалы оценки отношений и ее использование в исследованиях было получено от проф. С. Хендрик. На первом этапе оригинальный текст методики был переведен на русский язык автором статьи без изменений. Оценка точности перевода проводилась с использованием обратного перевода, выполненного экспертом, одинаково хорошо владеющим русским и английским языком. Для полученной в итоге шкалы

был проведен анализ надежности и факторной структуры, направленный на подтверждение ее единства и внутренней согласованности.

Задачей следующего этапа исследования стала проверка конвергентной и конструктивной валидности шкалы. Чтобы показать конвергентную валидность, результаты Шкалы оценки отношений было необходимо сопоставить с результатами других методик, измеряющих тот же самый конструкт. Поскольку в супружеских парах удовлетворенность отношениями, по существу, совпадает с удовлетворенностью браком, для решения этой задачи были выбраны две методики: Опросник удовлетворенности браком (ОУБ), разработанный В.В. Столиным, Т.А. Романовой, Г.П. Бутенко (1984), и Тест на удовлетворенность браком Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозмана и Е.М. Дубовской (1987).

Анализ конструктивной валидности был направлен на проверку гипотез о связи удовлетворенности отношениями с другими психическими явлениями. С учетом рассмотренных выше результатов исследований основных факторов удовлетворенности отношениями было выдвинуто предположение о тесной связи удовлетворенности с особенностями любви и привязанности. Для их диагностики были выбраны соответствующие методики, представляющие собой русскоязычные версии известных зарубежных тестов, что позволило не только проверить гипотезу, но и сопоставить полученные результаты с зарубежными данными. Для оценки выраженности чувств любви и симпатии к партнеру использовалась методика Шкалы любви и симпатии З. Рубина в адап-

тации Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозмана (1987). Диагностика стилей любви проводилась с помощью методики Шкала стилей любви (Love Attitude Scale) К. Хендрик и С. Хендрик в адаптации О.А. Екимчик (2009). Диагностика стилей привязанности была выполнена с помощью методики Опыт близких отношений (Revised Experiences in Close Relationships Measure of Adult Attachment) К. Бреннан и Р.К. Фрейли, адаптированной Т.В. Казанцевой (2008).

С учетом данных о вкладе удовлетворенности отношениями в общую удовлетворенность жизнью (Scogolini-Comin, dos Santos, 2012) в ходе анализа валидности была проверена гипотеза о связи между этими переменными. Для оценки удовлетворенности жизнью использовались Шкала счастья С. Любомирски в адаптации Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева (2008) и Шкала субъективного благополучия А. Бадо, Г.А. Мендельсон в адаптации М.В. Соколовой (1996).

После исследования валидности методики на следующем этапе был проведен анализ подверженности результатов шкалы влиянию установки на социально желательные ответы. Для решения этой задачи использовался Опросник социальной желательности BIDR (Balanced Inventory of Desirable Responding, адаптация Е.Н. Осина, 2011).

Для получения норм к тесту и оценки возможностей использования методики в разных совокупностях был проведен анализ различий в удовлетворенности отношениями в зависимости от демографических характеристик. Чтобы уточнить возможность сопоставления результатов в разных группах, также был выпол-

нен DIF-анализ (Differential item functioning, анализ дифференциального функционирования пункта) заданий шкалы в зависимости от пола и семейного положения (Фер, Бакаррак, 2010; Wang, Wang, 2012).

В исследовании психометрических характеристик русскоязычной версии методики приняли участие 602 испытуемых. Большинство испытуемых (студенты АГАО им. В.М. Шукшина и работники бюджетных организаций г. Бийска) прошли тестирование в бланковой форме. Кроме того, проводилось интернет-тестирование, к участию в котором через тематические форумы и группы в социальных сетях приглашались только лица, состоящие в браке. Подробная количественная характеристика выборок приведена в таблице 1.

В каждой из трех выборок Шкала оценки отношений показала высокую надежность по внутренней согласованности (в выборке студентов — .84; работников бюджетных организаций — .85; интернет-выборке — .89). Этот факт свидетельствует о том, что надежность практически не зависит от способа предъявления и шкала функционирует одинаково в разных группах. Средние значения

по шкале оценки отношений в разных выборках лежат в пределах от 3.69 (в интернет-выборке) до 3.90 (в выборке студентов) и не показывают статистически значимых различий.

Хотя данные выборки существенно различаются по некоторым важным характеристикам (возрастному и половому составу, типу отношений), влияние таких особенностей на удовлетворенность отношениями, как показано далее, является довольно слабым или вовсе отсутствует. В отношении других характеристик (таких как уровень образования, религиозность) эти группы не показывают принципиальных отличий. Неудивительно, что между выборками не обнаруживается статистически значимых различий в удовлетворенности отношениями. Все это позволяет надеяться, что, несмотря на довольно разный состав выборок, их объединение не угрожает достоверности результатов.

Результаты

Надежность и факторная структура методики

Коэффициент α Кронбаха составил .86 ($N = 602$), средняя межпози-

Таблица 1

Характеристика выборок испытуемых

Выборка	N	Количество мужчин (%)	Количество лиц, состоящих в браке (%)	Средний возраст $\pm \sigma$
Студенты АГАО	108	29 (27%)	0 (0%)	19.44 $\pm$ 1.94
Работники бюджетных организаций	313	105 (34%)	177 (57%)	28.01 $\pm$ 8.47
Интернет-выборка	181	20 (11%)	181 (100%)	28.54 $\pm$ 8.78
Вся выборка	602	176 (29%)	358 (60 %)	26.63 $\pm$ 8.51

ционная корреляция равна .47, что очень близко к значениям, полученным на зарубежных версиях методики. Корреляции заданий со шкалой лежат в пределах от .47 до .73. Эти показатели свидетельствуют об отличной внутренней согласованности русскоязычной версии шкалы.

Проверка ретестовой надежности проводилась на выборке в 48 испытуемых (студентов факультета психологии АГАО, состоящих в брачных отношениях) с интервалом в три недели. Коэффициент корреляции составил .78 ($p < .001$), что свидетельствует о достаточно высокой устойчивости результатов в течение этого срока. В другой выборке из 42 студенток, состоящих в брачных отношениях, была показана достаточно высокая ретестовая надежность в течение длительного временного периода (четыре месяца). Значение коэффициента надежности составило .74 ($p < .001$).

Для анализа факторной структуры методики сначала был проведен эксплораторный факторный анализ с помощью метода главных компонент. На основе анализа графика собственных значений (по критерию осыпи) наиболее предпочтительным оказалось однофакторное решение. Полученный в результате общий фактор объясняет 55% дисперсии заданий методики, при этом факторные нагрузки каждого задания имеют значения не ниже .59.

Далее соответствие структуры методики однофакторной модели было проверено с помощью конфирматорного факторного анализа. Исходной стала модель с одним фактором удовлетворенности отношениями без учета ковариаций ошибок.

Конфирматорный факторный анализ выполнялся в пакете Mplus 6 с использованием алгоритма оценки MLR, устойчивого к отклонениям от нормального распределения.

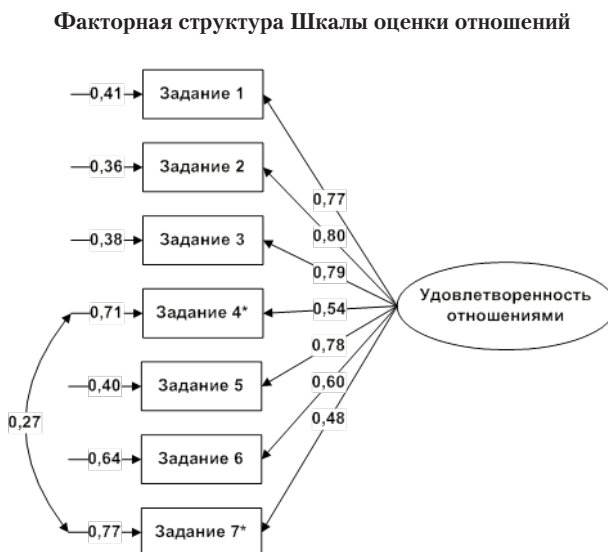
По результатам анализа индексов модификации в модель была внесена ковариация между ошибками двух обратных заданий (пункты № 4 и 7). Необходимо отметить, что вмешательство фактора формы заданий (прямой или обратной) является типичным для подобных шкальных методик и, как правило, учитывается в модели либо посредством введения ковариаций (как в нашем случае), либо включением в модель дополнительного фактора, соответствующего обратной форме заданий. Полученная в результате модель (см. рисунок 1) продемонстрировала удовлетворительные показатели соответствия исходным данным: $\chi^2 = 53.70$; $df = 13$; $p < .001$; RMSEA = .072; 90%-й доверительный интервал для RMSEA = .053–.093; CFI = .965; TLI = .943. Эти значения позволяют сделать вывод о подтверждении однофакторной структуры Шкалы оценки отношений.

Конвергентная валидность методики

Результаты оценки конвергентной валидности с использованием в качестве внешних критериев двух наиболее известных отечественных методик диагностики удовлетворенности браком на выборке испытуемых, состоящих в официальном браке, представлены в таблице 2.

Коэффициенты корреляции между всеми тремя методиками, измеряющими удовлетворенность отно-

Рисунок 1

* — оценки по обратным заданиям 4 и 7 инвертированы.

Таблица 2

**Коэффициенты корреляции Пирсона показателей удовлетворенности браком
и Шкалы оценки отношений (N = 168)**

Методика	ШОО	ОУБ	ТУБ
ШОО	(.86)		
ОУБ	.82***	(.88)	
ТУБ	.88***	.87***	(.91)

*** $p < .001$.

Примечание. В скобках приведены значения коэффициентов надежности α Кронбаха; ШОО — Шкала оценки отношений С. Хендрик; ОУБ — Опросник удовлетворенности браком В.В. Столина, Т.А. Романовой, Г.П. Бутенко; ТУБ — Тест на удовлетворенность браком Ю.Е. Аleshинной, Л.Я. Гозмана и Е.М. Дубовской.

шениями и браком, оказались весьма высоки (от .82 до .88 при уровне значимости $p < .001$), свидетельствуя об их содержательной близости и взаимозаменяемости. Этот факт позволяет с большой уверенностью говорить о конвергентной валидности Шкалы оценки отношений.

Приведенные в таблице данные также свидетельствуют о том, что

надежность всех трех методик находится приблизительно на одном уровне, хотя Шкала оценки отношений включает в себя значительно меньшее число заданий (величина коэффициента внутренней согласованности альфа Кронбаха при прочих равных условиях увеличивается по мере роста количества заданий в шкале). Таким образом, можно сде-

лать вывод о том, что Шкала оценки отношений выступает как экономичное средство диагностики удовлетворенности отношениями, не уступающее по своим психометрическим характеристикам общепринятым в нашей стране методикам диагностики удовлетворенности браком.

Связь любви и привязанности с удовлетворенностью отношениями

Учитывая тесную связь удовлетворенности отношениями с чувством любви, анализ конструктивной валидности методики разумно начать именно с исследования связей показателей по шкале оценки отношений со шкалами любви. Хотя в зарубежной психодиагностике известно очень много методик, предназначенных для измерения различных аспектов и проявлений любви (упоминаются 33 подобные методики — Hatfield et al., 2012), российские психологи располагают значительно меньшим инструментарием. Из числа зарубежных тестов любви успешно адаптированы и приобрели широкую известность у нас в стране шкалы любви и привязанности З. Рубина (в адаптации Ю.Е. Алешинной и Л.Я. Гозмана). Кроме того, неоднократно предпринимались попытки разработать методику диагностики стилей любви, основанную на типологии стилей любви Дж.А. Ли, получившей широкую известность в нашей стране благодаря работам Ю.Б. Рюрикова (1997). В решении этой задачи, по видимому, наиболее успешный результат получен О.А. Екимчик, предложившей русскоязычную версию шкалы стилей любви С. Хендрик и К. Хендрик (Екимчик, 2009).

Одним из недочетов этой версии стало то, что все шкалы, за исключением одной, показывают относительно невысокую надежность по внутренней согласованности (менее .7) в сравнении как с общепринятыми в психодиагностике требованиями, так и с оригинальной версией методики. В этой связи в данном исследовании использовалась несколько модифицированная версия методики, в которой отдельные утверждения были переформулированы таким образом, чтобы приблизить их содержание к оригинальной англоязычной версии и тем самым повысить внутреннюю согласованность шкал. Приведенные в таблице значения коэффициентов альфа Кронбаха свидетельствуют о том, что для большинства шкал эта цель была достигнута. Следовательно, несмотря на то, что существует необходимость в дополнительных исследованиях по уточнению факторной структуры и валидности русскоязычной версии методики, ее можно с известной осторожностью использовать в исследовательских целях.

Анализ корреляций, приведенных в таблице 3, показывает, что любовь действительно является весьма существенным фактором удовлетворенности отношениями. В частности, тесные связи с оценкой отношениями показала «Шкала любви», стиль любви «Эрос» и «Шкала симпатии». Кроме того, умеренная связь на высоком уровне значимости была выявлена со стилем любви «Агапе». Именно стили «Эрос» и «Агапе» в наибольшей мере соответствуют стереотипу подлинной романтической любви, так что связь этих стилей, так же как шкал любви и симпатии, с

Таблица 3

**Коэффициенты корреляции шкалы оценки отношений со шкалами любви и симпатии
3. Рубина и стилями любви**

Методика	Шкала	Шкала оценки отношений	Коэффициенты надежности шкал (α Кронбаха)
Шкалы Рубина (N = 171)	Шкала любви	.61***	.74
	Шкала симпатии	.49***	.64
Шкалы стилей любви (N = 285)	Эрос	.53***	.75
	Агапе	.32***	.80
	Сторге	.24***	.77
	Мания	-.03	.77
	Прагма	-.12*	.69
	Людус	-.25***	.62

* $p < 0.05$, *** $p < 0.001$.

удовлетворенностью отношениями полностью соответствует тезису о том, что удовлетворенность отношениями во многом определяется чувством любви. Прямую, хотя и слабую связь с удовлетворенностью показывает стиль «Сторге», который характеризует в большей мере не романтическую любовь как таковую, а стабильные дружеские или партнерские отношения.

Отсутствие связи стиля «Мания» с удовлетворенностью отношениями объясняется, по-видимому, противоречивыми как позитивными, так и негативными переживаниями (ревность, страх отвержения), характерными для этого стиля. Слабую обратную связь с удовлетворенностью показывает стиль «Прагма», проявляющийся в прагматичном отношении к партнеру, рациональности и расчетливости. Этот факт, вероятно, является следствием того, что рациональный учет достоинств и недостатков партнера не компенси-

рует нехватку эмоциональной привязанности к нему и способствует разочарованию в отношениях.

Обратная связь стиля «Людус» с удовлетворенностью вполне ожидаема ввиду того, что безответственность и поверхностность в отношениях с партнером не предполагают глубоких чувств и стремления к поддержанию и развитию отношений. Этот стиль скорее свидетельствует об отсутствии любви в ее традиционном понимании, вместо которой имеет место несерьезная «игра в любовь» (Murthy et al., 1996).

Шкалы стилей любви являются тесно взаимосвязанными, так что их корреляционные связи с удовлетворенностью отношениями не позволяют сделать вывода о самостоятельном вкладе того или иного стиля в благополучие отношений. Для выявления среди стилей любви независимых существенных предикторов удовлетворенности отношениями был выполнен пошаговый множественный

регрессионный анализ с исключением (таблица 4).

В результате анализа была получена регрессионная модель, объясняющая 32% дисперсии удовлетворенности отношениями. В соответствии с этой моделью сильный положительный вклад в удовлетворенность отношениями вносит стиль любви «Эрос», в то время как стиль «Людус» демонстрирует умеренную обратную связь с удовлетворенностью. Следовательно, эти два стиля являются наиболее существенными самостоятельными предикторами удовлетворенности.

Полученные результаты соответствуют данным, полученным в зарубежных исследованиях. В частности, в исследовании Г. Морроу было показано, что как для мужчин, так и для женщин характерна прямая связь удовлетворенности отношениями со стилями любви «Эрос», «Агапе» и «Мания» при наличии обратной связи со стилем «Людус» (Morrow et al., 1995). Интересно, что стили любви партнера в этом исследовании также показали аналогичные связи с удовлетворенностью, хотя сила связи была существенно меньше. В исследовании С. Хендрик

с помощью регрессионного анализа результатов опроса 57 студенческих пар был получен подобный результат, свидетельствующий о том, что именно «Эрос» и «Людус» являются существенными предикторами удовлетворенности как для мужчин, так и для женщин (Hendrick, 1988). Таким образом, проведенный анализ стилей любви как предикторов удовлетворенности отношениями привел к ожидаемым результатам, что свидетельствует в пользу конструктивной валидности русскоязычной версии шкалы оценки отношений.

Наряду со стилями любви к числу наиболее важных предикторов удовлетворенности близкими отношениями можно отнести также стили привязанности. Одним из наиболее известных теоретических подходов в исследовании стилей привязанности взрослых является концепция, предложенная К. Бартоломью и Л. Горовиц (Bartholomew, Horowitz, 1991). В основу этой концепции была положена идея Дж. Боулби о внутренней рабочей модели привязанности, складывающейся из двух составляющих. Первая из них характеризует обобщенную модель другого, вторая — обобщенную модель себя.

Таблица 4

Результаты множественного регрессионного анализа стилей любви как предикторов удовлетворенности отношениями (N = 285)

	β	Стандартная ошибка коэффициента β	t (df = 282)	p
Св. член			9.197	< .01
Эрос	.512	.049	1.382	< .01
Людус	-.195	.049	-3.958	< .01

Примечание. $R = 0.57$; $R^2 = 0.32$; $F(2, 282) = 66.397$; $p < .001$.

В поведенческих терминах их интерпретируют как тревогу (или беспокойство) в межличностных отношениях и избегание близких отношений.

В данном исследовании для диагностики стиля привязанности взрослых использовался опросник Опыт близких отношений (Fraley et al., 2000) в адаптации Т.В. Казанцевой (2008). Эта методика включает в себя две шкалы: тревоги и избегания в межличностных отношениях, которые в различных сочетаниях образуют четыре стиля привязанности. Авторами методики рекомендуется в ходе анализа для большей точности опираться на количественные значения тревоги и избегания без определения стиля привязанности (Fraley et al., 2000). Коэффициенты надежности α Кронбаха для этих шкал составили .81 и .70 соответственно.

Корреляционный анализ показателей стиля привязанности и удовлетворенности отношениями свидетельствует о наличии достоверной обратной связи шкалы избегания с оценкой отношений ($r = -.54; p < .001; N = 108$). Следовательно, для лиц с избегающим стилем привязанности характерна относительно меньшая удовлетворенность близкими отношениями. Этот вывод соответствует результатам зарубежных исследований, которые также свидетельствуют о негативном влиянии избегающего стиля привязанности на удовлетворенность отношениями (Towler, Stuhlmacher, 2013; Juhl et al., 2012). Однако, в отличие от зарубежных данных, не удалось выявить связи удовлетворенности с тревогой в меж-

личностных отношениях ($r = -.04; p$ — незначим).

Удовлетворенность отношениями и субъективное благополучие

Удовлетворенность отношениями может рассматриваться как частное, специфическое для определенной сферы жизни проявление удовлетворенности жизнью или субъективного благополучия. Неудивительно, что удовлетворенность отношениями и браком показывает в исследованиях достоверную связь с показателями субъективного благополучия (Scorsolini-Comin, dos Santos, 2012). В данном исследовании для проверки гипотезы о связи удовлетворенности отношениями с общими показателями субъективного благополучия был проведен корреляционный анализ результатов по Шкале оценки отношений, Шкале субъективного благополучия А. Бадо и Г.А. Мендельсон и Шкале счастья С. Любомирски (см. таблицу 5). При интерпретации результатов следует учитывать тот факт, что Шкала субъективного благополучия является обратной, т.е. о высоком благополучии свидетельствуют низкие количественные значения.

Полученные коэффициенты корреляции полностью подтверждают гипотезу о наличии связи между удовлетворенностью отношениями и уровнем субъективного благополучия. Эти результаты свидетельствуют в пользу вывода о том, что Шкала оценки отношений действительно измеряет удовлетворенность отношениями как одну из составляющих удовлетворенности жизнью.

Таблица 5

**Коэффициенты корреляции Пирсона между удовлетворенностью отношениями
и показателями субъективного благополучия (N = 47)**

Методика/шкала	Шкала оценки отношений
Субшкалы Шкалы субъективного благополучия	
1. Напряженность и чувствительность	-.33*
2. Признаки, сопровождающие основную психиатрическую симптоматику	-.43**
3. Изменения настроения	-.17
4. Значимость социального окружения	-.14
5. Самооценка здоровья	-.07
6. Степень удовлетворенности повседневной деятельностью	-.40**
Шкала субъективного благополучия	-.45**
Шкала счастья С. Любомирски	.43**

* $p < .05$, ** $p < .01$.

*Влияние социальной
желательности на результаты
методики*

Высокая удовлетворенность может рассматриваться некоторыми лицами как социально значимая характеристика отношений. В этой связи можно предполагать, что результаты оценки отношений могут быть в некоторой степени искажены ввиду сознательной или неосознанной тенденции испытуемого представить себя в социально желательном свете. Для анализа влияния тенденции к социальной желательности на результаты диагностики удовлетворенности отношениями был использован опросник социальной желательности VIDR в адаптации Е.Н. Осина. На выборке студентов (N = 47) было проведено соответствующее исследование и вычисле-

ны коэффициенты корреляции удовлетворенности отношениями со шкалами социальной желательности. В результате была выявлена достоверная связь оценки отношений со шкалой «Самообман — отрицание» ($r = .31$; $p < .05$). Анализ корреляций отдельных заданий со шкалами социальной желательности показывает, что связь с самообманом характерна только для утверждений 5 и 7. Их содержание связано с оценкой соответствия отношений ожиданиям и количества проблем в отношениях. Это значит, что склонность к отрицанию проявляется в данном случае в недооценке расхождений между ожиданиями и реальностью и в преуменьшении проблем. Полученные результаты свидетельствуют о том, что даже при условии анонимного предъявления методик результаты диагностики по Шкале оценки отношений могут

быть подвержены эффектам социальной желательности, что необходимо учитывать при организации исследований.

*Социально-демографические
характеристики и
удовлетворенность отношениями*

Анализ статистического распределения данных по Шкале оценки отношений свидетельствует о достоверном отличии от нормального (критерий Колмогорова–Смирнова $d = 0.08, p < .01$; Лиллиефорса $p < .01$). Распределение характеризуется явной левосторонней асимметрией ($As = -0.74$), преобладанием относительно высоких значений по шкале, что является типичным для многих шкал, оценивающих показатели благополучия и удовлетворенности жизнью.

Представленные в таблице 6 результаты свидетельствуют о наличии статистически значимых различий между мужчинами и женщинами по шкале удовлетворенности отношениями, однако размер эффекта, равный 0.25, указывает на их относительно малую величину. Вывод о большей удовлетворенности мужчин соответствует результатам отечественных исследований удовлетворенности браком (Андреева, 2005;

Сопун, Лидерс, 2007), в то время как зарубежные данные о гендерных различиях в удовлетворенности отношениями противоречивы (Hendrick et al., 1998). Достоверных различий между средними значениями у лиц, состоящих в браке ($M = 3.79$) и в добрачных отношениях ($M = 3.77$), не обнаружено.

Для проверки гипотезы о взаимодействии факторов пола и семейного положения был проведен двухфакторный дисперсионный анализ, результаты которого показали достоверные эффекты фактора пола, а также взаимодействия факторов пола и семейного положения ($F(1, 598) = 5.92; p < .05$). Приведенные в таблице 7 средние значения по соответствующим подгруппам свидетельствуют о том, что удовлетворенность женщин практически одинакова в добрачных и супружеских отношениях, в то время как удовлетворенность мужчин, состоящих в браке, существенно выше, чем у мужчин, состоящих в добрачных отношениях.

В данном исследовании подтвердился факт нелинейной зависимости удовлетворенности отношениями от их стажа, что было ранее показано в исследованиях ряда зарубежных и отечественных авторов на супружеских парах (Walker, 1977; Алешина, 1985).

Таблица 6

Гендерные различия по удовлетворенности отношениями

Мужчины (N = 176)		Женщины (N = 426)		Вся выборка (N = 602)		U критерий Манна–Уитни	t (df = 600)	Размер эффекта (d Коэна)
M	SD	M	SD	M	SD			
3.92	0.61	3.72	0.84	3.78	0.79	33419 ($p < .05$)	2.76 ($p < .01$)	0.25

Согласно Ю.Е. Алешиной, в течение первых двух десятилетий удовлетворенность браком постепенно понижается, достигая своего минимального значения в парах со стажем семейной жизни от 12 до 18 лет, а затем снова возрастает.

Результаты исследования (таблица 8) свидетельствуют о том, что в группе со стажем отношений от 4 до 15 лет происходит снижение удовлетворенности, однако затем ее уро-

вень повышается ($F = 2.85; p < .05$). Вместе с тем сила влияния стажа очень мала: коэффициент эта-квадрат, отражающий долю объясняемой дисперсии, составляет всего лишь 1.4%. Аналогичная тенденция обнаруживается и в том случае, если для анализа использовать только выборку лиц, состоящих в официальном браке, однако ввиду сокращения объема выборки этот эффект уже не имеет статистической значимости.

Таблица 7

Средние значения удовлетворенности отношениями в подгруппах разного пола и семейного положения

Пол	Семейное положение	Среднее значение (N)	Стд. отклонение
Женский	Не замужем	3.76 (155)	0.78
Женский	Замужем	3.70 (271)	0.87
Мужской	Не женат	3.78 (89)	0.61
Мужской	Женат	4.06 (87)	0.59

Таблица 8

Результаты анализа влияния возраста и стажа отношений на удовлетворенность

Фактор/ группа	N	Среднее значение	Стандартное отклонение	Критерий Краскела— Уоллиса H (3, N= 602)	ANOVA F(3, 598)	η^2
Возрастная группа				3.76	1.04	.005
17–25 лет	355	3.79	0.73			
26–34 лет	143	3.70	0.88			
35–43 лет	70	3.84	0.83			
44–60 лет	34	3.93	0.84			
Стаж отношений				8.58*	2.85*	.014
менее 1 года	125	3.74	0.63			
1–3 года	202	3.89	0.73			
4–15 лет	214	3.68	0.90			
16–40 лет	61	3.88	0.80			

* $p < .05$.

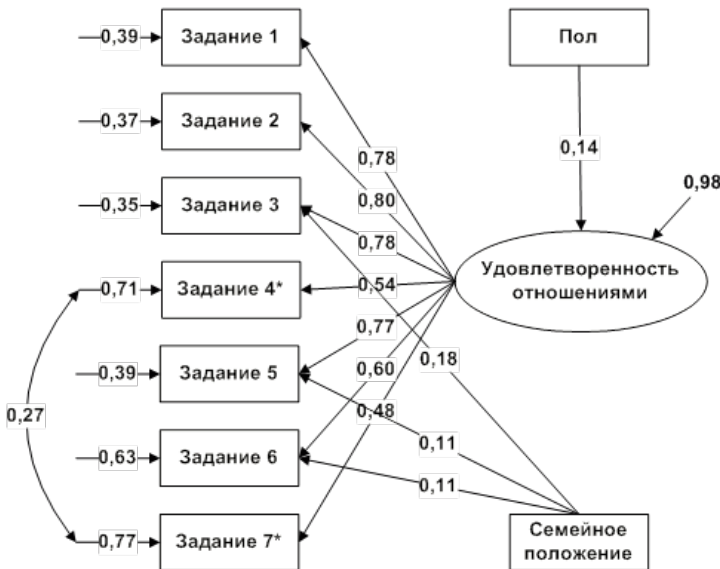
С целью исследования возможно влияния пола и семейного положения на функционирование отдельных заданий шкалы был проведен DIF-анализ средствами программы Mplus 6 (Wang, Wang, 2012). В ходе анализа исходная модель шкалы (см. рисунок 1) была дополнена двумя переменными (пол и семейное положение) с их путями на общий фактор и каждое из заданий. Пол не показал статистически значимых путей на отдельные задания, выступая при этом в качестве достоверного предиктора удовлетворенности отношениями. Семейное положение продемонстрировало значимые пути на задания 3, 5 и 6, при том что его влияние на фактор удовлетворенности отношениями не является статисти-

чески значимым. Полученная в итоге модель приведена на рисунке 2.

Результаты DIF-анализа показывают, что, хотя методика разрабатывалась как единое средство диагностики удовлетворенности романтическими отношениями разного типа, на самом деле существуют некоторые тенденции в оценке по отдельным заданиям, характерные для лиц, состоящих в добрачных и в супружеских отношениях. В частности, испытуемые, состоящие в браке, склонны давать более высокие оценки по заданиям 3, 5 и 6 при равном уровне удовлетворенности отношениями. Следовательно, сравнение результатов лиц, состоящих в отношениях разного типа, требует известной осторожности, так как некоторые

Рисунок 2

Влияние пола и семейного положения на результаты Шкалы оценки отношений

Примечание. Характеристики модели: $\chi^2 = 79.82$; $df = 24$; $p < .001$; $RMSEA = .062$; 90%-й доверительный интервал для $RMSEA = .047-.078$; $CFI = .960$; $TLI = .941$. Пол: 1 – мужской, 0 – женский; семейное положение: 1 – женат/замужем, 0 – не женат/не замужем.

утверждения, по-видимому, приобретают в различных отношениях разные оттенки смысла.

Выводы

Русскоязычная версия Шкалы оценки отношений представляет собой экономичную и гибкую методику диагностики удовлетворенности близкими (добрачными, супружескими и др.) отношениями. Данная методика имеет однофакторную структуру и характеризуется отличными показателями надежности по внутренней согласованности и ретестовой надежности. О хорошей конвергентной валидности свидетельствуют сильные связи показателей Шкалы оценки отношений с двумя другими методиками диагностики удовлетворенности браком. Полученные результаты свидетельствуют о полной взаимозаменяемости этих методик. Данные о кон-

структной валидности Шкалы оценки отношений, полученные при сопоставлении ее результатов с показателями стилей любви, привязанности, субъективного благополучия и счастья, полностью соответствуют основанным на теории ожиданиям, а также результатам зарубежных исследований.

Таким образом, можно сделать вывод об отличных психометрических характеристиках русскоязычной версии Шкалы оценки отношений. Широкие возможности ее применения в исследовательской практике определяются актуальностью и востребованностью психологических и социологических исследований супружеских и добрачных отношений, гибкостью и методологической обоснованностью данной методики, а также наличием версий на разных языках, что открывает новые возможности для кросс-культурных исследований.

Литература

- Алешина, Ю. Е. (1985). *Удовлетворенность браком и межличностное восприятие в супружеских парах с различным стажем совместной жизни* (Кандидатская диссертация, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва).
- Алешина, Ю. Е., Гозман, Л. Я., Дубовская, Е. М. (1987). *Социально-психологические методы исследования супружеских отношений: Спецпрактикум по социальной психологии*. М.: Изд-во Московского ун-та.
- Андреева, Т. В. (2005). *Психология современной семьи*. СПб.: Речь.
- Екимчик, О. А. (2009). *Когнитивный и эмоциональный компоненты любви у людей разного возраста* (Кандидатская диссертация, Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, Кострома).
- Казанцева, Т. В. (2008). Адаптация модифицированной методики «Опыт близких отношений» К. Бреннан и Р. К. Фрейли. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 34(74-2), 139–143.
- Осин, Е. Н. (2011). Проблема социальной желательности в исследованиях личностного потенциала. В кн. Д. А. Леонтьев (Ред.), *Личностный потенциал: структура и диагностика* (с. 454–468). М.: Смысл.

- Осин, Е. Н., Леонтьев, Д. А. (2008). Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия. В кн. *Материалы III Всероссийского социологического конгресса*. М.: Институт социологии РАН/Российское общество социологов. Режим доступа: <http://publications.hse.ru/en/chapters/78753840>
- Рюриков, Ю. Б. (1997). *Цвета любви: от страсти до игры*. М.: Рипол Классик.
- Соколова, М. В. (1996). *Шкала субъективного благополучия*. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика».
- Сопун, С. М., Лидерс, А. Г. (2007). Психологическая совместимость супружеской пары и удовлетворенность браком. *Сибирский психологический журнал*, 25, 156–162.
- Столин, В. В., Романова, Т. А., Бутенко, Г. П. (1984). Опросник удовлетворенности браком. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 2, 54–60.
- Фер, Р. М., Бакарак, В. Р. (2010). *Психометрика: введение*. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ.
- Bartholomew, K., & Horowitz, L. M. (1991). Attachment styles among young adults: a test of a 4-category model. *Journal of Personality and Social Psychology*, 61(2), 226–244. doi:10.1037/0022-3514.61.2.226
- Caspepp-Borges, V., & Pasquali, L. (2011). Relationship Assessment Scale's psychometric characteristics. *Psico-USF*, 16(3), 255–264. doi:10.1590/S1413-82712011000300002
- Dinkel, A., & Balck, F. (2005). An evaluation of the German relationship assessment scale. *Swiss Journal of Psychology/Schweizerische Zeitschrift für Psychologie/Revue Suisse de Psychologie*, 64(4), 259–263. doi:10.1024/1421-0185.64.4.259
- Fraley, R. C., Waller, N. G., & Brennan, K. A. (2000). An item response theory analysis of self-report measures of adult attachment. *Journal of Personality and Social Psychology*, 78(2), 350–365. doi:10.1037/0022-3514.78.2.350
- Guerrero, L. K., Anderson, P. A., & Afifi, W. A. (2011). *Close encounter: Close communication in relationships*. Los Angeles: Sage.
- Hatfield, E., Bensman, L., & Rapson, R. L. (2012). A brief history of social scientists' attempts to measure passionate love. *Journal of Social and Personal Relationships*, 29(2), 143–164. doi:10.1177/0265407511431055
- Hendrick, S. S. (1988). A generic measure of relationship satisfaction. *Journal of Marriage and the Family*, 50(1), 93–98. doi:10.2307/352430
- Hendrick, S. S., Dicke, A., & Hendrick, C. (1998). The relationship assessment scale. *Journal of Social and Personal Relationships*, 15(1), 137–142. doi: 10.1177/0265407598151009
- Hendrick, S. S., & Hendrick, C. (1997). Love and satisfaction. In R. J. Sternberg & M. Hojjat (Eds.), *Satisfaction in close relationships* (pp. 56–78). New York/London: The Guilford Press.
- Juhl, J., Sand, E. C., & Routledge, C. (2012). The effects of nostalgia and avoidant attachment on relationship satisfaction and romantic motives. *Journal of Social and Personal Relationships*, 29(5), 661–670. doi:10.1177/0265407512443433
- Koski, L. R., & Shaver, P. R. (1997). Attachment and relationship satisfaction across the lifespan. In R. J. Sternberg & M. Hojjat (Eds.), *Satisfaction in close relationships* (pp. 26–55). New York/London: The Guilford Press.
- Morrow, G. D., Clark, E. M., & Brock, K. F. (1995). Individual and partner love styles: Implications for the quality of romantic involvements. *Journal of Social and Personal Relationships*, 12(3), 363–387. doi:10.1177/0265407595123003
- Murthy, K., Rotzien, A., & Vacha-Haase, T. (1996). Validity studies second-order structure underlying the Hendrick-Hendrick Love Attitudes Scale. *Educational and Psychological Measurement*, 56(1), 108–121. doi:10.1177/0013164496056001007

- Rask, M., Malm, D., Kristofferzon, M. L., Roxberg, A., Svedberg, P., Arenhall, E., ... Benzein, E. (2009). Validity and reliability of a Swedish version of the Relationship Assessment Scale (RAS): A pilot study. *Canadian Journal of Cardiovascular Nursing – Journal Canadien en Soins Infirmiers Cardiovasculaires*, 20(1), 16–21.
- Renshaw, K. D., McKnight, P., Caska, C. M., & Blais, R. K. (2011). The utility of the relationship assessment scale in multiple types of relationships. *Journal of Social and Personal Relationships*, 28(4), 435–447. doi:10.1177/0265407510377850
- Rusbult, C. E., & Buunk, B. P. (1993). Commitment processes in close relationships: An interdependence analysis. *Journal of Social and Personal Relationships*, 10(2), 175–204. doi:10.1177/026540759301000202
- Scorsolini-Comin, F., & dos Santos, M. A. (2012). Correlations between subjective well-being, dyadic adjustment and marital satisfaction in Brazilian married people. *The Spanish Journal of Psychology*, 15(01), 166–176. doi:10.5209/rev_SJOP.2012.v15.n1.37304
- Towler, A. J., & Stuhlmacher, A. F. (2013). Attachment styles, relationship satisfaction, and well-being in working women. *The Journal of Social Psychology*, 153(3), 279–298. doi:10.1080/00224545.2012.735282
- Vaughn, M. J., & Matyastik Baier, M. E. (1999). Reliability and validity of the relationship assessment scale. *American Journal of Family Therapy*, 27(2), 137–147. doi:10.1080/019261899262023
- Walker, C. (1977). Some variations in marital satisfaction. In R. Chester & J. Peel (Eds.), *Equalities and inequalities in family life* (pp. 127–139). London: Academic Press.
- Wang, J., & Wang, X. (2012). *Structural equation modeling: applications using Mplus*. Chichester, West Sussex, UK/Hoboken, NJ: John Wiley/Higher Education Press.

Сычев Олег Анатольевич — доцент, кафедра психологии, ФГБОУ ВПО «Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина», кандидат психологических наук.
E-mail: osn1@mail.ru

Шкала оценки отношений

Инструкция. Приведенные ниже утверждения касаются вашей удовлетворенности отношениями с партнером (супругом или супругой, другом или подругой). Пожалуйста, для каждого утверждения на бланке укажите наиболее соответствующий вам вариант ответа.

1. Насколько хорошо партнер соответствует вашим потребностям?

1	2	3	4	5
Плохо		Умеренно		Очень хорошо

2. В целом насколько вы удовлетворены вашими взаимоотношениями с партнером?

1	2	3	4	5
Неудовлетворен(а)		Умеренно		Очень удовлетворен(а)

3. Насколько близки ваши отношения к идеальным?

1	2	3	4	5
Очень мало		Умеренно		Очень сильно

4. Как часто вы жалеете о том, что вступили в эти отношения?

1	2	3	4	5
Никогда		Иногда		Очень часто

5. В какой мере ваши взаимоотношения соответствуют тому, что вы от них ожидали?

1	2	3	4	5
Очень мало		Умеренно		Полностью

6. Насколько сильно вы любите своего партнера?

1	2	3	4	5
Слабо		Умеренно		Очень сильно

7. Как много проблем в ваших отношениях?

1	2	3	4	5
Очень мало		Умеренно		Очень много

Обратные задания, ответы по которым необходимо инвертировать: 4, 7. Общая сумма оценок по всем заданиям делится на 7, полученный итоговый показатель по шкале от 1 до 5 характеризует удовлетворенность партнеров отношениями.

Russian Version of Relationship Assessment Scale

Oleg A. Sychev^a

^a *Shukshin Altai State Academy of Education, 53 Korolenko str., Altai region, Biysk, 659333, Russian Federation*

Abstract

The article presents the results of development of the Russian version of the Relationship Assessment Scale by S. Hendrick. As distinct from the satisfaction with marriage test, well-known in our country, this scale is characterized by good usability, parsimony and applicability for diagnostics of satisfaction with both marital and other intimate relationships between adults. Approbation of the proposed Russian version was conducted on three samples (general size $N = 602$), including students, employees of state-funded organizations and Internet users of various ages (who took part in online-testing), who were officially married or in premarital relationships. The results of confirmatory factor analysis confirmed the one-dimensional structure of the scale (with the presence of covariance, which reflected the specifics of respondents' reaction to the reversed items of the scale). The scale showed excellent reliability in internal consistency (Cronbach's alpha .84 – .89) and retest reliability ($> .7$). Convergent validity is confirmed by high correlations with two diagnostic scales of satisfaction with marriage ($r_1 = .82$, $r_2 = .88$). Construct validity was confirmed by foreseeable correlations with scales of styles of love, attachment, subjective wellbeing and happiness. Moderate correlation was found between the measure of the scale and propensity for self-deception. Significant influence on relationships satisfaction was shown by factors of gender, marital status and their interaction, wherein the highest level of satisfaction was characteristic of men in marriage. Though relationships satisfaction in men is significantly higher than in women, the range of difference is not large (Cohen's $d = 0.25$). The analysis of differential functioning of the items of the scale showed their independence from gender and dependence from marital status, which may reflect different interpretation of some items by people in relationships of various types. The acquired results allow to recommend the suggested version of the scale as an instrument for evaluation of satisfaction with marital or other intimate relationships of adults.

Keywords: relationship satisfaction, relationship assessment scale, love styles, attachment styles, subjective well-being.

References

- Aleshina, Yu. E. (1985). *Udobstvorennost' brakom i mezhlchnostnoe vospriyatie v supruzheskikh parakh s razlichnym stazhem sovmestnoi zhizni* [Satisfaction with marriage and interpersonal perception in married couples with various length of joint life] (PhD dissertation, Lomonosov Moscow State University, Moscow).
- Aleshina, Yu. E., Gozman, L. Ya., & Dubovskaya, E. M. (1987). *Sotsial'no-psikhologicheskie metody issledovaniya supruzheskikh otnoshenii: Spetspraktikum po sotsial'noi psikhologii* [Social psychological methods to study marital relationships: Special practicum in social psychology]. Moscow: Moscow University Press.

- Andreeva, T. V. (2005). *Psikhologiya sovremennoi sem'i* [The psychology of modern family]. Saint Petersburg: Rech'.
- Bartholomew, K., & Horowitz, L. M. (1991). Attachment styles among young adults: a test of a 4-category model. *Journal of Personality and Social Psychology*, *61*(2), 226–244. doi:10.1037/0022-3514.61.2.226
- Caspepp-Borges, V., & Pasquali, L. (2011). Relationship Assessment Scale's psychometric characteristics. *Psico-USF*, *16*(3), 255–264. doi:10.1590/S1413-82712011000300002
- Dinkel, A., & Balck, F. (2005). An evaluation of the German relationship assessment scale. *Swiss Journal of Psychology/Schweizerische Zeitschrift für Psychologie/Revue Suisse de Psychologie*, *64*(4), 259–263. doi:10.1024/1421-0185.64.4.259
- Ekimchik, O. A. (2009). *Kognitivnyi i emotsional'nyi i komponenty lyubvi u lyudei raznogo vozrasta* [Cognitive and emotional components of love in people of different age] (PhD dissertation, Nekrasov Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation).
- Fraley, R. C., Waller, N. G., & Brennan, K. A. (2000). An item response theory analysis of self-report measures of adult attachment. *Journal of Personality and Social Psychology*, *78*(2), 350–365. doi:10.1037/0022-3514.78.2.350
- Furr, R. M., & Bacharach, V. R. (2010). *Psikhometrika: Vvedenie* [Psychometrics: Introduction]. Chelyabinsk: South Ural State University Publishing House. (Transl. of: Furr, R. M., & Bacharach, V. R. (2008). *Psychometrics: An introduction*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications).
- Guerrero, L. K., Anderson, P. A., & Afifi, W. A. (2011). *Close encounter: Close communication in relationships*. Los Angeles: Sage.
- Hatfield, E., Bensman, L., & Rapson, R. L. (2012). A brief history of social scientists' attempts to measure passionate love. *Journal of Social and Personal Relationships*, *29*(2), 143–164. doi:10.1177/0265407511431055
- Hendrick, S. S. (1988). A generic measure of relationship satisfaction. *Journal of Marriage and the Family*, *50*(1), 93–98. doi:10.2307/352430
- Hendrick, S. S., & Hendrick, C. (1997). Love and satisfaction. In R. J. Sternberg & M. Hojjat (Eds.), *Satisfaction in close relationships* (pp. 56–78). New York/London: The Guilford Press.
- Hendrick, S. S., Dicke, A., & Hendrick, C. (1998). The relationship assessment scale. *Journal of Social and Personal Relationships*, *15*(1), 137–142. doi: 10.1177/0265407598151009
- Juhl, J., Sand, E. C., & Routledge, C. (2012). The effects of nostalgia and avoidant attachment on relationship satisfaction and romantic motives. *Journal of Social and Personal Relationships*, *29*(5), 661–670. doi:10.1177/0265407512443433
- Kazantseva, T. V. (2008). Adaptation of the modified technique “Experiences in Close Relationships” by K. Brennan and R. Fraley. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*, *34*(74-2), 139–143.
- Koski, L. R., & Shaver, P. R. (1997). Attachment and relationship satisfaction across the lifespan. In R. J. Sternberg & M. Hojjat (Eds.), *Satisfaction in close relationships* (pp. 26–55). New York/London: The Guilford Press.
- Morrow, G. D., Clark, E. M., & Brock, K. F. (1995). Individual and partner love styles: Implications for the quality of romantic involvements. *Journal of Social and Personal Relationships*, *12*(3), 363–387. doi:10.1177/0265407595123003
- Murthy, K., Rotzien, A., & Vacha-Haase, T. (1996). Validity studies second-order structure underlying the Hendrick-Hendrick Love Attitudes Scale. *Educational and Psychological Measurement*, *56*(1), 108–121. doi:10.1177/0013164496056001007

- Osin, E. N. (2011). Problema sotsial'noi zhelatel'nosti v issledovaniyakh lichnostnogo potentsiala [The issue of social desirability in studies on personal potential]. In D. A. Leontiev (Ed.), *Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika* [Personal potential: Structure and diagnostics] (pp. 454–468). Moscow: Smysl.
- Osin, E. N., & Leontiev, D. A. (2008). Aprobatziya russkoyazychnykh versii dvukh shkal ekspressotsenki sub"ektivnogo blagopoluchiya [Approbation of the Russian versions of the two scales for express-evaluation of subjective well-being]. In *Materialy III Vserossiiskogo Sotsiologicheskogo Kongressa* [Proceedings of the Third All-Russian Sociological Congress]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences / Russian Society of Sociologists. Retrieved from <http://publications.hse.ru/en/chapters/78753840>
- Rask, M., Malm, D., Kristofferzon, M. L., Roxberg, A., Svedberg, P., Arenhall, E., ... Benzein, E. (2009). Validity and reliability of a Swedish version of the Relationship Assessment Scale (RAS): A pilot study. *Canadian Journal of Cardiovascular Nursing – Journal Canadien en Soins Infirmiers Cardiovasculaires*, 20(1), 16–21.
- Renshaw, K. D., McKnight, P., Caska, C. M., & Blais, R. K. (2011). The utility of the relationship assessment scale in multiple types of relationships. *Journal of Social and Personal Relationships*, 28(4), 435–447. doi:10.1177/0265407510377850
- Rusbult, C. E., & Buunk, B. P. (1993). Commitment processes in close relationships: An interdependence analysis. *Journal of Social and Personal Relationships*, 10(2), 175–204. doi:10.1177/026540759301000202
- Ryurikov, Yu. B. (1997). *Tsveta lyubvi: ot strasti do igry* [Colors of love: From passion to game]. Moscow: Ripol Klassik.
- Sacher, J., & Fine, M. (1996). Predicting relationship status and satisfaction after six months among dating couples. *Journal of Marriage and the Family*, 58(1), 21–32.
- Scorsolini-Comin, F., & dos Santos, M. A. (2012). Correlations between subjective well-being, dyadic adjustment and marital satisfaction in Brazilian married people. *The Spanish Journal of Psychology*, 15(01), 166–176. doi:10.5209/rev_SJOP.2012.v15.n1.37304
- Sokolova, M. B. (1996). *Shkala sub"ektivnogo blagopoluchiya* [The subjective wellbeing scale]. Yaroslavl: NPTs "Psikhodiagnostika".
- Sopun, S. M., & Liders, A. G. (2007). Psychological compability of a married couple and satisfaction of marriage. *Siberian Journal of Psychology*, 25, 156–162.
- Stolin, V. V., Romanova, T. A., & Butenko, G. P. (1984). Oprosnik udovletvorennosti brakom [The satisfaction with marriage questionnaire]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 2, 54–60.
- Towler, A. J., & Stuhlmacher, A. F. (2013). Attachment styles, relationship satisfaction, and well-being in working women. *The Journal of Social Psychology*, 153(3), 279–298. doi:10.1080/00224545.2012.735282
- Vaughn, M. J., & Matyastik Baier, M. E. (1999). Reliability and validity of the relationship assessment scale. *American Journal of Family Therapy*, 27(2), 137–147. doi:10.1080/019261899262023
- Walker, C. (1977). Some variations in marital satisfaction. In R. Chester & J. Peel (Eds.), *Equalities and inequalities in family life* (pp. 127–139). London: Academic Press.
- Wang, J., & Wang, X. (2012). *Structural equation modeling: applications using Mplus*. Chichester, West Sussex, UK/Hoboken, NJ: John Wiley/Higher Education Press.

Короткие сообщения

ДВИЖЕНИЯ ГЛАЗ В ХОДЕ СПОНТАННОГО И КОНТРОЛИРУЕМОГО ОБНАРУЖЕНИЯ СЛОВ В БОЛЬШИХ БУКВЕННЫХ МАССИВАХ

С.А. ЯЗЫКОВ^а, М.В. ФАЛИКМАН^{а,б,с}

^а *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1.*

^б *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

^с *Институт общественных наук РАНХиГС, 119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1.*

Резюме

Целью работы было изучение возможностей и ограничений нисходящих влияний на обработку зрительных стимулов на материале задачи зрительного поиска букв и слов в случайных рядах букв. В наших недавних экспериментах было показано, что присутствие слов в буквенных массивах, в которых наблюдатель решает задачу поиска букв, не влияет на продуктивность решения этой задачи вне зависимости от того, замечает ли испытуемый слова. Мы установили, что спонтанное выделение слов и их произвольное отыскание в соответствии с инструкцией задействуют разные стратегии поиска, меняющие характер движений глаз. Спонтанное обнаружение слов при поиске букв не имеет значимых глазодвигательных коррелятов, в то время как контролируемый поиск слов увеличивает число фиксации как в пределах слов, так и между ними. В дополнительном исследовании мы показали, что знание категориальной принадлежности слов не помогает испытуемым в выполнении задания на поиск слов; по всей видимости, в этом случае сначала происходит установление границ и выделение слов в стимульном материале и только затем процесс их категоризации. Таким образом, к обнаружению слов в буквенных массивах могут приводить, по крайней мере, два различных процесса: спонтанного обнаружения слова, опосредованный кодированием отдельных букв, и контролируемого выделения слова, опосредованный обработкой информации о слове как о целостной перцептивной единице.

Ключевые слова: зрительный поиск, перцептивные стратегии, перцептивная задача, регистрация движений глаз, эффект превосходства слова, тест Мюнстерберга.

В современной когнитивной психологии широко обсуждается вопрос о возможностях и ограничениях так называемых нисходящих влияний на обработку зрительной информации. Источником этих влияний может выступать как прошлый опыт человека, так и цели и стратегии решения им перцептивных задач (Печенкова, Фаликман, 2010). Разграничение этих источников не всегда оказывается возможным на основе результатов экспериментов с традиционными поведенческими мерами, такими, как продуктивность решения задачи и время ответа, и требует использования дополнительных объективных показателей перцептивной активности.

В основу данного исследования положен «эффект превосходства слова» — один из устойчивых психологических эффектов, впервые описанный Дж.М. Кеттеллом в конце XIX в. (Cattell, 1886), а в XX в. сопровождавший развитие когнитивной психологии с ее первых шагов, начиная с работы Дж. Рейхера (Reicher, 1969) и опубликованной в первом выпуске журнала «Cognitive Psychology» статьи Д. Уилера (Wheeler, 1970). «Превосходство» слова заключается в том, что буквы, предъявленные в составе слов, опознаются точнее и быстрее в сравнении со случайными наборами букв и изолированно предъявленными буквами.

Существование подобного эффекта указывает на то, что зрительное восприятие организовано как многоуровневая система. Ключевой особенностью уровневого описания перцепции является предположение о возможности нисходящих влияний со стороны сложных, высокоуровне-

вых форм переработки информации на протекание процесса восприятия на нижележащих уровнях.

Часто взаимодействие между уровнями представляется в качестве автоматического. Известный пример такого взгляда на организацию межуровневых связей — нейросетевая модель интерактивной активации (Interactive Activation Model) Дж. Макклелланда и Д. Румельхарта (McClelland, Rumelhart, 1981). Она включает три уровня, задействованных в зрительном опознании слова: 1) простых признаков; 2) букв и 3) слов, между которыми существуют двунаправленные связи, такие, что активация узла слова способствует активации входящих в это слово букв и формирующих его признаков и тормозит активацию остальных, не связанных с ним единиц. При этом первоначальную активацию слова обеспечивают исключительно простые зрительные признаки на перцептивном входе. Другие авторы предполагают, что выбор единиц, организующих восприятие, происходит произвольно: например, В. Вундт (2007) считал эффект превосходства слова следствием работы механизма внимания — апперцепции, а Ю.Б. Гиппенрейтер (1983) предположила, что ведущий уровень организации перцептивного процесса и структура перцептивных единиц определяются целью перцептивного действия, т.е. стоящей перед человеком задачей. Точку зрения Ю.Б. Гиппенрейтер поддерживают результаты исследований М.В. Фаликман (2001) и В.Ю. Степанова (2011), в которых возникновение эффекта превосходства слова в условиях быстрого последовательного предъявления

зрительных стимулов требовало предварительного знания о том, что стимульный материал будет организован в слова.

Чтобы проверить предположение о возможности эффективного укрупнения перцептивных единиц в более естественных для человека условиях одновременного предъявления всех букв слова, мы провели исследование на модифицированном стимульном бланке теста Бурдона, добавив в него слова (Фаликман и др., 2013; Falikman, 2014). Испытуемые в этом исследовании получали задание на поиск заранее заданной буквы среди не разделенных пробелами букв в одном из трех типов бланков, представлявших собой буквенные массивы, организованные в 10 рядов по 60 символов. В бланках первого типа ряды букв содержали слова, и при этом целевая буква всегда находилась в словах (ЭГ1). Бланки второго типа также содержали слова, но целевая буква всегда располагалась вне слов (ЭГ2). Бланки третьего типа слов не содержали (КГ). О наличии слов испытуемые не были осведомлены. Значимых различий между тремя группами испытуемых по продуктивности выполнения задачи обнаружено не было, однако если 65% испытуемых из ЭГ1 замечали слова, то в ЭГ2 заметили слова 37.5% испытуемых. При разделении групп по критерию обнаружения слов значимые различия в продуктивности также отсутствовали. В следующем исследовании на том же стимульном материале мы предупредили испытуемых о наличии слов и их расположении относительно целевых букв, но это никак не сказалось на полученных результатах: они

не отличались от результатов первого эксперимента, следовательно, испытуемые не использовали эти сведения для решения поставленной задачи.

Мы интерпретировали эти результаты как диссоциацию нисходящих процессов и нисходящих влияний на решение перцептивной задачи (Falikman, 2014): испытуемые замечают слова (что требует обращения к опыту использования этих слов), но слова не оказывают влияния на скорость нахождения целевых букв. Эти результаты расходятся с традиционными представлениями об эффекте превосходства слова. Если повышение эффективности обработки информации о букве в составе слова является «побочным продуктом» обработки информации о слове, то наличие спрятанных в буквенных массивах слов ускорило бы выполнение задания. В то же время обнаруженные слова не привлекают к себе внимания (не навязывают неэффективного укрупнения перцептивной единицы), иначе следовало бы ожидать снижения продуктивности поиска целевой буквы.

В настоящем исследовании мы добавили к описанным экспериментальным условиям дополнительное условие с заданием на поиск слов, а также новую зависимую переменную — параметры движений глаз. Мы рассчитывали выявить глазо-двигательные корреляты спонтанного обнаружения слов в буквенных массивах (предположив, что наличие слов одновременно помогает и осложняет поиск целевой буквы и что эффекты аннулируют друг друга), а также проверить, отличается ли заведомо контролируемое

обнаружение слов в буквенных массивах в соответствии с поставленной задачей (при задании на поиск слов — так называемом тесте Мюнстерберга) от автоматического обнаружения слов при решении задачи поиска букв. Таким образом, мы ожидали увеличения количества фиксаций на областях слов при задании на поиск букв в сравнении с областями целевых букв, не являющимися в то же время областями слов, а также «перегонами» между целевыми буквами. Кроме того, предполагалось, что будут выявлены различия в количестве фиксаций при выполнении заданий на поиск слов и поиск букв.

Методика

Стимульный материал. В исследовании использовались стимульные бланки, идентичные бланкам, применявшимся в наших предыдущих работах (Фаликман и др., 2013; Falikman, 2014). Они создавались с помощью специальной компьютерной программы-генератора с использованием заранее подготовленных «словарей» стимулов и содержали 10 строк по 60 строчных букв русского алфавита без пробелов. В двух бланках в эти строки были включены 24 шестибуквенных слова русского языка из среднего диапазона частотности, при этом общее количество букв и строк оставалось одним и тем же.

Всего мы использовали три типа бланков в четырех условиях, в каждом из которых участвовала отдельная группа испытуемых: 1) выполнение задания на поиск буквы Т в буквенных массивах со словами, где

целевая буква всегда входила в состав слов (ЭГ1); 2) выполнение задания на поиск буквы Т в буквенных массивах со словами, где целевая буква никогда не входила в состав слов (ЭГ2); 3) выполнение задания на поиск буквы Т в буквенных массивах, не содержащих слова (ЭГ3); 4) выполнение задания на поиск слов в буквенных массивах, в которых каждое из целевых слов содержит букву Т (ЭГ4). Каждому испытуемому предъявлялся единственный бланк в соответствии с условием.

Стимулы предъявлялись на мониторе компьютера и были напечатаны шрифтом Times New Roman, кегль 27. Угловые размеры всего текста составляли $30^\circ \times 20^\circ$ по горизонтали и вертикали соответственно. Каждая строчная буква имела высоту 6 мм, что приблизительно соответствовало 0.55 угловым градусам для глаза испытуемого.

Испытуемые. В исследовании приняли участие 32 человека, студенты и аспиранты МГУ, в возрасте 19–25 лет (средний возраст — 21 год) с нормальным или скорректированным до нормального зрением, все правши. В каждую экспериментальную группу вошло 8 испытуемых.

Аппаратура. Исследование проводилось на установке для регистрации движений глаз «iView X system» фирмы SMI.

Процедура. Испытуемые проходили исследование в индивидуальном порядке. Эксперимент начинался с процедуры калибровки, занимавшей от одной до десяти минут. Затем устно проговаривалась экспериментальная инструкция. Каждому испытуемому давалось только одно

задание, либо на поиск слов, либо на поиск букв. Стимульный материал предъявлялся на экране в течение одной минуты. О нахождении новой целевой буквы или слова испытуемый отчитывался нажатием на клавишу «Enter». По завершении работы испытуемым ЭГ1, ЭГ2 и ЭГ3 предлагалось ответить на вопрос с вынужденным выбором («да»/ «нет»): заметили ли они в буквенных строках слова, а в случае положительного ответа предлагалось припомнить слова, которые они заметили.

Обработка результатов. На стимульном материале выделялись зоны интереса (Area of Interest, AOI). Всего было выделено 72 AOI, 24 из которых соответствовали целевым объектам, 24 — расположению слов в предъявляемых на экране буквенных строках, 24 — областям «перегонов» между словами. Для ЭГ1 и ЭГ4 области целевого объекта совпадали с областями слов, так что на них выделялось по 48 AOI. Для ЭГ3 так же было выделено только 48 AOI, так как в бланках этой группы не было слов. Таким образом, в совокупности, по данным всех испытуемых, было выделено 1728 зон интереса (48 AOI * 24 испытуемых + 72 AOI * 8 испытуемых). Площади всех AOI были одинаковы и содержали по 13 104 пикселя.

Для каждой AOI считалось общее число фиксаций испытуемого на ней. Из анализа данных были исключены необследованные AOI — те области, на которые не приходилось ни одной фиксации. Также были исключены AOI, количество фиксаций на которых превышало 3 стандартных отклонения.

По условиям ЭГ1 и ЭГ4 анализировалась продуктивность выполне-

ния экспериментальных заданий (по числу нажатий на клавишу «Enter»). Статистическая обработка результатов производилась с помощью программы SPSS Statistics 20.

Результаты

Продуктивность. Были обнаружены значимые различия по критерию продуктивности (сравнение ЭГ1 и ЭГ4, критерий Стьюдента для независимых выборок $t = 4.025$, $p < 0.01$, двусторонний): задание на поиск букв выполнялось эффективнее (среднее число найденных целевых стимулов — 18, или 75% всех целевых стимулов), чем задание на поиск слов (среднее число найденных целевых стимулов — 10, или 46% всех целевых стимулов) на одном и том же стимульном материале. Применение параметрического критерия обусловлено тем, что распределение результатов в обеих выборках значительно не отличалось от нормального (для ЭГ1: $z = 0.345$, $p = 1.000$; для ЭГ2: $z = 0.464$, $p = 0.982$), а дисперсии выборок значительно не различались (тест Левина на равенство дисперсий: $F = 0.523$, $p = 0.482$).

Для статистической обработки данных по количеству фиксаций использовался непараметрический критерий Манна—Уитни, поскольку распределение данных отличалось от нормального.

Количество фиксаций. Был обнаружен ряд значимых различий в количестве фиксаций между исследуемыми группами: области слов при задании на поиск слов фиксируются значительно больше, чем любые другие области при выполнении задания на поиск букв, а также чем

области «перегонов» между словами при выполнении задания на поиск слов. При выполнении задания на поиск букв на область целевого объекта так же приходится больше фиксаций, чем на область перегонов этого же условия, при этом количество фиксаций на областях целевых объектов и перегонов между условиями поиска букв не различаются. Данные обо всех различиях в количестве фиксаций на разных областях с указанием уровня значимости различий представлены в таблице 1.

Из представленных в таблице 1 значений для дальнейшей интерпре-

тации в соответствии с выдвинутыми гипотезами нам важны следующие сравнения: 1–2, 1–8, 2–9, 8–9, что позволит дать ответ на вопрос, различается ли автоматическое и контролируемое обнаружение слов, а также 3–4, 2–7, которые помогут выяснить, существуют ли глазодвигательные корреляты автоматического обнаружения слов и вмешиваются ли слова в процесс обнаружения букв при выполнении задания на поиск букв. После применения поправки Бонферрони для множественных сравнений уровень значимости – $0.05/6 = 0.008$.

Таблица 1

Уровни значимости различий между всеми экспериментальными подгруппами (критерий Манна–Уитни, двухсторонние квантили)

		Поиск букв, целевая буква в словах, ЭГ1		Поиск букв, целевая буква вне слов, ЭГ2			Поиск букв, без слов, ЭГ3		Поиск слов, ЭГ4	
		1 перегоны	2 цель	3 слова	4 перегоны	5 цель	6 перегоны	7 цель	8 перегоны	9 цель
	Среднее количество фиксаций	2.78	3.16	2.95	2.72	3.20	2.58	3.16	3.36	3.83
1	2.78	-	0.015	0.208	0.566	0.003	0.363	0.012	0.005	0.001
2	3.16		-	0.220	0.003	0.522	0.001	0.878	0.507	0.002
3	2.95			-	0.064	0.068	0.022	0.217	0.087	0.001
4	2.72				-	0.001	0.864	0.003	0.001	0.001
5	3.20					-	0.001	0.663	0.898	0.007
6	2.58						-	0.001	0.001	0.001
7	3.16							-	0.536	0.002
8	3.36								-	0.028
9	3.83									-

Примечание. В строках и столбцах таблицы обозначены одни и те же экспериментальные условия, в клетках таблицы даны результаты сравнения между ними.

Субъективные отчеты. 88% испытуемых отчитались о том, что заметили слова в ЭГ1, 13% испытуемых отчитались о том, что заметили слова в ЭГ2, и никто не отчитался о том, что заметил слова в ЭГ3 (где стимульный материал не содержал слов). Таким образом, число испытуемых, заметивших слова в ЭГ1, значимо отличалось от числа испытуемых, заметивших слова в ЭГ2 (критерий Хи-квадрат Пирсона = 9.000, $p < 0.01$, двусторонний) и ЭГ3 (критерий Хи-квадрат Пирсона = 12.444, $p < 0.001$, двусторонний). Число испытуемых, заметивших слова в ЭГ2 и ЭГ3, значимо не различалось (критерий Хи-квадрат Пирсона = 1.067, $p = 0.302$, двусторонний).

Обсуждение

Первый из полученных нами важных результатов — различие в продуктивности отыскания букв и слов при выполнении соответствующих заданий на одном и том же стимульном материале, несмотря на то, что почти все испытуемые, выполнявшие задание на поиск букв, заметили слова. Различие становится еще более ощутимым, если учесть, что слова охватывают в шесть раз больше стимульного материала (целевые буквы — 4% символов, среди которых осуществляется поиск; целевые слова — 24% символов). Это свидетельствует о том, что зрительный поиск при выполнении этих заданий осуществлялся по-разному. Кроме того, обнаружили различия в характере фиксации при решении задачи поиска слов по сравнению с задачей поиска букв. Количество фиксации

на словах и на «перегонах» между словами значимо выше для условия поиска слов по сравнению с условием поиска букв на том же стимульном материале. По всей видимости, низкая продуктивность при выполнении задания на поиск слов связана с избираемой стратегией зрительного поиска (последовательный побуквенный поиск границ слова), а не с необходимостью перцептивного выделения и обработки слов (количество фиксаций на словах и на «перегонах» в рамках одного условия значимо не различаются). Сравнение всех трех условий поиска букв показывает, что они сходны друг с другом по характеру фиксаций. Количество фиксаций на областях слов, не являющихся в то же время областями целевого объекта, значимо не отличается от количества фиксаций на «перегонах» между целевыми буквами, а количество фиксаций на целевых буквах, включенных в слова, не отличается от количества фиксаций на целевых буквах в стимульном материале, где слова отсутствовали. Таким образом, обнаружение слов в описанных условиях не требует дополнительных когнитивных затрат, которые сказались бы на увеличении количества фиксаций. Мы предполагаем, что обнаружение слов при выполнении задания на поиск букв в буквенных массивах происходит не просто автоматически, но спонтанно: слово в этом случае активируется как образ памяти, не включенный в актуальный процесс восприятия в качестве средства и не вмешивающийся в него. Вместе с тем при поиске целевых букв в массивах, содержащих слова на «перегонах» между целевыми буквами, эти

слова фиксируются чаще случайных последовательностей букв на уровне тенденции при $p < 0.06$ (но не чаще и не реже, чем слова при поиске букв, входящих в состав слов). Это заставляет допустить, что выделенные, но не замеченные слова могут кодироваться в ходе поиска.

Подобную интерпретацию можно было бы распространить и на выполнение задания на поиск слов: сначала слово соотносится со схемой памяти вне привязки к перцептивному опыту, например, как одно из следствий фонологического кодирования отдельных букв, затем, для уже активированной схемы слова, эксплицируются зрительные перцептивные гипотезы и поиск производится в соответствии с ними. Увеличение количества фиксации на перегонах между словами можно объяснить тем, что у испытуемых нет информации о точном местоположении слова в стимульном материале и о его границах и они могут только примерно выделить его, опираясь на время активации схемы в памяти, а также на неверно активированные схемы слов. Но в дополнительном эксперименте¹ с использованием бланковой методики без регистрации движений глаз было показано, что решению задачи поиска слов не способствует преднастройка «сверху», а именно указание категории слов, которые

необходимо отыскать в буквенных рядах. Поскольку установить принадлежность слова к категории можно, только выделив это слово, преактивация слова в «ментальном лексиконе» не ускоряет процесса установления его границ.

Мы предполагаем, что контролируемое выделение слов происходит иначе, чем их спонтанное обнаружение: оно опосредовано стратегией решения задачи и связанной с ней организацией процесса восприятия. Полученные нами данные косвенно указывают на то, что опознание слова осуществляется на нескольких уровнях, участие этих уровней в обработке информации о слове модулируется постановкой задачи. При определенных условиях — при «спонтанном обнаружении слова» — эффект превосходства слова не наблюдается за счет того, что уровни построения перцептивного образа, связанные с его возникновением, оказываются исключены из процесса обнаружения слова.

Выводы

1. К обнаружению слов в случайных буквенных массивах могут приводить, по крайней мере, два различных процесса: спонтанного обнаружения слова, опосредованный кодированием отдельных букв, и

---

¹ В данном эксперименте, выполненном в рамках дипломного исследования С.А. Языкова, 15 испытуемых (средний возраст — 19 лет) решали задачу поиска среднечастотных слов русского языка в буквенных массивах, аналогичных использованным в основной серии экспериментов. При этом все слова принадлежали к одной категории («одежда»). Значимых отличий от решения задачи поиска слов, не относящихся к одной категории, обнаружено не было: $F(1, 40) = 2.634$, $p = 0.112$, хотя все испытуемые отчитались, что знание о категориальной принадлежности слов помогало им решать задачу (Языков, 2015).

контролируемого выделения слова, опосредованный обработкой информации о слове как о целостной перцептивной единице.

2. Задание на поиск слов приводит к изменению стратегии зрительного поиска в сравнении с заданием на поиск букв и сказывается на равномерном увеличении числа фиксации на всем стимульном материале.

3. Спонтанное обнаружение слов в буквенных массивах при решении

задачи поиска букв не вызывает значимого увеличения количества фиксаций на словах, содержащихся в буквенных рядах.

4. Особенности движений глаз при поиске букв и слов в одних и тех же буквенных массивах позволяют предположить, что выделение слова обусловлено не специальной «операцией внимания» как укрупнения единиц обработки информации, а стратегией поиска.

Литература

- Вундт, В. (2007). *Введение в психологию*. М.: КомКнига.
- Гиппенрейтер, Ю. Б. (1983). Деятельность и внимание. В кн. А. В. Запорожец (ред.), *А.Н. Леонтьев и современная психология* (с. 165–177). М.: Изд-во Московского университета.
- Печенкова, Е. В., Фаликман, М. В. (2010). Решение перцептивной задачи как взаимодействие между восходящими и нисходящими процессами переработки зрительной информации. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 3(3), 52–65.
- Степанов, В. Ю. (2011). *Структурные единицы внимания в условиях быстрой смены зрительных стимулов* (Кандидатская диссертация, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва).
- Фаликман, М. В. (2001). *Динамика внимания в условиях быстрого последовательного предъявления зрительных стимулов* (Кандидатская диссертация, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва).
- Фаликман, М. В., Поминова, А. М., Языков, С. А. (2013). Буквы в словах и слова в буквах: к вопросу о перцептивных единицах. В кн. Е. В. Печенкова, М. В. Фаликман (ред.), *Когнитивная наука в Москве: новые исследования* (с. 298–303). М.: БукиВеди.
- Языков, С. А. (2015). *Внимание в задаче зрительного поиска в буквенных массивах* (Дипломная работа, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва).
- Cattell, J. M. (1886). The time it takes to see and name objects. *Mind*, 11, 63–65.
- Falikman, M. (2014). Attention and chunking in visual search among letter stimuli. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 11(2), 150–159.
- McClelland, J., & Rumelhart, D. (1981). An interactive activation model of context effects in letter perception: Part 1. An account of basic findings. *Psychological Review*, 88(5), 375–407.
- Reicher, G. M. (1969). Perceptual recognition as a function of meaningfulness of stimulus material. *Journal of Experimental Psychology*, 81(2), 275–280.
- Wheeler, D. D. (1970). Processes in word recognition. *Cognitive Psychology*, 1(1), 59–85.

Языков Сергей Александрович — выпускник, факультет психологии, МГУ имени М.В. Ломоносова.

Контакты: yazykov.sa@gmail.com

Фаликман Мария Вячеславовна — старший научный сотрудник, кафедра теоретической и прикладной лингвистики, филологический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник, лаборатория когнитивных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, лаборатория когнитивных исследований, Институт общественных наук РАНХиГС; кандидат психологических наук.

Контакты: maria.falikman@gmail.com

Eye Movements in Spontaneous and Controlled Word Detection in Letter Arrays

Sergey A. Zazykov^a, Maria V. Falikman^{a,b,c}

^a *Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

^b *National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnikskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation*

^c *Institute for Humanities, Russian Academy of National Economy and Public Administration, 82/1, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation*

Abstract

The aim of this study was to analyze the scope and limitations of top-down influences upon visual information processing (during visual search for letters and words in random letter arrays). Previously we have demonstrated that the presence of words in large letter arrays does not affect the efficiency of visual search for a target letter in these arrays. The current study shows that spontaneous word extraction during visual search for target letters and controlled word extraction during visual search for words are mediated by different perceptual strategies. Spontaneous word detection is not accompanied by specific eye movements, whereas the words search task produces an increase of the number of eye fixations over all the letter array, both within and between words. In an additional study we demonstrate that categorical set does not affect the efficiency of visual search for words in random letter arrays: it seems that observers first extract words from letter arrays and then categorize detected words. Thus, there appears to exist two distinct mechanisms providing for the detection of words in letter arrays. The first mechanism is based on the processing of separate letters, whereas the second one is based on the processing of words as perceptual chunks.

Keywords: visual search, perceptual strategies, perceptual task, eye movements, word superiority effect, Muensterberg's test.

References

- Cattell, J. M. (1886). The time it takes to see and name objects. *Mind*, 11, 63–65.
- Falikman, M.V. (2014). Attention and chunking in visual search among letter stimuli. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 11(2), 150–159.

- Falikman, M. V. (2001). *Dinamika vnimaniya v usloviyakh bystrogo posledovatel'nogo pred"yavleniya zritel'nykh stimulov* [Dynamics of attention in rapid serial visual presentation] (Ph.D. dissertation, Lomonosov Moscow State University, Moscow).
- Falikman, M. V., Pominova, A. M., & Yazykov, S. A. (2013). Bukvy v slovakh i slova v bukvakh: K voprosu o pertseptivnykh edinitsakh [The letters in the words and the words in the letters]. In E. V. Pechenkova & M. V. Falikman (Eds.), *Kognitivnaya nauka v Moskve: Novye issledovaniya* [Cognitive science in Moscow: New research] (pp. 298–303). Moscow: BukiVedi.
- Gippenreiter, Yu. B. (1983). Deyatel'nost' i vnimanie [Activity and attention]. In A. V. Zaporozhets (Ed.), A.N. *Leontiev i sovremennaya psikhologiya* [Leontiev and contemporary psychology] (pp. 165–177). Moscow: Moscow University Press.
- McClelland, J., & Rumelhart, D. (1981). An interactive activation model of context effects in letter perception: Part 1. An account of basic findings. *Psychological Review*, 88(5), 375–407.
- Pechenkova, E. V., & Falikman, M. V. (2010). Perceptual task decision as an interaction between ascending and descending mechanisms for visual information processing. *Teoreticheskaya i Eksperimentalnaya Psikhologiya*, 3(3), 52–65.
- Reicher, G. M. (1969). Perceptual recognition as a function of meaningfulness of stimulus material. *Journal of Experimental Psychology*, 81(2), 275–280.
- Stepanov, V. Yu. (2011). *Strukturnye edinitsy vnimaniya v usloviyakh bystroj smeny zritel'nykh stimulov* [Structural effects of attention in rapid serial visual presentation] (Ph.D. dissertation, Lomonosov Moscow State University, Moscow).
- Wheeler, D. D. (1970). Processes in word recognition. *Cognitive Psychology*, 1(1), 59–85.
- Wundt, W. (2007). *Vvedenie v psikhologiyu* [Introduction to psychology]. Moscow: KomKniga. (transl. of: Wundt, W. (1911). *Einführung in die Psychologie*. Leipzig: Dürr (in German)).
- Yazykov, S. A. (2015). *Vnimanie v zadache zritel'nogo poiska v bukvennykh massivakh* [Attention in visual search tasks within large letter arrays] (Thesis, Lomonosov Moscow State University, Moscow).

Sergey A. Yazykov – Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University.
E-mail: yazykov.sa@gmail.com

Maria V. Falikman – senior research fellow, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; leading research fellow, Cognitive Research Lab, National Research University Higher School of Economics; senior research fellow, Institute for Humanities, Russian Academy of National Economy and Public Administration, Ph.D.
E-mail: maria.falikman@gmail.com

Обзоры и рецензии

ВОЗМОЖНОЕ Я: ПОДХОД ХЕЙЗЕЛ МАРКУС

В.Ю. КОСТЕНКО^а

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Резюме

В статье приводится развернутый обзор и анализ ключевых публикаций по теории возможного Я. Обобщаются имеющиеся в рамках данного подхода теоретические представления, раскрывается исследовательский потенциал подхода, представляются пути его практического применения. Автор понятия, Хейзел Маркус, вводит новый компонент возможного Я в общую структуру Я-концепции для объяснения влияния на образ Я потенциальных представлений о себе. Возможное Я — это направленный в сферу будущего и возможного компонент Я-концепции, являющийся когнитивным выражением ожиданий, целей, страхов, надежд, стремлений субъекта и выступающий как связующее звено между когнитивной оценкой себя и мотивацией. Текущая оценка человеком самого себя, в понимании Х. Маркус, учитывает возможные Я, которыми человек хотел бы стать, Я, которых он избегает, и даже Я, которые никогда не станут реальностью. При этом данный механизм не сводится лишь к осознанию цели или оценке возможного будущего, но обязательно включает переживание потенциальной ситуации изнутри и оценку возможностей действовать тем или иным образом. В такой форме он становится важным инструментом развития личности, личностным ресурсом совладания с трудностями и саморегуляции деятельности. Анализируются роль и место данного подхода в общей теории Я-концепции. Раскрываются понятия «Я-схема» и «рабочая Я-концепция». Раскрываются некоторые возможности применения данного подхода в психотерапии. Приводятся результаты ряда эмпирических исследований, выполненных в рамках данного подхода. Показано, что конструкт возможного Я проявляет высокий эвристический потенциал и демонстрирует широкие возможности применения в психологической практике.

Ключевые слова: возможное Я, Я-концепция, самодетерминация, саморегуляция, личностные ресурсы.

За более чем трехсотлетнюю историю развития представлений о Я в рамках философии и психологии данный конструкт постепенно обособлялся от базовых понятий о душе, сознании, личности, оформляясь в самостоятельную категорию. В психологии XX в. ситуация усложнилась в связи с введением новых понятий, пропитанных удивительно близким содержанием: Эго, Самость, личность, Я-концепция и др., часто призванные составить ядро новой теории, создали ситуацию, в которой трудно будет разобраться и целой команде историков. Для новейших исследований в этой области характерны, по меньшей мере, две тенденции.

Первая тенденция связана с новой волной интереса к проблеме Я. Так, за последние 30 лет множество новых трактовок данной категории появились в рамках нейропсихологии, теории самодетерминации, экзистенциального подхода, теории Я-концепции, а также в прикладной психотерапевтической области. Актуальная терминология Я включает десятки предикатов к нему, среди которых диалогическое Я (Губерт Херманс), расколотое Я (Рональд Лэнг), пресыщенное Я (Кеннет Герген), мнимое Я (В.А. Петровский), феноменальное Я (В.В. Столин) и мн. др.

Вторая тенденция касается привлечения в эту область нового теоретического материала — теории хаоса и нелинейных динамических систем, афтер-постмодернистских философских концепций, некаузальных объяснительных моделей и т.п. Широкое использование метафор в описании понятия и подчеркивание

парадоксальности Я соседствуют с попытками применить принципы новых естественно-научных достижений при построении теоретических моделей его функционирования.

Синтезом этих идей выступает конструкт так называемого *возможного Я*. В психологической науке «возможное» зачастую противопоставлено «детерминированному» и «реактивному», дополняя таким образом модальности «действительного» и «необходимого» (Эпштейн, 2001). В центре внимания в таком случае оказываются феномены психики, которые либо недетерминированы, либо самодетерминированы (Леонтьев, 2011а). Опираясь на философскую категорию «возможного», Хейзел Маркус открывает новый горизонт в исследованиях этой области, и в данной статье мы остановимся на ключевых идеях данного подхода. Подход Х. Маркус — не единственный пример такого синтеза, некоторые российские авторы развивают сходные идеи. Среди них Д.А. Леонтьев (2014), В.А. Петровский (2014), А.Ш. Тхостов (1994), Л.Я. Дорфман (2004) и др. Однако в нашей работе речь пойдет, в первую очередь, о зарубежном опыте разработки исследуемой проблемы. Дефицит русскоязычных публикаций, раскрывающих сущность подхода Х. Маркус и ее последователей, восполнен в данной работе внимательным изучением термина в непростом теоретическом контексте. Проблематика возможного Я является дискуссионной, обладает высоким теоретическим потенциалом, а также открывает новые пути для решения научно-практических задач. Нам

представляется важным обобщить имеющиеся в рамках данного подхода теоретические представления, раскрыть эвристический потенциал понятия и представить пути его практического применения.

Конструкт возможного Я в контексте общей теории Я-концепции

Трудно спорить с тем, что наиболее успешная попытка операционализировать конструкт Я и приблизиться к его эмпирическому изучению была предпринята именно в рамках теории Я-концепции. Как следует из названия подхода, ядро теории составляет понятие Я-концепции, или образа Я (*self-concept, self-construct, self-identity*). Согласно определению словаря Американской психологической ассоциации, «Я-концепция — это описание и оценка человеком самого себя, включающая психологические и физические характеристики, качества и способности» (*American Psychological Association, 2015, p. 953*). Образ Я составлен из относительно стабильных и доступных осознанию самоописаний и образует целостный работоспособный комплекс, устойчивый к изменениям как внешней среды, так и внутренних состояний индивида. Не вся Я-концепция, однако, постоянно осознана индивидом, но только та ее часть, которая необходима в рамках текущей активности. Таким образом, в качестве содержания Я-концепции могут выступать личностные черты («я целеустремленный», «я женственная»), физические особенности тела («я среднего роста», «я голубоглазый»), социальные

роли («я дизайнер», «я мать», «я либеральных взглядов»), навыки и способности («я хорошо управляю автомобилем», «я быстро читаю») и подобные им характеристики. В то же время в нее не включаются описания временных состояний («мне тепло», «я спокоен»), текущей деятельности («я бегу»), положения в пространстве («я в метро») и подобные им.

В то время как большинство исследований Я-концепции сфокусированы на устойчивом и фактическом ее содержании, подход Хейзел Маркус демонстрирует: *наличное знание о себе находится под существенным влиянием потенциальных представлений о себе*. Для объяснения такого влияния в Я-концепцию вводится компонент возможного Я.

Возможное Я — это направленный в сферу будущего и возможного компонент Я-концепции, являющийся когнитивным выражением ожиданий, целей, страхов, надежд, стремлений субъекта и выступающий как связующее звено между когнитивной оценкой себя и мотивацией. Спектр возможных Я, в определении автора, объединяет в себе «Я, которыми мы очень хотели бы стать... Я, которыми мы могли бы стать, и Я, которыми мы стать боимся» (*Markus, Nurius, 1986, p. 954*). Черпая свое содержание из прошлого (как того, что было возможно) и воображаемого будущего (желаемого и избегаемого), возможные Я создают побудительный и аффективный контекст для актуального видения себя. В то же время, отражая мотивацию деятельности, они функционируют как фильтр будущего поведения и задают поле действия мотива.

Конструкт возможного Я в теории Х. Маркус и ее последователей

Статья Хейзел Маркус, в которой был впервые введен интересующий нас термин, увидела свет в 1986 г. Согласно данным SCOPUS®, к середине 2016 г. она была процитирована более чем в 2300 рецензируемых источниках. Термин «possible self», по данным PsycINFO®, релевантен более чем 300 академическим работам по психологии, из которых больше половины — эмпирические исследования. Тематика прикладных работ, использующих данный концепт, крайне широка и охватывает гендерные различия, кросс-культурные особенности, академические достижения, делинквентное поведение и мн. др. Теоретические исследования по данной теме разворачиваются как в первоначальном русле когнитивных теорий, так и в рамках теории саморегуляции, нарративной психологии и ряда других подходов. В последние десять лет интерес к данному концепту неуклонно растет. Чем же являются и чем не являются возможные Я, какие формы они принимают и как взаимодействуют с другими компонентами образа Я?

Возможные Я различаются у Маркус по двум основаниям. Прежде всего, в зависимости от возникающего у индивида отношения, среди них существуют желательные (позитивные) и нежелательные Я (избегаемые, негативные). В разработанной Маркус и Ньюриус методике, содержащей 150 различных вариантов возможных Я, выделяется шесть содержательных групп. В первую группу попадают категории, описы-

вающие черты характера, такие как быть креативным, находчивым, эгоистичным. Этот набор черт является типичным для опросников, исследующих Я-концепцию. Вторая группа характеризует телесные особенности — быть привлекательным, атлетичным, морщинистым, слепым и др. Третья группа описывает возможные Я, относящиеся к образу жизни. Среди них быть активным в общественной жизни, быть психически здоровым, алкогольно зависимым, неизлечимо больным. Четвертый блок посвящен различным способностям — хорошо готовить, чинить вещи, влиять на людей, разбираться в музыке. Пятая группа описывает различные профессиональные возможности — быть бизнесменом, судьей верховного суда, водителем такси, офицером полиции. Последний блок связан с отношением к индивиду других людей — быть уважаемым, любимым, изгоем (Markus, Nurius, 1986, p. 958). Помимо содержания, для эмпирических исследований характерно использование в качестве критерия оценки возможных Я субъективной вероятности их воплощения в жизнь.

Для понимания особой роли возможного Я следует воспользоваться оригинальной теорией Маркус и проследить связь данного понятия с двумя другими компонентами образа Я — Я-схемы и рабочей Я-концепции.

Я-схема (self-schema) — это компонент Я-концепции, ответственный за организацию и трансляцию информации о себе, необходимой для текущей деятельности. «Индивид, обладающий “Я-схемой” в определенной сфере активности... использует

свои «Я-схемы» для вынесения быстрых и уверенных суждений, для гибкой адаптации к различным задачам обработки информации и для точного извлечения информации, релевантной этой сфере активности» (Cross, Markus, 1994, p. 423). Стоит отметить, что Я-схемы не заключают в себе саму способность действовать и не являются диспозицией к действию, а лишь отражают индивидуальный характер отбора и оценки информации о себе, необходимой для данной активности. Именно наличие или отсутствие Я-схем, релевантных конкретному возможному Я, определяет *степень его реалистичности*. Так, возможное Я «быть в скором будущем водителем личного автомобиля» будет полнее и реалистичнее для человека, обладающего навыками вождения, чем для человека, никогда не садившегося за руль.

Другая категория, необходимая для понимания функционирования возможного Я в общей когнитивной структуре, — рабочая Я-концепция (*working self-concept*). Она охватывает часть текущего содержания сознания и «может быть рассмотрена как непрерывно активное, изменяющееся множество доступного знания о себе» (Markus, Nurius, 1986, p. 957). Рабочая Я-концепция находится под непрерывным влиянием прошлого содержания образа Я, наличной ситуации и требований текущей активности. Возможное Я и рабочая Я-концепция обмениваются информацией и формируют друг друга. К примеру, после подачи документов абитуриент может переживать нежелательное возможное Я «быть абитуриентом, провалившим экзамены»,

что, несомненно, окажет влияние на его оценку себя и фактическое поведение в период экзаменов. С другой стороны, существовавшее до экзаменов возможное Я «быть студентом МГУ» совершенно изменится с первых дней учебы, после того как актуальная оценка себя и новая поступающая информация окажут свое влияние.

Существует опасность слишком узкого понимания описываемого конструкта — как идеального Я или, напротив, слишком широкой интерпретации как отражения любой цели, намерения, угрозы в форме когнитивных репрезентаций.

В первую очередь, возможное Я следует отличать от идеального Я, природа возникновения которого совершенно иная. Идеальное Я задается социальными нормативами и включает в себя в основном положительные характеристики (кем я должен быть), в то время как возможное Я является отражением собственной мотивации индивида и может предполагать как положительное, так и отрицательное отношение к его содержанию (Белинская, 1999).

Было отмечено, что возможное Я может являться когнитивным отражением как ожиданий и надежд, так и страхов, опасений индивида. Мартин Эриксон внес ряд существенных разъяснений этого положения. Так, содержание возможного Я никогда не ограничивается лишь оценкой будущего как желаемого или избегаемого. Оно необходимо включает «переживание этой ситуации “изнутри”» (Erikson, 2007, p. 349). Возможное Я — это всегда *возможность быть* так или иначе, субъективный опыт присутствия в потенциальной

жизненной ситуации. Кроме того, конструирование возможного Я отличается от простой постановки цели или осознания некоторой угрозы: возможное Я предполагает *переживание себя в качестве субъекта активности*, а значит, включает субъективный опыт возможности действовать тем или иным образом из новой потенциальной точки. Например, желание человека найти хорошую работу будет являться возможным Я только тогда, когда он представит, каково ему будет и как он сможет действовать в роли человека, у которого есть хорошая работа. Но такого переживания и возможного Я может и не возникнуть в случае, если цель — приготовить ужин и нет никакой необходимости переживать себя «ужинаящим». С другой стороны, в качестве возможного Я может выступать воображаемое путешествие на Северный полюс безотносительно к желанию воплотить это в жизнь; или возможность приобрести неизлечимое заболевание, даже если для такой фантазии нет никаких оснований. Отсюда следует, что не все опасения и надежды воплощаются в возможных Я и не всякое возможное Я является отражением направленности личности. Однако в своей повседневной функции они призваны отражать *наиболее вероятную возможность*, и именно в этом качестве чаще всего становятся предметом эмпирических исследований.

Таким образом, возможное Я — это не некоторое стабильное образование, но всегда опыт, переживание; не факт и не результат оценки, но *субъективное пространство потенциальной активности субъекта* (agency) — как желаемой, так и избегаемой.

Возможное Я можно рассматривать и как инстанцию, в которой заключена потенция к изменению и развитию. По мнению Маркус, «через отбор и конструирование возможных Я человек предстает в качестве активного созидателя своего собственного развития» (Markus, Nurius, 1986, p. 955). Действительно, ситуация выбора возможного себя качественно отлична от ситуации выбора любой другой возможности. Как выбор из возможностей субъектности он определяет прочие возможности действовать. Это выбор быть тем или иным источником активности, конструирование того или иного способа быть.

Возможное Я в эмпирических исследованиях и психотерапии

Хотя возможное Я по своей природе легко поддается самоотчету, его влияние на личность выходит за рамки простого самоопределения, распространяясь на последующую деятельность. Показано, что в переживании возможного Я неизбежно возникает и эмоциональное отношение к нему, в свою очередь, оказывающее влияние на силу мотивации: «осознание желаемого возможного Я может стимулировать возникновение позитивного эмоционального состояния, и желание сохранить или усилить это состояние является побудительным или дающим силы» (Cross, Markus, 1994, p. 424).

Сила мотива будет зависеть и от соотношения желаемых и избегаемых возможных Я, возникающих вокруг одной потребности. Наибольшую побудительную силу будет иметь сбалансированное соотношение, при

котором имеются как возможные Я достижения желаемого, так и возможные Я избегания неудачи в удовлетворении потребности. Такая ситуация не только увеличивает совокупную силу мотива, но и «расширяет репертуар поведения, релевантного желаемому результату» (Hoyle, Sherrill, 2006, p. 1678). Напротив, «недостаток таких побудительных качеств может быть связан с существованием хорошо проработанных негативных возможных Я, которые дают яркую когнитивную форму индивидуальным страхам и опасностям, но не содержат стратегий, или Я-сценариев, о том, как избежать их» (Markus, Nurius, 1986, p. 962). Показано, что с возрастом личность достигает все большего соответствия желаемого и действительного представления о себе, изменяются содержание и роль возможных Я (Ryff, 1991).

Прикладное значение теории Маркус проявило себя в консультативной психологии. Так, например, из делинквентных исследований вытекает важное для терапевтической практики следствие: самооценка и уровень притязаний не столько определяют реальное поведение, сколько представление о себе в будущем (Oyserman, Markus, 1990). Моделирование возможных Я, поддерживающих позитивные изменения, — одно из направлений работы в

рамках терапевтической сессии (Dunkel et al., 2006). В то же время на материале исследований академической и карьерной успешности показано, что ригидность возможных Я может выступать в качестве серьезного препятствия для достижения поставленных целей, а их переработка и изменение, напротив, способствуют успешной адаптации в новых условиях (Pizzolato, 2007). Возможные Я, таким образом, могут быть рассмотрены и как один из ресурсов устойчивости личности и совладания с трудностями.

Метафора Я или Эго как гироскопа, часто упоминаемая в литературе (см., например: Кон, 1984, с. 141; Леонтьев, 2011б, с. 59; Volkan, Hooker, 2012, p. 357), находит свое развернутое теоретическое обоснование и в подходе Х. Маркус: кажущаяся стабильность фактических поведенческих проявлений сопровождается мириадами незаметных глазу наблюдателя оценок и переживаний возможного состояния Я. Последние, согласуясь с относительно стабильными условиями действительности, оказывают микро- и макрорегулирующее влияние на «изменение курса» деятельности. Конструкт возможного Я, таким образом, проявляет высокий эвристический потенциал для психологии личности и демонстрирует широкие возможности применения в психологической практике.

Литература

- Белинская, Е. П. (1999). Временные аспекты Я-концепции и идентичности. *Мир психологии*, 3, 40–46.
- Дорфман, Л. Я. (2004). Я-концепция: Дифференциация и интеграция. В кн. Л. Я. Дорфман (ред.), *Интегральная индивидуальность, Я-концепция, личность* (с. 96–123). М.: Смысл.

- Кон, И. С. (1984). *В поисках себя: Личность и ее самосознание*. М.: Политиздат.
- Леонтьев, Д. А. (2011а). Новые ориентиры понимания личности в психологии: От необходимого к возможному. *Вопросы психологии*, 1, 3–27.
- Леонтьев, Д. А. (2011б). Подход через развитие эго: Уровневая теория Дж. Лёвинджер. В кн. Д. А. Леонтьев (ред.), *Личностный потенциал: Структура и диагностика* (с. 59–78). М.: Смысл.
- Леонтьев, Д. А. (2014). Конец имманентности и перспектива возможного. В кн. Г. Л. Белкина (ред.), *Место и роль гуманизма в будущей цивилизации* (с. 174–185). М.: Ленанд.
- Петровский, В. А. (2014). Я: Конфигурации артефакта. *Культурно-историческая психология*, 10(1), 63–78.
- Тхостов, А. Ш. (1994). Топология субъекта (Опыт феноменологического исследования). *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 2, 3–13.
- Эпштейн, М. Н. (2001). *Философия возможного: Модальности в мышлении и культуре*. СПб.: Алетейя.
- American Psychological Association. (2015). *APA dictionary of psychology*. Washington, DC: American Psychological Association.
- Bolkan, C., & Hooker, K. (2012). Self-regulation and social cognition in adulthood: The gyroscope of personality. In S. K. Whitbourne & M. J. Sliwinski (Eds.), *The Wiley-Blackwell handbook of adulthood and aging* (pp. 357–380). West Sussex: Blackwell Publishing Ltd.
- Cross, S., & Markus, H. (1994). Self-schemas, possible selves, and competent performance. *Journal of Educational Psychology*, 86(3), 423–438. doi:10.1037/0022-0663.86.3.423
- Dunkel, C., Kelts, D., & Coon, B. (2006). Possible selves as mechanisms of change in therapy. In C. Dunkel & J. Kerpelman (Eds.), *Possible selves: theory, research and application* (pp. 187–204). New York: Nova Science Publishers Inc.
- Erikson, M. (2007). The meaning of the future: Toward a more specific definition of possible selves. *Review of General Psychology*, 11(4), 348–358. doi:10.1037/1089-2680.11.4.348
- Hoyle, R., & Sherrill, M. (2006). Future orientation in the self-system: Possible selves, self-regulation, and behavior. *Journal of Personality: Journal Compilation*, 74(6), 1673–1696.
- Markus, H., & Nurius, P. (1986). Possible selves. *American Psychologist*, 41(9), 954–969. doi:10.1037/0003-066X.41.9.954
- Oyserman, D., & Markus, H. (1990). Possible selves and delinquency. *Journal of Personality and Social Psychology*, 59(1), 112–125.
- Pizzolato, J. E. (2007). Impossible selves: Investigating students' persistence decisions when their career-possible selves border on impossible. *Journal of Career Development*, 33(3), 201–223. doi:10.1177/0894845306296644
- Ryff, C. D. (1991). Possible selves in adulthood and old age: A tale of shifting horizons. *Psychology and Aging*, 6(2), 286–295. doi:10.1037/0882-7974.6.2.286

Костенко Василий Юрьевич — младший научный сотрудник, Международная лаборатория позитивной психологии личности и мотивации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Контакты: vasily.kostenko@gmail.com

Possible Self: Theory by Hazel Markus

Vasiliy Yu. Kostenko^a

^a National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to the review and analysis of the key publications on the “Possible self” theory. The theoretical representations developed within this approach are provided in the text. The research potential of the approach is elaborated, and ways of its practical application are represented. Hazel Markus, the author of the term “possible self”, adds a new component to the general model of self-concept for an explanation of how concepts of potency influence self-concept as a whole. Possible self is the part of self-concept that appeals to the sphere of future and potency, and serves as a cognitive expression of expectations, goals, fears, hopes and aspirations of the subject, as well as the link between cognitive appraisal of self and motivation. The current estimation of the self, as H. Markus believes, considers possible selves, those that the person would like to become, selves that he avoids, and even selves that will never become real. At the same time this mechanism is not reduced only to understanding of the goal or appraisal of the possible future, but surely includes experience of a potential situation from within and appraisal of opportunities to act. In such form it becomes the important instrument of the personality development and personality resource of self-regulation and coping with difficulties. The role and the place of this approach in the general theory of self-concept were analyzed. The concepts “self-schema” and “working self-concept” were defined. Some opportunities of application of this approach in psychotherapy are revealed. Results of some empirical studies provided within this approach are given. It is shown that possible self construct demonstrates high heuristic potential and demonstrates ample opportunities of application in psychological practice.

Keywords: possible self, self-concept, self-determination, personality resources.

References

- American Psychological Association. (2015). *APA dictionary of psychology*. Washington, DC: American Psychological Association.
- Belinskaya, E. P. (1999). Vremennye aspekty Ya-kontseptsii i identichnosti [Temporal aspects of self-concept and identity]. *Mir Psikhologii*, 3, 40–46.
- Bolkan, C., & Hooker, K. (2012). Self-regulation and social cognition in adulthood: The gyroscope of personality. In S. K. Whitbourne & M. J. Sliwinski (Eds.), *The Wiley-Blackwell handbook of adulthood and aging* (pp. 357–380). West Sussex: Blackwell Publishing Ltd.
- Cross, S., & Markus, H. (1994). Self-schemas, possible selves, and competent performance. *Journal of Educational Psychology*, 86(3), 423–438. doi:10.1037/0022-0663.86.3.423

- Dorfman, L. Ya. (2004). Ya-kontsepsiya: Differentsiatsiya i integratsiya [Self-concept: Differentiation and integration]. In L. Ya. Dorfman (Ed.), *Integral'naya individual'nost', Ya-kontsepsiya, lichnost'* [The integrated identity, self-concept, personality] (pp. 96–123). Moscow: Smysl.
- Dunkel, C., Kelts, D., & Coon, B. (2006). Possible selves as mechanisms of change in therapy. In C. Dunkel & J. Kerpelman (Eds.), *Possible selves: theory, research and application* (pp. 187–204). New York, NY: Nova Science Publishers Inc.
- Epshtein, M. N. (2001). *Filosofiya vozmozhnogo: Modal'nosti v myshlenii i kul'ture* [The philosophy of the possible: The modalities of thinking and culture]. Saint Petersburg: Aleteiya.
- Erikson, M. (2007). The meaning of the future: Toward a more specific definition of possible selves. *Review of General Psychology, 11*(4), 348–358. doi:10.1037/1089-2680.11.4.348
- Hoyle, R., & Sherrill, M. (2006). Future orientation in the self-system: Possible selves, self-regulation, and behavior. *Journal of Personality: Journal Compilation, 74*(6), 1673–1696.
- Kon, I. S. (1984). *V poiskakh sebya: Lichnost' i ee samosoznanie* [In search of the self: Personality and its identity]. Moscow: Politizdat.
- Leontiev, D. A. (2011a). New reference points for understanding personality in psychology: From the necessary towards the possible. *Voprosy Psikhologii, 1*, 3–27.
- Leontiev, D. A. (2011b). Podkhod cherez razvitie ego: Urovnevaya teoriya Dzh. Lyovindzher [The approach of ego development: Loevinger's stage theory]. In D. A. Leontiev (Ed.), *Lichnostnyi potentsial: Struktura i diagnostika* [Personality potential: Structure and diagnostics] (pp. 59–78). Moscow: Smysl.
- Leontiev, D. A. (2014). Konets immanentnosti i perspektiva vozmozhnogo [End of immanence and the prospect of possible]. In G. L. Belkina (Ed.), *Mesto i rol' gumanizma v budushchei tsivilizatsii* [The place and role of humanism in the future of civilization] (pp. 174–185). Moscow: Lenand.
- Markus, H., & Nurius, P. (1986). Possible selves. *American Psychologist, 41*(9), 954–969. doi:10.1037/0003-066X.41.9.954
- Oyserman, D., & Markus, H. (1990). Possible selves and delinquency. *Journal of Personality and Social Psychology, 59*(1), 112–125.
- Petrovsky, V. A. (2014). Self: The configuration of artifact. *Kul'turno-istoricheskaya Psikhologiya, 10*(1), 63–78.
- Pizzolato, J. E. (2007). Impossible selves: Investigating students' persistence decisions when their career-possible selves border on impossible. *Journal of Career Development, 33*(3), 201–223. doi:10.1177/0894845306296644
- Ryff, C. D. (1991). Possible selves in adulthood and old age: A tale of shifting horizons. *Psychology and Aging, 6*(2), 286–295. doi:10.1037/0882-7974.6.2.286
- Tkhostov, A. Sh. (1994). Topologiya sub»ekta (Opyt fenomenologicheskogo issledovaniya) [The topology of the subject (Attempt of a phenomenological study)]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya, 2*, 3–13.

Vasily Yu. Kostenko — junior research fellow, International laboratory of positive psychology of personality and motivation, National Research University Higher School of Economics.
E-mail: vasily.kostenko@gmail.com

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:
<http://psy-journal.hse.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-59803 от 7 ноября 2014 г. зарегистрировано Федеральной
службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).

Адрес издателя и распространителя
Фактический: 115230 Москва, Варшавское ш., д. 44а, оф. 405а,
Издательский дом НИУ ВШЭ
Почтовый: 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Тел. (499) 611-15-08, E-mail: id.hse@mail.ru

Формат 70x100/16. Тираж 350 экз. Печ. л. 13.5

Всё о наших изданиях

id.hse.ru/books
id.hse.ru/catalogue

Отдел реализации

тел.: (499) 611-24-16
факс: (499) 611-13-03
e-mail: bookmarket@hse.ru

Интернет-магазин

<http://id.hse.ru/shop>

**Университетский
книжный магазин
«БукВышка»**

Москва, ул. Мясницкая, 20,
тел.: (495) 628-29-60
id.hse.ru/bookshop
e-mail: books@hse.ru